

САФРУТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

САФРУТЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Л. ЯФФЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. Д. ЗАЛЬЦМАНЪ
БЕРЛИНЪ

★
Copyright
by the S. D. Saltzmann Verlag
Berlin 1922

Печать Библиографического Института въ Лейпцигѣ

Х. П. Балик
Галаха и Агада

С. Черниковскій
Идилліи
I. Завѣтъ Авраама
II. Вареники пер. В. Ходасевича

Х. Гринбергъ
Борьба за національную индивидуальность

Х. П. Балик
Передъ книжнымъ шкафомъ пер. О. Румера

С. Ан-скій
У источника (сказанія)
I. Встрѣча / II. Осмѣяніе

И. Бринь
Благовѣстіе

Г. Шофманъ
Разказы
Ганя / На посту / У дороги

В. Брюсовъ

Библия

Х. Н. Бяликъ

Подъ оболочкой языка

Л. Яффе

Стихотворенія

Erez Israel / Въ омаровой мечети

Въ долини Сарона

С. Дубиновъ

Воспоминанія объ Абрамовичѣ

Менделе-Мохеръ-Сфоримъ

С. Маршакъ

Иерусалимъ

Х. Тадиръ

Мессія / Отступникъ

Андрей Соболевъ

Встань и иди

★

Х. Н. БЯЛИКЪ

ГАЛАХА И АГАДА

★

ГАЛАХА И АГАДА

У Галахи—лицо суровое, у Агады—улыбающееся. Первая педантична, строга, тверда какъ желѣзо—сфера справедливости; вторая — уступчива, снисходительна, мягка — сфера милосердія. Первая дасть властныя велѣнія и опредѣляетъ точную мѣру ихъ выполненія: ея требованія и запреты — строго категоричны. Вторая увѣщаетъ, соразмѣряясь съ человѣческими силами и склонностями: ея «да» и «нѣтъ» одинаково не настойчивы. Первая — виѣшность, матерія, дѣйствіе; вторая — сокровенность, духъ, — душевное напряженіе. Тутъ окаменѣвшій консерватизмъ, долгъ, порабощеніе; тамъ непрерывное обновленіе, свобода, добрая воля. Галахи и Агада въ жизни. Въ литературѣ же Галаха характеризуется своей прозаической сухостью, сжатымъ и устойчивымъ стилемъ, тусклымъ языкомъ, — господствомъ разума, Агада же — поэтическимъ ароматомъ, стремительнымъ и подвижнымъ стилемъ, многоцвѣтнымъ языкомъ — сферой непосредственнаго чувства.

Линію такихъ различительныхъ признаковъ между Галахой и Агадой можно продолжить до безконечности, и въ каждомъ изъ нихъ будетъ заключаться извѣстная доля правды, но вытекаетъ ли отсюда, какъ многіе полагаютъ, что Галаха и Агада являются двумя противоположными, соперничающими началами?

Сторонники этого взгляда смѣшиваютъ предметъ съ его состояніями и форму съ матеріей, напоминая собою тѣхъ, кому ледъ и вода представлялись двумя различными элементами. На самомъ дѣлѣ Галаха и Агада также являются ни чѣмъ инымъ, какъ двумя единымъ элементомъ, — двумя ликами одного и того же существа. Онѣ относятся другъ къ другу, какъ слово — къ мысли и чувству или какъ дѣйствіе и конкретный образъ относятся къ слову. Галаха есть кристаллизованная Агада, ея обязательный конечный выводъ; Агада же, въ свою очередь, есть раствореніе Галахи. Трепещущій голосъ запросовъ сердца въ ихъ порываніи къ вондѣлѣнной цѣли — это Агада; мѣсто отдохновенія, временное удовлетвореніе и утоленіе этихъ запросовъ — это Галаха. Сновидѣніе тяготѣетъ къ своему разрѣшенію, желаніе — къ дѣйствию, мысль — къ слову, цвѣтъ — къ плоду, а Агада — къ Галахѣ. Но и плодъ уже таитъ въ себѣ зерно новаго цвѣтенія. И Галаха, возвышаю-

щаяся до степени символа — а таковая существует, как видно будет из дальнѣйшаго — сама становится источникомъ новой Агады. Живая и здоровая Галаха есть Агада въ прошломъ или будущемъ, и наоборотъ. Ихъ начала и концы заложены другъ въ другъ. Что, въ сущности, представляютъ собою всѣ 613 постановленийъ еврейской религіи, если не полученную въ результатѣ длительного очистительнаго процесса квинтъ эссенцію древняго міао, легендъ и обычаевъ — живой Торы, Торы сердца и усть, какъ бы витавшей въ воздухѣ впродолженіе ряда тысячелѣтій до наступленія періода ея кристаллизаціи въ видѣ законовъ, вырѣзанныхъ на камнѣ и начертанныхъ на пергаментѣ? Ученіе о жертвоприношеніяхъ, о ритуальной чистотѣ и нечистотѣ, о запрещенныхъ яствахъ коренится въ жреческомъ міоѣ; воспоминательные обряды связаны съ національно-историческими сказаніями, а заповѣди объ отношеніи къ ближнимъ съ чувствомъ справедливости и состраданія, жившимъ въ сердцѣ народа и получившимъ свое выраженіе въ устахъ его пророковъ. Но и будучи записанными, онѣ все же еще не окаменѣвали, ибо на самомъ дѣлѣ «Тора сердца и усть» ни на минуту не прекращала своего существованія, а ея живое и подвижное дыханье постоянно колыхалось и вѣяло надъ Писаніемъ, оживляя, расширяя или суживая его, а иногда и отмѣняя его, на время или навсегда, въ зависимости отъ новыхъ потребностей или даже отъ новыхъ идей и вѣрованій. Не только «Моисей установилъ, а пророкъ Іезекіиль отмѣнилъ» — какъ указывается въ Талмудѣ, но даже нѣкій «Даніиль Хаята» не постѣснялся рѣзко отозваться объ одномъ строгомъ запретѣ* Пятикнижія, надѣясь, что когда-нибудь онъ будетъ отмѣненъ.

Процессы растворенія и кристаллизаціи въ Галахѣ и Агадѣ особенно рельефно обнаруживаются въ періоды «переворотовъ» и

* Въ виду особой рѣзкости его словъ, я ихъ приведу тутъ полностью. «Мидрашъ-Рабба» и «Когелетъ-Рабба» останавливаются на слѣдующемъ мѣстѣ изъ Экклезіаста: «опять видѣлъ я всякія угнетенія, какія совершаются подъ солнцемъ: и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ», и отъ руки угнетающихъ ихъ — насиліе, а утѣшителя у нихъ нѣтъ». Даніиль Хаята относитъ эти слова къ положенію незаконнорожденныхъ, и толкуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «и вотъ слезы угнетенныхъ» — ихъ родители грѣшили, почему же эти несчастные обречены на страданія? Отецъ совершилъ прелюбдіяніе и далъ ему жизнь — чѣмъ же сынъ согрѣшилъ? (Почему же Пятикнижіе считаетъ его отверженнымъ отъ его народа?) «и отъ руки угнетающихъ ихъ — насиліе» — отъ руки высшаго суда во Израилѣ, отвергающаго ихъ *силой закона Торы*; «а утѣшителя у нихъ нѣтъ» — сказалъ Господь: мнѣ надлежитъ ихъ утѣшать, ибо въ *здвѣнемъ міръ* они осквернены, а въ грядущіе дни будутъ слова пророка Захаріи, сказавшаго о нихъ: «я вижу свѣтильникъ изъ чистаго золота».

конституирования новых законов. Потерявшая свою цѣнность старая Галаха снова какъ бы опускается въ горнило сердца и растворяется въ Агаду, подобную или даже неподобную ей; послѣдняя-же возвращаясь оттуда въ рафинированномъ видѣ, отливается въ формы и дѣйствія, въ которыхъ она снова кристаллизуется въ Галаху, исправленную или обновленную. Галаха является, такимъ образомъ, не меньшимъ творчествомъ, чѣмъ Агада. Ея искусство самое великое въ мірѣ искусство жизни и проложенія жизненныхъ путей. Ея матеріалъ — живой человѣкъ со всеми свойствами его души; ея орудіе — индивидуальное, общественное и національное воспитаніе; ея плоды — послѣдовательная цѣпь красивой жизни и красивыхъ дѣйствій, протореніе жизненнаго пути сквозь лабиринтъ индивидуальных и соціальныхъ противорѣчій, достойное пребываніе человѣка на землѣ, улучшенный *укладъ жизни*. Ея произведенія не объединены и не сконцентрированы въ матеріалѣ, времени и мѣстѣ, подобно произведеніямъ другихъ искусствъ, какъ, напримѣръ, скульптуры, живописи, архитектуры, музыки или поэзіи. Мало по малу и штрихъ за штрихомъ они вырисовываются изъ всего комплекса жизненныхъ проявленій человѣка, дающихъ въ результатѣ общій итогъ, единую совершенную или не совершенную картину: Галаха есть воспитательное искусство, искусство — педагогъ для цѣлаго народа, и всѣ ея начертанія въ народной душѣ, какъ крупныя, такъ и мелкія, продиктованы вдохновеніемъ и высшей, прозорливой мудростью. День за днемъ и часъ за часомъ она усердно работаетъ надъ осуществленіемъ лишь одного образа Божьяго въ человѣкѣ. Кельнскій Соборъ, Миланскій Соборъ, Notre Dame de Paris достигли совершенства красоты и стали такими, какими мы ихъ видимъ, благодаря усердію міровыхъ мастеровъ въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій. Въ свое время каждый изъ нихъ отдавалъ свою жизнь и лучшія творческія силы работѣ, священной лишь для него одного, и не подлежитъ сомнѣнію, что только ихъ общимъ подчиненіемъ единой, центральной и священной для нихъ идее объясняется столь счастливое завершеніе этихъ «божественныхъ твореній». Идея о воздвиженіи храма своему Богу — она именно витала передъ глазами всѣхъ этихъ мастеровъ, осяняла ихъ творческимъ вдохновеніемъ; она имсно и водила въ ихъ рукахъ циркулемъ, молоткомъ, рѣзцомъ и кистью, диктовала имъ каждый штрихъ и начертаніе и указывала каждый камень и кирпичъ, сложившіеся впоследствии, послѣ столѣтій труда разъединенныхъ въ пространствахъ и времени людей, въ единое величественное зданіе. Евреи обладаютъ *своимъ* величественнымъ твореніемъ — святымъ и возвышеннымъ *днемъ*, «Принцессой — Саббатъ». Народное воображеніе превратило се въ живое, облеченное плотью существо,

въ совершенство красоты. Это — та Суббота, которую Богъ привелъ въ Свой міръ по окончаніи первотворенія, дабы, говоря словами древняго сказанія, разрисованный и разукрашенный міръ-балдахинъ воспріялъ подъ свою сѣнь невѣсту; та суббота, которая была драгоценностью Божіей въ Его извѣчной сокровищницѣ и для которой онъ нашелъ достойнаго жениха лишь въ лицѣ Израіля. По другому народному сказанію Суббота сидитъ, какъ принцесса, какъ «невѣста въ оправѣ своихъ подругъ», скрытая въ райскомъ чертогѣ за семью покоями, и шесть ея рабынь, шесть дней труда, прислуживаютъ ей. При ея вступленіи въ городъ всѣ обращаютъ къ ней свои взоры съ пороговъ своихъ и встрѣчаютъ ее привѣтствіемъ: «Гряди, невѣста, гряди, невѣста, суббота — королева!», а хасиды устраиваютъ ей встрѣчу въ открытомъ полѣ. Однажды она, грустная и омраченная, явилась во снѣ Ибнъ-Эзрѣ и вручила ему письмо къ своему избраннику-Израілю. Это знаменитая «грамота субботы». Всѣ еврейскіе поэты, отъ рабби Йегуды Галевы до Генриха Гейне, посвящали ей свои пѣсни и мелодіи. Развѣ она не совершенство сказочнаго, «агадическаго» произведенія? Развѣ она сама не является родникомъ жизни и святости для цѣлаго народа, источникомъ живого вдохновенія для поэтовъ и пѣвцовъ? И все же, кто скажетъ, кто разрѣшитъ вопросъ, чье она произведеніе и чему она обязана тѣмъ, чѣмъ она стала — Галахѣ или Агадѣ? Въ 524 страницахъ талмудической письменности, трактующихъ о субботѣ, агадическій матеріалъ почти совершенно отсутствуетъ. Эти страницы состоятъ преимущественно изъ галахическихкихъ разсужденій и деталей о тридцати девяти основныхъ работахъ, запрещенныхъ въ субботу, о развѣтвленіяхъ этихъ работъ и о точномъ установленіи предѣловъ того пространства, которое разрѣшается проходить въ день обязательнаго отдыха. Какой именно елей слѣдуетъ зажигать въ канунъ субботы, какіе именно предметы обременяютъ домашній скотъ, которому также повелѣно предоставить субботній отдыхъ, какъ устанавливаютъ «субботніе предѣлы» — сколько тутъ положено умственнаго труда, сколько тутъ потрачено остроты и тонкости на каждую мельчайшую деталь! Когда я перелистываю эти страницы и вижу передъ собою группы таннаевъ и амораевъ за работой, я говорю себѣ: поистинѣ художники жизни стоятъ передо мною, художники жизни, въ своей мастерской за работой! Такая колоссальная духовная работа, муравьиная и титаническая въ одно и тоже время, проникнутая любовью и безграничной вѣрой, немислима безъ вдохновенія. Не иначе, какъ единая возвышенная идея, единый величественный образъ субботы носился передъ, глазами всѣхъ этихъ разъединенныхъ людей, и этотъ именно духъ субботы собралъ ихъ воедино

изъ ряда поколѣній и сдѣлалъ ихъ соучастниками въ ея созиданіи и совершенствованіи. Всѣ эти своеобразныя діалектическія и казуистическія формулы, которыми пестрятъ талмудическія дебаты по поводу соблюденія субботы, всѣ эти оградительныя и ограничительныя постановленія являютъ лишь все новыми художественными штрихами, дополнительными начертаніями на образѣ субботы, тѣми обязательными штрихами и начертаніями, безъ которыхъ она не могла бы стать тѣмъ, чѣмъ ей быть надлежитъ. И что вышло въ результатѣ всей этой кропотливой галахической работы, — день, весь *сотканный изъ Агады*. —

Такихъ примѣровъ немало. Таково Іомъ Кипуръ, такова Пасха, таковы и прочіе торжественныя дни. Заключающейся въ нихъ элементъ красоты, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, очевиденъ. Всѣ они — прекрасныя произведенія, полны живого, оживляющаго содержанія и высокаго, возвышающаго смысла, несмотря на то, что всѣ они порождены строгой, жестокой Галахой и окружены со всѣхъ сторонъ галахическими «оградами». Въ то время, какъ художники другихъ народовъ сидѣли въ своихъ мастерскихъ и тонкимъ чутьемъ проникновенно устанавливали законы гармоніи въ ваятельномъ, напримѣръ, искусствѣ, имѣя въ виду услажденіе человѣческихъ чувствъ, въ это самое время еврейскіе мудрецы сидѣли въ своихъ школахъ и также вдохновенно, съ чрезвычайной яснымъ чутьемъ, устанавливали начала душевной гармоніи для *добрыхъ дѣяній*, имѣя этимъ въ виду украшеніе и улучшение самого человѣка, совершенствованіе людей. Мы не беремъ судить, кому изъ нихъ надо отдать предпочтеніе. Мы только думаемъ, что какъ тамъ, такъ и тутъ, мы имѣемъ дѣло съ *творчествомъ*, съ воплотившимися идеями, съ идеалами, осуществленными въ дѣйствительности творческимъ духомъ человѣка; какъ тамъ, такъ и тутъ есть мѣсто для наиболѣе яркаго проявленія элементовъ красоты; какъ тамъ, такъ и тутъ нужны вдохновеніе и «Божія милость». Тутъ существуетъ только та же разница матеріала и средствъ, которая существуетъ и между отдѣльными отраслями общепризнанныхъ искусствъ, какъ, напримѣръ, между музыкой и живописью. Впрочемъ, есть еще и другая, существенная разница: произведенія общепризнанныхъ искусствъ, обращающіяся къ человѣку, какъ къ отдѣльному индивидууму и, какъ уже прежде указано, объединенныя и сконцентрированныя въ матеріалѣ, времени и пространствѣ, могутъ быть разсматриваемы сразу, въ одинъ пріемъ и на близкомъ разстояніи, между тѣмъ, какъ произведенія Галахи, обращающіяся также и ко всему коллективу и чрезвычайно разъединенныя отдѣльными своими частями въ матеріалѣ, времени и пространствѣ, могутъ восприниматься нашимъ созна-

ніемъ въ своей цѣльной формѣ, выявляющейся изъ всей совокупности ея составныхъ частей, лишь послѣ внимательнаго наблюденія и съ большой высоты. Если бы былъ воздвигнутъ большой городъ по величественному художественному замыслу архитектора-художника, мы могли бы познать цѣльный характеръ этого замысла и постичь совершенство его красоты лишь по его плану или съ высоты дозорной башни, но ужъ никоимъ образомъ не путемъ расхаживанія по отдѣльнымъ улицамъ, гдѣ детали заслоняютъ общее цѣлое. «Изъ-за деревьевъ не видно лѣса» есть древнее и мудрое изреченіе. Но уменьшается-ли изъ-за этого цѣнность и цѣльность самой идеи? Желающему наслаждаться ею мы скажемъ: «взойди на гору!»

Бываетъ все же, что и одна галахическая деталь порою раскрываетъ намъ таящійся въ ней міръ, полный агадической прелести. Трактатъ о субботѣ и добавленіе къ нему приводятъ, между прочимъ, слѣдующую галаху: «Всѣ священныя книги слѣдуетъ спасать (въ субботу) отъ пожара... Если онѣ написаны въ переводѣ на какой бы то ни было языкъ-египетскій, мидійскій, пламитскій, греческій — ихъ также надлежитъ спасать отъ пожара. Рабби Иоси говорить: «не слѣдуетъ спасать ихъ отъ пожара».

Маленькая галахическая деталь, споръ о незначительномъ предметѣ — не правда ли? Но кто станетъ отрицать, что эта маленькая и сухая галаха даетъ намъ въ чрезвычайной сжатой формѣ, но съ возможной полнотой, цѣльное образное представленіе объ историческомъ и душевномъ отношеніи различныхъ словъ еврейскаго народа къ двумъ изъ наиболѣе важныхъ своихъ цѣнностей, — къ языку и литературѣ? Не очевидно-ли, что этотъ споръ въ средѣ еврейства съ того времени вплоть до нынѣшняго дня? «Не пренебрегай арамейскимъ языкомъ, ибо Богъ оказалъ ему почтеніе». Да не молится человекъ на языкѣ арамейскомъ, необязательномъ для небесныхъ служителей». «Когда Богъ явился для дарованія Торы Израилю, онъ говорилъ съ нимъ на вѣдомомъ и понятномъ ему языкѣ, на языкѣ египетскомъ»; «такъ скажи... сынамъ Израиля — т. е. на языкѣ, на которомъ Я говорю, на святомъ языкѣ»; «когда Господь открылся для дарованія Торы Израилю, онъ открылся не на одномъ, а на четырехъ языкахъ — на еврейскомъ, латинскомъ, арабскомъ и арамейскомъ»; «тотъ день, когда Тора была переведена на греческій языкъ, былъ такъ же тяжелъ для Израиля, какъ и день содѣянія золотого тельца, а Палестина въ теченіе трехъ дней была тогда покрыта мракомъ»; «когда пророки были переведены Ионатаномъ бенъ-Узіелемъ на арамейскій языкъ, Палестина дрогнула на протяженіи четырехсотъ квадратныхъ парсъ». Такія и многія другія аналогичныя имъ изреченія, отражающія

раздвоеніе народнаго сердца, являются агадической формой проблемы языка; приведенная же лаконическая галаха, въ свою очередь также изложенная въ двухъ противорѣчивыхъ формулахъ, есть естественное превращеніе этой агады въ галахическій чеканъ, краткій практическій итогъ въ резолютивной и категорической формѣ. Тамъ — подвижная, колыхающаяся и чувствительная «лирика», а тутъ — спокойный «эпосъ», твердое велѣніе. Чрезвычайно мудрый выборъ остановился тутъ на моментѣ пожара, на случаѣ замѣшательства и опасности, когда, лишенный возможности ориентироваться, человекъ исполняетъ велѣніе сердца и бросается спасать наиболѣе ему дорогое. Пожаръ, такимъ образомъ, является лишь примѣромъ, и эта галаха сохраняетъ свою силу и по отношенію къ наводненію, изгнанію и всякаго рода опасностямъ.

И такъ, эта незначительная деталь раскрываетъ передъ нами великое историческое правило, преподанное цѣлому народу, тѣсному, терзаемому въ изгнаніи, который не въ состояніи спасти всѣ свои цѣнности, а *пожертвовать* всѣмъ не желаетъ, — о томъ, какъ ему надлежитъ поступать въ день горя и опасности. Несомнѣнно, что авторы Мишны не выражались метафорически-поэтическимъ языкомъ. Они тутъ ставили себѣ одну лишь цѣль: установить правило для практическаго руководства въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ и — самое большее — отлить въ отношеніи къ этому вопросу устойчивую форму для воли даже для образа дѣйствій еврейскаго народа, поскольку они проявлялись до сихъ поръ, первая — въ формѣ Агады, а послѣдній — въ формѣ добровольнаго дѣйствія. И тѣ тысячи отдѣльныхъ индивидовъ, которые въ различныя времена жертвовали собою въ минуты опасности для спасенія отъ гибели своихъ святынь, руководствуясь-ли мнѣніемъ того танныя, который распространялъ обязательность спасенія и на книги, написанныя на чужихъ языкахъ, или же взглядомъ рабби Юсси, признавашаго эту обязательность исключительно по отношенію къ книгамъ, написаннымъ на еврейскомъ языкѣ, — ничего другого не имѣли въ виду, кромѣ какъ исполненіе закона въ его подлинномъ смыслѣ. Но что же изъ этого? Сознательно или бессознательно они вѣдь всѣ исполняли велѣніе инстинкта самосохраненія, этого, по представленію нашихъ предковъ, ангела-покровителя еврейскаго народа. И если мы теперь стоимъ передъ нашимъ скуднымъ духовнымъ наслѣдіемъ и говоримъ грустными словами одной изъ нашихъ молитвъ: «ничего у насъ не осталось, кромѣ этой Торы», то мы вѣдь сознаемъ и чувствуемъ, что и это единственное наше достояніе обязано своимъ спасеніемъ никому иному, какъ тѣмъ же отдѣльнымъ индивидамъ, изъ которыхъ каждый въ свое время и на своемъ мѣстѣ выполнялъ велѣніе своего сердца, *согласно Галахъ*.

Такого внутреннего проникновения в эту галаху уже достаточно для того, чтобы освободить ее в известной мере от ее внешней скорлупы и возвести ее на степень символа. Но чуткое сердце не довольствуется этим: оно проводит перед нашим духовным взором, в связи с этой галахой и предметом ее суждения, одну картину за другой.

Мы вместе с Ренаном, видим, например, древняго жреца или левита, идущаго в числѣ изгнанниковъ въ Вавилонію. Онъ медленно подвигается рядомъ со своимъ осломъ, нагруженнымъ многочисленными свитками пророческихъ проповѣдей. Онъ спасъ священное Писаніе отъ пожара.

И еще мы видимъ. Вотъ рабби Йохананъ бенъ-Занкай стоитъ передъ Воспасаіномъ за воротами Іерусалима и молить его: «дай мнѣ Явиу съ ея мудрецами и родословную цѣль рабби Гамлііла». *И-онъ спасъ отъ пожара остатки еврейскихъ святынь.*

И еще мы видимъ: въ эпоху Адріана, когда вражескія силы были направлены къ окончательному распыленію еврейства, и обрядъ рукоположенія, который могъ быть совершаемъ только на почвѣ Святой Земли, былъ, въ цѣляхъ духовнаго и національнаго разрушенія еврейства, объявленъ подъ строжайшимъ запретомъ, восьмидесятилѣтній старикъ, рабби Іегуда бенъ-Баба проявляетъ актъ исключительнаго героизма. Такъ какъ каждый городъ, въ предѣлахъ котораго обнаруживалось тайное совершеніе обряда рукоположенія, долженъ былъ подвергнуться разрушенію, то онъ избираетъ себѣ мѣсто между двумя горами, между Уша и Шефферамъ, гдѣ онъ и рукополагаетъ подъ вражескими стрѣлами пять старцевъ, говоря имъ по окончаніи обряда: «бѣгите, дѣти мои!» Онъ же самъ недвижимо остается передъ лицомъ враговъ; еще минута — и онъ будетъ весь изрѣшетень стрѣлами.

И еще: лихорадочно работаетъ школа рабби Іегуды Ганасси и его учениковъ; всѣ заняты большимъ, интенсивнымъ трудомъ. Собираютъ галахи, выясняютъ значеніе устныхъ законовъ, производятъ опросы свидѣтелей о практическомъ примѣненіи известныхъ положеній, систематизируютъ, корректируютъ, записываютъ, запечатлѣваютъ въ письмѣ Устное Ученіе! Они сознаютъ всю «революціонность» своей работы по отношенію къ еврейской традиціи. Устное Ученіе не дозволено записывать, но — «время дѣйствовать за Господа», ибо сердца оскудѣваютъ, разсѣяніе увеличивается, а память, призванная быть хранилищемъ Устнаго Ученія, ослабѣваетъ. Надо спасать все то, что поддается спасенію.

И еще: четверо плѣнныхъ приносятъ съ собою Талмудъ въ Испанію... Труды Маймонида... плеяда переводчиковъ, ибо Тиббоны, торопящіеся переводить драгоценныя произведенія, имѣющія

крупное національное значеніе, съ чужого языка на языкъ святой.

И еще: многочисленныя группы свресвъ, бѣжавшихъ отъ меча и разгрома, изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ вѣка въ вѣкъ, тянутся вереницами по дорогамъ, со священными свитками въ объятіяхъ. Несмѣтное количество отдѣльныхъ людей изъ народа, синагогальныхъ служекъ, портныхъ, сапожниковъ, умираютъ передъ священными ковчегами, защищая свою святыню. Сколько скромныхъ подвижниковъ, скрытыхъ праведниковъ, людей обрекающихъ себя на «добровольное изгнаніе» изъ религіознаго рвенія, скитаются съ мѣста на мѣсто, съ посохомъ въ рукахъ и котомкой на плечахъ, храня въ своемъ мѣшочкѣ для талита и филактерій свою священную и любимую книгу...

И еще и еще... Конечно, во всѣхъ этихъ картинахъ различны и *дѣйствующія лица*, и *матеріаль священности*, и *средства спасенія*, но все же ихъ роднитъ одно внутреннее, душевное содержаніе: спасеніе отъ гибели одной, наиболѣе важной національной цѣнности, сообразно съ душевными влеченіями и взглядами спасающаго. Чье же мнѣніе слѣдуетъ принять къ руководству, — то-ли которое утверждаетъ: «на одномъ лишь священномъ языкѣ» или же то, которое требуетъ спасенія книгъ «и въ переводѣ и на всякомъ языкѣ»? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ намъ дать исторія и жизнь, а можетъ быть, мы найдемъ, что и онѣ, какъ и уже цитированная нами галаха, оставили этотъ вопросъ въ спорномъ состояніи. Въ данномъ случаѣ не это насъ занимаетъ. Намъ важно лишь показать, насколько незначительная и сухая галаха способна возвышаться порою до степени символа, когда ея затвердѣлая матерія попадаетъ въ горнило живого чувства и снова перерастворяется тамъ въ Агаду. Можно полагать, что и та «агада» нашего времени, которая отражаетъ собою проблему языка, будетъ постепенно все больше и больше принимать характеръ сжатой опредѣленности, пока и она, въ свою очередь, не превратится въ послѣдствіи въ новую галаху, и, соотвѣтственно духу и запросамъ времени, получить лакоиничную и сухую формулировку.

Въ качествѣ наглядной иллюстраціи тѣснаго взаимоотношенія и взаимовліянія Галахи и Агады мы приведемъ еще характерный своимъ построеніемъ отрывокъ изъ трактата о субботѣ. Отрывокъ этотъ, рельефно отражающій въ себѣ свособразные діалектическіе и риторическіе приемы проповѣдниковъ временъ Талмуда, посвященъ вопросу о томъ, разрѣшается-ли потушить въ субботу свѣчу, если это требуется для спокойствія больного человѣка. Рабби Танхумъ, которому публично былъ предъявленъ этотъ вопросъ, даетъ на него слѣдующій отвѣтъ.

Обращаясь, повидимому, со своимъ отвѣтомъ къ многочисленной аудиторіи, онъ, въ интересахъ популяризаціи и съ цѣлью поддержания вниманія и интереса слушателей, начинаетъ свою рѣчь съ интригующаго своей неожиданностью восклицанія: «Ты, Соломонъ! гдѣ твоя мудрость, гдѣ твоя разумность? Помимо того, что твои слова противорѣчатъ словамъ твоего отца Давида, ты еще противорѣчишь самому себѣ. Твой отецъ-псалмопѣвецъ сказалъ: «не мертвецамъ восхвалять Господа», ты же (въ своемъ Экклезиастѣ въ одномъ мѣстѣ говоришь: «предпочитаю я мертвыхъ, давно уже умершихъ, живымъ, еще нынѣ живущимъ», а въ другомъ мѣстѣ — «лучше живой собакѣ, чѣмъ мертвому льву». Но на самомъ дѣлѣ тутъ нѣтъ, оказывается, никакого противорѣчія. То, что сказалъ Давидъ, соответствуетъ изреченію мудрецовъ: «человѣкъ долженъ отдаваться святому ученію и добрымъ дѣланіямъ въ теченіе всей своей жизни», ибо за гранью жизни нѣтъ мѣста ни для ученія, ни для исполненія заповѣдей, и не можетъ, слѣдовательно, быть и восхваленія Господа Бога. То же, что сказалъ Соломонъ, въ смыслѣ предпочтенія мертвыхъ живымъ, имѣетъ отношеніе къ великимъ покойникамъ, которые, въ силу своихъ крупныхъ заслугъ продолжаютъ пользоваться большимъ вліяніемъ на явленія земной жизни, чѣмъ нынѣ живущіе люди. Такъ, напримѣръ, послѣ того, какъ Израиль согрѣшилъ въ пустынѣ, живой Моисей долго и многократно молилъ Бога и не удостоился отвѣта, но стоило ему только упомянуть имена великихъ, давно уже умершихъ предковъ, и сказать: «вспомни, Господи, рабовъ своихъ — Авраама, Исаака и Якова», какъ Богъ тотчасъ же смилостивился. Развѣ не правъ былъ, такимъ образомъ Соломонъ, предпочитая мертвыхъ живымъ?

Законы, устанавливаемые земными властелинами, иногда исполняются, иногда и не исполняются, а если подчиненные и соблюдаютъ ихъ, то только при жизни самихъ законодателей. А вотъ Моисей издалъ столько законовъ и повелѣній, и они, несмотря на его смерть, сохраняютъ свою силу во-вѣки вѣковъ. Развѣ не правъ былъ Соломонъ, предпочитая мертвыхъ живымъ?

Рабби Танхумъ иллюстрируетъ свою мысль, не имѣющую, казалось бы, никакого отношенія къ разбираемому имъ вопросу, еще однимъ примѣромъ легендарно-историческаго характера, который также заканчивается той же заключительной фразой: «развѣ не правъ былъ Соломонъ, предпочитая мертвыхъ живымъ». Затѣмъ лишь онъ переходитъ къ разбору другой, противоположной сентенціи Соломона: «лучше живой собакѣ, чѣмъ мертвому льву». Сентенціи этой онъ даетъ слѣдующее толкованіе, изъ котораго онъ и выводитъ нужное ему для мотивировки своего отвѣта заключеніе.

«Въ псалмѣ 39-омъ говорится: «дай мнѣ, Господи, узнать конецъ мой и мѣру дней моихъ, дабы я зналъ, какъ я ничтоженъ». Это обращеніе псалмопѣвца къ Богу слѣдуетъ понять слѣдующимъ образомъ. Царь Давидъ обратился къ Господу съ мольбой: «скажи мнѣ, Господи, какой конецъ мнѣ уготованъ!» Богъ ему отвѣтилъ: «не дано человѣку знать заранѣе свой конецъ». «Такъ скажи мнѣ хоть мѣру дней моихъ!» — «И мѣру дней своихъ человѣку знать не дано». — «Дай мнѣ хоть узнать, какъ я ничтоженъ!» — «Въ день субботній ты умрешь (въ день, когда и хоронить нельзя). — «Дай мнѣ умереть въ послѣсубботній день». — «И это невозможно, ибо день послѣсубботній принадлежитъ уже царствованію сына твоего, Соломона, и одно царствованіе не должно вторгнуться въ другое ни на единый мигъ». — «Такъ дай мнѣ умереть днемъ ранше!» — «И объ этомъ не проси, ибо пріятнѣе Мнѣ одинъ день твоихъ пѣсенъ, чѣмъ тысяча жертвоприношеній твоего сына, Соломона». Услышавъ это, Давидъ сталъ проводить всѣ субботніе дни во вдохновенномъ пѣніи. Когда же наступила та суббота, въ которую онъ долженъ былъ скончаться, явившійся къ нему ангелъ смерти не могъ овладѣть имъ, ибо изъ устъ его носилось неумолкающее пѣніе. Для выполненія своей обязанности, ангелъ смерти, безоруженный пѣніемъ Давида, отправился въ царскій садъ и закопалъ деревья. Царь сталъ спускаться въ садъ, чтобы посмотреть, что тамъ случилось, но когда онъ шелъ по лѣстницѣ, подломилась подъ нимъ ступень; споткнувшись, онъ прекратилъ свое пѣніе и тотчасъ скончался. Тогда Соломонъ отправилъ гонца къ первосвященнику съ вопросомъ: «Отецъ скончался и лежитъ на солнцѣ, а дворовыя собачи голодны — какъ мнѣ поступить? (Соломонъ намѣренно сообщилъ и о голодныхъ собакахъ, не имѣющихъ, по существу, никакого отношенія къ случившемуся несчастью, Онъ зналъ, что, по закону, разрѣшается переносить въ субботу падалъ для кормленія голодныхъ собакъ, и что, съ другой стороны, запрещено переносить въ этотъ день человѣческой трупъ. Его сообщеніе заключало въ себѣ, такимъ образомъ, недоумѣнный вопросъ: неужели законъ относится съ большимъ уваженіемъ къ голодной собакѣ, чѣмъ къ трупъ царя?). Первосвященникъ отвѣтилъ: «разрѣжь падалъ и брось ее собакамъ на съѣденіе; что же касается отна твоего, то положи на него ребенка или хлѣбъ и перенеси его» (ибо живого ребенка или хлѣбъ, потребный для живого человѣка, разрѣшается переносить въ субботу съ одного мѣста на другое, а вмѣстѣ съ ребенкомъ или хлѣбомъ мертвое человѣческое тѣло становится причастнымъ къ элементамъ жизни и вмѣстѣ съ нимъ оно можетъ быть перенесено на другое мѣсто). Развѣ не правъ былъ Соломонъ, сказавшій: «лучше быть живой собакой, чѣмъ мертвымъ львомъ?»

Наступает пауза. Напряженные и заинтригованные слушатели ждуть развязки этой замысловатой рѣчи, и рабби Танхумъ дѣлаетъ, наконецъ, конечный выводъ изъ своего риторическаго построения: «что же касается до предложеннаго мнѣ вопроса о томъ, дозволяется ли потушить въ субботу свѣтъ для спокойствія больного, то помните, что свѣтильникъ называется свѣтильникомъ и человѣческая душа называется свѣтильникомъ; лучше поэтому, чтобы была потушена свѣтильникъ, зажженный рукой человѣческой, чѣмъ свѣтильникъ, зажженный Творцомъ всего живущаго».

По поводу незначительнаго и «сухого» галахическаго постановленія тутъ проявилось цѣлое мироощущеніе народа, ставшаго жизнь превыше всего, утверждающаго ее какъ самую высокую цѣнность. Нужно ли еще болѣе наглядное доказательство того, что и параллельныя сферы Галахи и Агады часто сливаются въ общую, двусединую сферу?

Цитированныя нами галахи, приведенныя въ качествѣ примѣра, отнюдь не представляютъ собою исключенія. Количество такого рода галахъ чрезвычайно значительно, и вообще я сомнѣваюсь, существуетъ ли какая-нибудь галаха, которая не была бы связана въ большей или меньшей мѣрѣ съ міромъ идей высшаго порядка, которая не питалась бы какой-нибудь возвышенной-индивидуальной, соціальной или національной идеей. Вѣдь, въ концѣ концовъ, Галаха ничто иное, какъ одна изъ формъ воплощенія творческаго духа человѣка, — а кому вѣдомы пути и направленія этого духа? Въ трактатѣ о субботѣ пишется напр., «Да не выходить человѣкъ (въ субботу) ни съ мечемъ, ни съ лукомъ, ни со щитомъ, ни съ дубиной, ни съ копьемъ... Рабби Эліезеръ говоритъ: они служатъ человѣку *украшеніемъ*, ибо сказано въ псалмахъ: «опояшися, герой, мечемъ, своимъ величьемъ и красой» (и можно, слѣдовательно, выходить съ ними въ субботу); мудрецы же говорятъ, что они *позорятъ* человѣка, ибо сказано у пророка Исайи: «И перекуютъ (народы) мечи свои на сошники и копья свои на серпы; не подниметъ меча народъ на народъ и не будутъ больше учиться военному дѣлу». — Вотъ вамъ представленія о прекрасномъ и непристойномъ въ отношеніи къ одеждѣ, опирающіяся на слова царя-псалмопѣвца и на слова величайшаго изъ пророковъ. И что послужило поводомъ къ формулировкѣ этихъ представленій? галахическій вопросъ о ношеніи предметовъ въ субботу. Далѣе: всѣ эти детали, которыми изобилуетъ трактатъ о благословеніяхъ («*Bevaschotb*»), являются лишь внѣшнимъ воплощеніемъ возвышенной идеи, что «Богу принадлежитъ земля и все, ее наполняющее», постояннымъ и вѣчно свѣжимъ восторгомъ передъ величьемъ природы и ея разнообразныхъ проявленій. Въ «*Midrasch Tanchuma*»

говорится: «нечестивец и при жизни подобен мертвецу, ибо онъ видитъ сияющее солнце и не произноситъ благословленія «Создателью свѣта», видитъ солнечный закатъ и не благославляетъ «Низводящаго вечеръ», ѣсть и пьетъ, и не благословляетъ Хлѣбодателя; праведники-же произносятъ благословенія надъ каждымъ явленіемъ, вкушая, видя, или слыша». При видѣ красивыхъ существъ и красивыхъ деревьевъ говорятъ: «Благословенъ Тотъ, въ Чьемъ мірѣ это существуетъ!» Рассказываютъ о Рабби Симсонѣ бенъ-Гамліилѣ, главѣ Израиля въ свое время, что увидѣвши однажды съ террасы Храмовой Горы, исключительно красивую чужеплеменницу, онъ воскликнулъ въ видѣ «берахи», благословенія «Господи, какъ величественны Твои творенія!». Говорящій: «какъ прекрасенъ этотъ хлѣбъ, благословенъ Сотворившій его, какъ прекрасна эта смоква, благословенъ Создавшій ее, — этимъ самымъ уже совершилъ надъ ними благословеніе». Сколько тутъ бодрости сердца и чувствъ! Та же жесткая и жестокая галаха, которая запрещаетъ скорбѣть въ субботу по умершемъ, съ *трудою* лишь разрѣшая *утѣшеніе* скорбящихъ — она именно проявляетъ утонченную чуткость своимъ утвержденіемъ, что «плачущій въ субботу для облегченія своей скорби этимъ самымъ приобщается къ заповѣданному, субботнему блаженству» («Tosephta schabath»).
Нѣтъ, Галаха никоимъ образомъ не является отричаніемъ чувства, она лишь *покоряетъ* его; она не отмѣняетъ чувства милосердія въ пользу нормы закона, а сочетаетъ ихъ воедино. Ей свойственна та же *жестокость*, которая характеризуетъ всякую творческую и осуществляющую силу, — нѣчто вроде, — выражался языкомъ каббалистовъ, — мощи, соединенной съ милосердіемъ и дающей въ результатѣ высшую *красоту*. Соответственно ея практическому характеру, галаха иной и не должна быть. Есть-ли болѣе суровый приговоръ, чѣмъ смертная казнь, выполняемая судомъ? И все же, запрещеніе оставлять на ночь въ городѣ повѣшеннаго по судебному приговору мотивируется тѣмъ, «что повѣшенный есть Божій позоръ», ибо повѣшенъ царственный ликъ, образъ и подобіе Божіе. «Когда человѣкъ объятъ скорбью, Шехина говоритъ: «горе моей главѣ, горе десницѣ моей. «Шехина, такъ сказать, сама себя причинила боль и жалуется на себя же. Есть непосредственное милосердіе, и есть милосердіе высшаго порядка, болѣе прозорливое, *отеческое*, разсматривающее все съ большой высоты и временно сдерживающее самое себя для блага будущаго; какъ первое, такъ и послѣднее есть милосердіе Бога живого. Спроси младенца и онъ тебѣ отвѣтитъ словами одного изъ тринадцати атрибутовъ, часто приводящимися въ Священномъ Писаніи: «Господь Богъ есть Владыка жалости и милосердія», и все же, какъ гласитъ

Мишна, слѣдуетъ остановить говорящаго въ своей молитвѣ «Твое милосердіе простирается и на птичье гнѣздо», ибо онъ превращаетъ божественныя свойства въ милости, межъ тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они — категорическія велѣнія, таящія въ себѣ выше, прозорливое милосердіе. Не напрасно же еврейскій народъ, по крайней мѣрѣ, въ подавляющей своей части, добровольно впрѣгъ себя въ желѣзное ярмо Галахи, и даже, отправляясь на вынужденныя скитанія, онъ предпочелъ взвалить на себя тяжкое бремя законовъ и постановлений, поступаясь ради нихъ, по выраженію Самуила Давида Луццато, «пѣснями, радующими сердце и душу». Это явленіе преисполнило Луццато въ свое время такимъ восхищеніемъ, что онъ воскликнулъ: «какъ свято это племя». Что же говорятъ творцы самой Галахи? «Занимающійся ученіемъ въ дорогѣ и прерывающій свое ученіе словами: — какъ красиво это дерево, какъ прекрасна эта пашня — какъ бы подвергаетъ опасности свою душу». Наши эстеты метали громы и молніи по поводу этой незначительной галахи, но чуткое ухо уловить и въ ней, между строкъ, душевный трепетъ и тревогу за будущую участь странствующаго народа, ничѣмъ, кромѣ книги, не обладающаго, для котораго всякая душевная привязанность къ одной изъ странъ своихъ скитаній сопряжена съ опасностью для самаго его существованія.

Само собою понятно, что не всѣ галахи одинаково цѣнны и не всѣ онѣ обладаютъ одинаковой жизненной силой. Есть безплодная галаха съ, такъ сказать, неподвижной апотенціальной цѣнностью, и есть галаха творческая, дающая плоды и приплоды. Есть галаха, подобная совершенно пустому сосуду, покоящемуся въ незамѣтномъ углу до наступленія неизбежнаго конца, и есть галаха, подобная сосуду, способному безперерывно опорожняться и наполняться все новымъ и новымъ содержаніемъ. Есть и такія галахи, которыя напоминаютъ собою гробы для набальзамированныхъ труповъ, называющіяся, на языкѣ традиціи («chukim») т. е. постановленіями безъ яснаго смысла и безъ понятной цѣли. Въ нихъ навѣки похоронены осколки древнѣйшаго міа и древней агады, и ихъ окаменѣвшія очертанія продолжаютъ существовать, возбуждая всеобщее недоумѣніе и дразня любопытство археологовъ. Но чуткій человѣкъ отнесется и къ нимъ съ уваженіемъ. Темное ущелье, прорѣзанное въ горахъ, иногда укорачиваетъ намъ путь на много-много верстъ и приводитъ насъ внезапно подъ новое небо, а темный и непонятный осколокъ древности, если проникнуть въ его сущность и «расшевелить его уста», можетъ насъ иногда перенести вдругъ, минуя длинныя этапы, за грани вѣковъ и тысячелѣтій. Такъ, напримѣръ, еврейское платье со связанными съ нимъ установленіями является, какъ намекнулъ на это одинъ изъ

древнихъ Мидрашимъ, полнымъ вещественнымъ воплощеніемъ... легенды о Каинѣ и Авелѣ.

Библейскій запретъ ношенія шерстолюбивой ткани является отраженіемъ первобытной распри и вражды между скотоводческими кланами, носившими шерстяныя одежды, и земледѣльческими племенами, носившими льнянос платье. Такъ, легендарный представитель земледѣльческаго рода, Каинъ, говоритъ Богу послѣ убійства пастуха-Авеля: «всякій, кто встрѣтится со мною, убьетъ меня». Наряду съ этимъ запретомъ находится и библейское установленіе «да отпустишь себѣ кисти, на четырехъ углахъ твоего одѣянія» — *zizith*, которыя дозволяется — по мнѣнію талмудистовъ — изготовлять изъ шерсти, смѣшанной со льномъ и которыя также влѣстѣ со своими плетеніями и узлами, служащими памятными знаменьями, чѣмъ-то вродѣ письменныхъ знаковъ, для многихъ древнихъ клановъ являются ничѣмъ инымъ, какъ наружными, вдѣланными въ платье примѣтами, свидѣтельствующими о мирномъ союзѣ между прежде враждовавшими кланами, заключенномъ послѣ того, какъ ослабѣла прежняя взаимная ненависть и они стали сблизаться и даже сливаться другъ съ другомъ. Такъ книга Бытія рассказываетъ, что «сдѣлалъ Господь Каину знаменія, дабы никто, встрѣтившись съ нимъ, не убилъ его». Древніе евреи, потомки растворившихся другъ въ другѣ пастушескихъ клановъ, прообразами которыхъ служатъ домъ Авраама и домъ Іакова, и земледѣльческихъ племень, чьимъ прообразомъ является домъ Исаака, одновременно, сохранили въ своей одеждѣ вещественныя отраженія обычаевъ двухъ различныхъ періодовъ; законодатель же также привелъ ихъ въ Писаніи рядомъ, скрывая ихъ подлинный смыслъ, потому ли, что къ его времени послѣдній уже былъ затемненъ и изсякла его жизненная сила, или же для того, чтобы не обнаруживать внутренняго противорѣчія между запретомъ ношенія шерстолюбивой ткани вообще и между дозволеннымъ сплетеніемъ шерсти и льна въ ритуально-установленныхъ нитяныхъ кистяхъ, или, какъ онѣ называются по — еврейски, «цицитъ». Мотивъ ношенія «цицитъ», приведенный позднѣе въ книгѣ Чисель, является несомнѣнно, дальнѣйшимъ добавленіемъ, вродѣ «памяти исхода изъ Египта», положенной вполнѣдствіи въ основу народно-бытовыхъ еврейскихъ праздниковъ. Приблизительно такъ же слѣдуетъ разсматривать двукратно приведенное въ Пятикнижій запрещеніе варить ягненка въ молокѣ его матери, коренящаяся въ древнемъ порядкѣ жертвоприношеній въ «доисторическій» праздникъ Пятидесятницы, когда онъ былъ еще не «праздникомъ дарованія нашей Торы», а только праздникомъ жатвы, а люди земли, радовавшіеся своему урожаю, устраивали въ честь Гада и Астарты — боговъ

счастья и плодородія трапезу изъ заколотога ягненка, символа обилія и плодovitости, свареннаго въ молокъ его матери. На религиозно-символическое значеніе ягненка въ языческомъ быту древнихъ евреевъ указываютъ также ягнята, упоминаемыя въ благословеніи Якова, ягненокъ Иегуды и Тамары и ягненокъ, принесенный богатыремъ Самсономъ при посѣщеніи своей жены. И какъ удивительно, что и по сію пору существуетъ у евреевъ обычай — обычай интриговавшій своимъ непонятнымъ смысломъ всѣхъ специалистовъ, изслѣдователей — устраивать на Пятидесятницѣ молочную трапезу, съ сокращеніемъ установленнаго промежутка между мясной и молочной пищей, а строгіе ревнители обряда ѣдятъ мясо, сваренное на миндальномъ молокъ. Люди, работающіе въ этой области, нерѣдко сталкиваются съ подобнаго рода сюрпризая. Ясно, насколько даже такіе законы-рудименты сросшены, словно эмбрионъ во чревѣ матери, со всей мнѳологической, легендарной и бытовой символикѳ народа. Но наряду съ ними вѣдь есть еще столько крупныхъ галахъ, являющихся конкретнымъ воплощеніемъ прошлой жизни народа, сохранившихъ до сихъ поръ свои живые соки и неограниченную жизненную потенціальность. Если эти «сосуды жизни» временно покоятся въ незамѣтномъ уголку, то это еще не свидѣтельствуетъ о томъ, что они пришли въ негодность. Надо помнить о великомъ правилѣ: всякая форма жизни въ процессѣ своего образованія или созиданія, т. е. находясь еще, если можно такъ выразиться, «на корню» — сама еще служить *содержаніемъ* для духа ея творца; по окончаніи же процесса ея созиданія, когда она становится всеобщимъ достояніемъ и, такъ сказать, «отрывается отъ своихъ корней», она тотчасъ же становится *сосудомъ* безъ собственного содержимаго, сосудомъ-вмѣстилищемъ, въ которомъ каждый находитъ то, что онъ самъ отъ времени до времени вкладываетъ въ него, по мѣрѣ своего пользования имъ. Вложилъ онъ золото — онъ золото и найдетъ, вложилъ песокъ — и найдетъ песокъ. Если же кому-нибудь нечего вложить въ такой сосудъ, то онъ, конечно, вправѣ оставлять его порожнимъ, пока онъ не покроется ржавчиной, но онъ не вправѣ заявлять: сосудъ не годенъ, бросьте его въ мусоръ. Такой человѣкъ да скажетъ: я бѣденъ.

*

*

*

Есть ли еще необходимость специально останавливаться на взаимной зависимости, существующей между Галахой и Агадой въ качествѣ двухъ различныхъ, но тяготящихся другъ къ другу литературныхъ явленій или стилей?

Сказаннаго нами о внутренней сущности Галахи и Агады, въ качествѣ двухъ различныхъ *жизненныхъ* явленій или стилей, дос-

точно, какъ намъ кажется, для освѣщенія вопроса и съ этой его стороны, ибо, что такое литература, если не «жизнь, отраженная въ письмѣ»? Но такъ какъ среди «агадистовъ» нашего времени существуетъ тенденція «автономизировать» литературу и культивировать «искусство для искусства», а нѣкоторые изъ нихъ даже ставятъ литературу «выше», т. е. *вне* жизни, то по отношенію къ нимъ далеко нѣтъ увѣренности, что вышесказанное покажется имъ достаточно убѣдительнымъ. Наоборотъ, есть основаніе ждать совершенно противоположнаго: признаютъ ли они въ той или иной степени приведенныя соображенія или нѣтъ, ясно все таки, что кто осмѣлится утверждать, что и писанная Галаха также еще, подобно ея сестрѣ-Агадѣ, можетъ служить въ наше время базой для значительной части живой литературы, рискуетъ быть принятымъ въ ихъ кругу за человѣка, никогда не вкушавшаго отъ древа «красоты». Галаха и литература — что за сочетаніе? Есть ли еще двѣ большія противоположности, чѣмъ онѣ? Кому же въ нашъ вѣкъ неизвѣстно, что литература вообще — есть только Агада, Агада во всѣхъ ея формахъ и развѣтвленіяхъ, не ограниченная рамками эпохъ, начиная съ библейскихъ разказовъ, видѣній и притчъ, и кончая изящной литературой нашего времени? Кто же въ нашъ вѣкъ не знаетъ, что Галаха лишена всякаго вкуса и аромата, что нѣтъ въ ней ничего отъ жизненныхъ соковъ и красоты?

Сѣтованія «агадистовъ» на Галаху лишены уже, правда, прелести новизны: Уже составители Талмуда могли разказывать по этому поводу много притчъ и аллегорій, но они пришли къ заключенію, что Галаха «золотые слитки», а Агада лишь «мелкія монеты». Наши же «агадисты» полагаютъ, что Галаха не подходитъ подъ категорію литературы, что она даже ничего общаго не имѣетъ съ послѣдней. Но справедливъ ли такой приговоръ? Дѣйствительно-ли Галаха, вся, безъ исключенія, представляетъ собою, по отношенію къ литературѣ, сухое, неплодоносное дерево?

Намъ кажется, что и этотъ суровый приговоръ проистекаетъ изъ смѣшенія формы съ матеріей и предмета съ его состояніями. Основныя книги Галахи — Мишна и слѣдующія за ней позднѣйшія произведенія, такъ называемыя «берайтотъ» — носятъ, въ силу ихъ сюжета и цѣлей, характеръ юридически дидактическихъ кодексовъ, что, повидимому, и послужило причиной ихъ исключенія изъ предѣловъ «литературы», въ современномъ смыслѣ этого слова.

Такое отношеніе, однако, нѣтъ представляется слишкомъ поверхностнымъ. Если-бъ эти книги заключали въ себѣ логическія правила и юридическіе элементы исключительно абстрактнаго характера, эти сѣтованія были бы справедливы, но кому неизвѣстно, что въ еврейской Галахѣ почти нѣтъ мѣста абстракціямъ, что почти

вся она *образна и конкретна*? Почти вся она, сначала до конца, пеcтритъ многочисленными картинами, какъ малыми, такъ и большими, отражающими подлинную еврейскую жизнь на протяженіи болѣе тысячелѣтій.

Агада, это дѣтище высокихъ порывовъ и душевныхъ влеченій, занимается должнымъ и желательнымъ, и, читая ее, мы узнаемъ, чего желалъ, какъ мыслить и чувствовать и къ чему порывался еврейскій народъ. Галаха же, вскормленная міромъ дѣйствительности, занимается сущимъ и установленнымъ, наглядно показывая намъ въ сжатыхъ, но рельефныхъ описаніяхъ самое жизнь народа въ ея конкретныхъ проявленіяхъ. Галаха намъ показываетъ съ очевидной ясностью, какъ народъ воплощалъ свою волю и стремительные порывы души въ устойчивыхъ, твердыхъ формахъ, въ формахъ непосредственнаго *дѣйствія*.

Вступая въ область Мишны, не морщите своего лба. Проходите по ея главамъ спокойно и легко, какъ человекъ, осматривающій руины древнихъ городовъ, всмотритесь въ галахическая постановленія, находящіяся рядомъ, другъ подле друга, словно клѣтки строевого камня, и кажущіяся, благодаря своей лаконичности, какъ бы высѣченными изъ камня; внимательно взгляните въ маленькіе и совсѣмъ даже мелкіе штрихи, безпорядочно разсыпанные тамъ цѣлыми тысячами, и скажите: не видите-ли вы передъ собою конкретной жизни цѣлаго народа, застывшей какъ-бы «на ходу» во всѣхъ своихъ деталяхъ и мельчайшихъ чертахъ?

Достойны вниманія и эти маленькіе крупинки, штрихи и черточки, тѣ застывшіе осколки жизни, изъ которыхъ составились почти всѣ шесть отдѣловъ Мишны вмѣстѣ съ ихъ добавленіями. Неужели все это совершенно уже не можетъ быть использовано въ литературѣ? Дѣйствительно-ли все это совершенно непригодно для литературы? Когда еврей читаетъ отдѣлъ «Seraim» обнимающій законы и нравы земледѣльческаго быта, то разлѣвъ не бываетъ, что его вдругъ обдаетъ ароматомъ жизни, — запахомъ земли и травы, и онъ вдругъ забываетъ, что сидитъ въ бетъ-гамидрашѣ за ученіемъ, и онъ видитъ передъ собою «народъ», простой «народъ земли» («am-aareg») за всей его работой въ полѣ, въ саду, на виноградникѣ и на гумнѣ? Онъ видитъ и его, и жреца, обходящаго гумна; и бѣдняковъ, и такъ называемыхъ «*nepuschoth*» покрывающихъ собою или простирающихъ свои одѣянія на оставляемые, по закону, для бѣдныхъ края нивы, съ цѣлью овладѣть имѣющимся на нихъ зерномъ, и бьющихъ другъ друга серпами на дожинкахъ; и поле испещренное различными растеніями; и виноградную лозу, повисшую надъ смоковницей; и муравейники, разбросанные среди колосающагося хлѣба; и вѣтеръ, всколыхнувшій виноград-

ныя лозы; и крестьянина, собирающаго свѣжія травы, или сгребущаго въ скирды сухія травы; и виноградяра, срѣзающаго гроздь, который, зацѣпившись за листья, падаетъ изъ его рукъ на землю и рассыпается; и ведомаго въ Иерусалимъ оленя, пріобрѣтённаго на «десятинныя» деньги; и дерево, стоящее внутри и свѣшивающееся наружу; и такъ называемое *собачье тѣсто*, которое ѣдятъ пастухи; и созрѣвшій гранатъ, перевязанный камышемъ и предназначенный для торжественнаго приношенія въ Иерусалимъ; и птенцовъ въ корзинахъ, и еще и еще тому подобные образы и сцены.

А переходя къ отдѣлу «Моэд», трактующему о праздникахъ и торжественныхъ дняхъ, и къ отдѣлу «Naschim», регламентирующему жизнь и обиходъ еврейской женщины, — не видитъ-ли онъ наглядно еврейскій семейный бытъ со всѣми его нравами и во всѣхъ его деталяхъ? А вступая въ «Nesikin», обнимающей вопросы о нанесеніи ущерба и поврежденій, не покажется-ли ему, будто онъ видитъ передъ собою базаръ и улицу древнихъ евреевъ, вдругъ заставшіе въ моментъ оживленнѣйшей купли-продажи, дѣловыхъ хлопотъ и суетолюки.

Порою ему и кажется, что еще немного, еще моментъ — и явится нѣкій цародѣй, великій мастеръ, и коснется своимъ божественнымъ жезломъ — силой дара своего — этой окаменѣвшей жизни, и снова оживетъ она въ одномъ изъ его дивныхъ твореній. Лишь одно прикосновеніе, — немного «вдохновенія», — и Галаха превратится подъ его рукой въ настоящій «эпосъ».

Были же такіе, которые, какъ говорится въ Талмудѣ, «видѣли дѣяніе и вспомнили Галаху»; почему же не быть и противоположному: «видѣли Галаху и вспомнили дѣянія?»

Правда, этотъ эпосъ малъ и незначителенъ; повѣствовательный элементъ почти совершенно отсутствуетъ въ немъ. Онъ весь изобразителенъ: маленькіе штрихи убогаго быта, повседневной, однообразно-протекающей жизни, введенные, притомъ, не въ качествѣ самоцѣльныхъ элементовъ, а какъ-то невзначай и мимоходомъ. Но что же дѣлать? Такова была тогда еврейская жизнь таковой она сохранилась въ единственномъ національно-литературномъ памятникѣ той продолжительной эпохи. Другой жизни у насъ не было, а если и была, то отъ нея ничего не осталось. Періодъ мужества и мощи и пора возвышеннаго творенія библейскаго эпоса прошли тогда безвозвратно какъ для жизни, такъ и для литературы. Наступили дни консервированія, «обереганія оплотовъ» и защиты наличнаго, давно уже существующаго достоянія, дни самой усиленной и бдительной стражи. Какъ на Галахѣ, такъ и на Агадѣ этихъ дней одинаково лежитъ печать ихъ эпохи, печать пассивности. Ни та, ни другая не отмѣчена перстомъ вели-

чія. Об'єкт онї состоять изъ маленькиих отрывковъ, изъ обрывковъ мысли, чувства и дѣйствія. Тѣмъ не менѣе настоящей художникъ, не тотъ, который высасываетъ «вдохновеніе» изъ пальца или извлекаетъ его изъ объѣдковъ чужого стола, а тотъ, который погружается въ народную душу и черпаетъ его изъ ея бездонныхъ глубинъ, изъ сокровенной жизни націи, — такой художникъ, несомнѣнно, въ состояніи создать нѣчто великое и изъ этого матеріала. Что въ сущности требуется для творчества одареннаго художника? — Немного, такъ сказать, «первичной матеріи», какъ точки опоры для созидающаго духа. Если скудна эта «матерія», то онъ восполнить ее своимъ внутреннимъ богатствомъ, и если она мертва — онъ воскреситъ ее струей своей собственной жизни. Непремѣннымъ условіемъ является тутъ жизненное отношеніе человѣка къ формамъ прошедшей жизни, и если кто либо объявляетъ одну изъ этихъ формъ отжившей, то слѣдуетъ предварительно выяснитъ, не отжилъ-ли онъ самъ.

— Да можетъ-ли эта скала, Галаха забить струей живой воды? — спроситъ съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ наше «поколѣніе ренессанса».

Да! Если только въ вашихъ рукахъ божественный жезлъ, а въ душѣ — источникъ жизни! Еслибъ у насъ были настоящіе мастера и Божьей милостью творцы, сохранившіе въ себѣ жизненную воспримчивость и свѣжесть, то они открыли бы уста и этой скалы, «и они превратили бы Галаху въ національный эпосъ. Но наши художники предпочитаютъ пока пользоваться позаимствованнымъ матеріаломъ и заниматься плохимъ подражаніемъ чужимъ готовымъ формамъ. Этимъ объясняется, что и въ области Агады — которую они утверждаютъ — до сихъ поръ еще не проявлено ими особой творческой силы, и послѣдняя все еще ждетъ своего издателя, который превратилъ бы ее въ національную лирику, въ дѣйствительно новую поэзію — что, при всемъ ихъ усердіи, не удалось и средневѣковымъ поэтамъ, вслѣдствіе недостаточной талантливости и того же отсутствія жизненнаго отношенія къ этой литературной формѣ.

*

*

*

— И такъ, — спросятъ съ ироніей, «поставимъ себѣ главу» и вернемся къ... Шулханъ Аруху?

Если кто-нибудь такъ истолковалъ наши слова, то это свѣдѣтельствуеетъ о томъ, что онъ ихъ совершенно не понялъ. Галаха и Агада — спеціальные термины, имѣющіе въ Талмудѣ свое опредѣленное значеніе, но со стороны внутренней сущности ихъ смыслъ

можесть быть расширенъ и распространенъ также и на всѣ другія одиородныя имъ явленія, какъ предшествующихъ Талмуду, такъ и погалмудическихъ эпохъ. Онѣ представляютъ собою двѣ законченныя формы, два различныхъ стиля, сопровождающихъ друга друга въ жизни и литературѣ. Каждое поколѣнiе творить свою Агаду, каждая Агада — свою Галаху. Дѣло не въ той или другой отдѣльной Галахѣ или Агадѣ. Намъ занимаетъ Галаха вообще, — Галаха какъ великое начало, какъ конкретная и законченная форма непосредственной жизни, — жизни, не витающей въ воздухъ, не опирающейся на зыбкій фундаментъ голыхъ чувствъ и красивыхъ изречений, а обладающей, такъ сказать, пластической сущностью и надлежащей рельефной формой. Такая Галаха, несомнѣнно, является естественнымъ продолженiемъ и конечнымъ завершенiемъ Агады.

Важна лишь та Агада, которая приводитъ къ Галахѣ. Всякая же Агада, не связанная съ Галахой безсилна. Въ концѣ концовъ, она сама вырождается и лишаетъ также своихъ носителей ихъ творческихъ силъ.

Если кто-нибудь заявляетъ: «нѣтъ у меня ничего, кромѣ Агады», слѣдуетъ подвергнуть его Агаду изслѣдованiю — не пустоцвѣтна-ли она. Такой человекъ подобенъ тому, кто говоритъ: «Я нарву себѣ цвѣтовъ, а плодовъ я не хочу». Въ концѣ концовъ, онъ останется и безъ цвѣтовъ, ибо безъ плода нѣтъ и сѣмени, а безъ сѣмени и цвѣтъ не появится.

У Агады — извивчивыя стрѣлы и, попадая въ воздухъ, онѣ колеблются и дрожать, какъ бы отскакивая отъ слабо натянутой на лукъ тетивы; у Галахи же — увѣренныя стрѣлы, мощно, безъ малѣйшей дрожи, несущіяся по прямой линiи, какъ бы пущенныя съ туго натянутого лука. Первая даетъ воздухъ для дыханiя, вторая — почву подъ ногами, прочный, устойчивый грунтъ. Первая вноситъ жидкiй, текучiй элементъ, вторая — элементъ образующiй и утверждающiй.

Народъ, не приучающiй себя тѣсно соединять Галаху съ Агадой, обречаетъ себя на вѣчное блужданiе, рискуя отбиться отъ единственнаго правильнаго пути, ведущаго отъ воли къ дѣйствию и отъ стремленiя къ осуществленiю.

Галаха въ совокупности съ Агадой есть свидѣтельство зрѣлости и здоровья для народа. Всякая же Агада, не имѣющая своей Галахи свидѣтельствуееть объ упадкѣ творческихъ силъ и возможностей у ея носителей.

Цѣлый рядъ поколѣнiй и слоевъ еврейства грѣшили по отношенiю къ Агадѣ, прерывая жизненную связь между нею и собою. Навивные воспринимали ея текстъ въ его букввальномъ смыслѣ и относились къ ней, какъ къ основамъ религiи; съ другой стороны —,

мудрствовавшіе рационалисты также истолковывали ее въ ея буквальномъ смыслѣ и видѣли въ ней лишь темноту и суевѣрія. Какъ первые, такъ и послѣдніе были лишены необходимаго въ этой области чувства прекраснаго, имъ было недоступно ощущеніе ея поэтического аромата и художественной правды. Они перестали понимать ея языкъ.

Теперь мы удостоились появленія исключительно «агадическаго» поколѣнія. Агада въ жизни и Агада въ литературѣ. Отъ Галахи во всѣхъ ея проявленіяхъ и слѣда не осталось.

Какъ-бы это ни отрицалось тѣми, кому это непріятно сознавать, но фактъ остается фактомъ: наша новая литература, въ лицѣ большинства ея представителей, нищенски облюбовала себѣ постоянное жилище въ наиболѣе низкомъ подвалѣ культурной мысли и культурнаго чувства. Просторные этажи знанія и разума закрылись для нея и не осталось ей ничего, кромѣ крошечной подклѣтки сомнительной «эстетики —» въ Агадѣ нашего времени. Немного разсказовъ и немного стихотвореній — вотъ весь ея багажъ, если не считать еще газетной публицистики. Она находится виѣ всякаго вліянія со стороны другихъ, высшихъ источниковъ духа. Изсякла Галаха во Израилѣ, и хуже всего то, что даже не замѣтно въ ней — въ нашей новой литературѣ — стремленія подняться изъ своего нищенскаго жилья.

Повторяемъ: мы не намѣрены склонить чашу вѣсовъ въ сторону Галахи или въ сторону Агады и отдать одной изъ нихъ пальму первенства. Намъ занимають Галаха и Агада вообще, какъ двѣ параллельныя формы литературы и жизни, и мы ставимъ вопросъ: какой конецъ уготованъ Агадѣ, не имѣющей наряду съ собою своей Галахи?

Ея конецъ въ литературѣ — если это уже «конецъ» — мы видимъ, Она убога и пуста. Кто дѣйствительно хочетъ чему-нибудь научиться, вынужденъ еще и понинѣ, по прошествіи полутора столѣтій со времени ея возникновенія, уйти въ «чужое поле». И можно опасаться, что и имѣющійся въ ней незначительный элементъ Агады — эстетика — будетъ все болѣе и болѣе оскудѣвать, вслѣдствіе неспитока, отъ времени до времени, оплодотворяющихъ соковъ изъ высшихъ источниковъ духа.

Такъ оно обстоитъ въ литературѣ. А въ жизни?

Вотъ растеть на нашихъ глазахъ новое поколѣніе въ атмосферѣ, насыщенной фразами и пустословіемъ. Образуется какое-то еврейство, предоставляемое растяжимой силѣ доброй воли. Говорять о націонализмѣ, возрожденіи, литературѣ и творчествѣ, о еврейскомъ воспитаніи, еврейской мысли, еврейскомъ трудѣ — и все это жидится на зыбкой почвѣ какаго-то «фильства» и «любительства»: па-

пестинифильство, любительство лзыка, любительство литературы — какова цѣна такому воздушному любительству?

Любительство? — Но гдѣ же любовь? и гдѣ же долгъ? откуда ему взысканіе, и чѣмъ ему питаться? Агадой? Но она по своей природѣ есть область благого намѣренія и доброй воли, — она лишена категоричности.

Еврейство, состоящее изъ одной Агады, подобно накаленному желѣзу, не остуженному холодной водою. Душевное стремленіе, доброе намѣреніе, духовное побужденіе, внутренняя любовь — все это прекрасно и полезно, когда оно завершается *дѣйствіемъ*, дѣйствіемъ, твердымъ, какъ желѣзо, жестокимъ долгомъ.

Вы хотите созидать — поступайте же, какъ въ далекія времена Нееміи: «давайте твердое обязательство, пишите, и да будутъ на подписи наши князья, наши левиты и священники. Поставьте надъ собою законы!» Такъ поступили и ваши предки, когда они начали строить.

Возвышенныя видѣнія Исаи второго жгли сердца современниковъ, но когда наступила пора зинджительнаго труда, то участвовавшіе въ строительствѣ два пророка — Хаггаи и Захарья — были эпигонами пророчества и провозвѣстниками Галахи, а послѣдовавшіе за ними Эзра и его сотрудники были уже исключительно галахистами.

Приобщеніе къ Галахѣ — въ томъ обобщенномъ и символическомъ смыслѣ, въ которомъ мы ее трактуемъ — особенно важно для насъ въ настоящее время. Ибо если у другихъ народовъ, живущихъ своей государственной жизнью каждый отдѣльный «сынъ народа» и «сынъ земли», независимо отъ своего духовнаго уровня, и часто не сознавая этого, исполняетъ рядъ необходимыхъ законовъ и повинностей въ силу своей сліянности съ автоматически организуемой средой, то у насъ, въ виду специфическихъ условій нашего существованія, необходимо каждому въ отдѣльности ясное и определенное *сознаніе долга*. А такое сознаніе находится въ исключительной зависимости отъ *знанія*, отъ *изученія*, отъ отточенія и шлифовки *законовъ*, подлежащихъ безпрекословному исполненію.

Поставимъ же надъ собою законы!

Да будутъ намъ даны формы, въ которыхъ мы могли бы отчеканить нашу текущую и слабую волю въ твердые, полновѣсные слитки. Мы жаждемъ подлинныхъ дѣйствій. Дайте намъ въ жизни дѣйственность, преобладающую надъ «словесностью», — дайте намъ въ литературѣ Галаху, преобладающую надъ Агадой.

Мы склоняемъ главу — гдѣ жъ оно, желѣзное ядро? Отчего же не видать «руки мощной и мышцы проростертой?»

★

С. ЧЕРНИХОВСКИЙ
ИДИЛЛИИ

★

I

ЗАВѢТЪ АВРААМА

Идиллія изъ жизни евреевъ въ Тавридѣ

1

НА ПУТИ ВЪ ЕГИПЕТЪ

Ребъ Эліокумъ, рѣзникъ, встаетъ неспѣшно со стула,
 Всѣ нумера «Гацефиръ» сложилъ и ладонью разгладилъ,
 Выравниль; ногтемъ провелъ по краямъ. Ему «Гацефира»
 Очень любезна была, и читалъ онъ ее со вниманьемъ.
 Кончивъ работу, — листы аккуратно сложивъ и расправивъ, —
 Всталъ онъ на стулъ деревянный, на шкафъ положилъ газету,
 Слѣзь, подошелъ къ окну и выглянулъ. Ребъ Эліокумъ
 Думалъ, что время уже идти къ вечерней молитвѣ,
 Въ домъ, гдѣ сходилась молиться община ихъ небольшая.
 Дворъ изъ окна созерцалъ онъ мудро, безмолвно — и видѣлъ:
 Куры его поспѣшаютъ къ насѣсти, подъ самую крышу,
 Скачутъ по лѣстницѣ шаткой, приставленной къ ветхому хлѣву.
 Медленно движутся птицы... Посмотритъ насѣдка — и прыгнетъ
 Вверхъ на ступеньку; потомъ назадъ обернется и снова
 Смотритъ, какъ будто не знаетъ: карабкаться — или не стоитъ?
 Только пѣтухъ молодчина межъ ними: хозяйскій любимецъ.
 Гребень — багряный, борода — тоже; дородень, осанистъ;
 Ходитъ большими шагами, грудь округляя степенно;
 Длинные перья, качаясь, золотомъ блещутъ турецкимъ.
 Вотъ ужъ запѣлъ-было онъ, но тотчасъ запнулся, внезапно
 Пѣсню свою оборвалъ, и выткнувъ шею, пустился,

Крылья широко раскинувъ, бѣжать; тутъ ребъ Эліокумъ
Тотчасъ узнать пожелалъ причину такого поступка.
Вскорѣ услышалъ онъ свистъ кнута, колесъ громыханье,
Пару коней увидалъ, — а за ними вкатилась повозка.
Лошади стали; съ повозки спрыгнуть высокой крестьянинъ,
Крѣпкій, здоровый старикъ, распрягъ лошадей и въ корытѣ
Корму для нихъ приготовилъ, съ овсомъ ячмень размѣшавши.
Ребъ Эліокумъ на гою взглянулъ съ молчаливымъ вопросомъ.
Сразу по шапкѣ узналъ онъ, что гость — изъ села Билибирки.
(Такъ испоконъ вѣковъ зовется село: Билибирка, —
Только евреи его прозвали Малымъ Египтомъ.)
Мудрый и щедрый Создатель (слава Ему во вѣки!)
Тварей живыхъ сотворивъ, увидѣлъ, что нѣкогда могутъ
Разныхъ породъ созданья смѣшаться между собою.
Далъ имъ Господь посему отличья: гриву, копыта,
Зубы, рога. Ослу — прямыя и длинныя уши,
Ящеру — тонкій хвостъ, а щукѣ — пестрый рисунокъ.
Буйволу далъ Онъ рога, пѣтуху — колючія шпоры,
Бороду далъ Онъ козлу, а шапку — сынамъ Билибирки.
Шапка по виду горшку подобна, но только повыше.
Росту же въ шапкѣ — семь пядей; кто важень — съ мизинецъ при-
бавить.

Можно подробно весьма описать, какъ дѣлаютъ шапку:
Видя, что шапка нужна, идетъ крестьянинъ въ овчарню;
Тамъ годовалый ягненокъ, курчавый (черный иль рыжій)
Взоры его привлекаетъ; зарѣжетъ крестьянинъ ягненка;
Мясо онъ сваритъ въ горшкѣ и съ семьею скушаетъ въ супѣ;
Есть и такіе, что жарятъ ягнятъ, поѣдая ихъ съ кашей;
Шкурку жъ отдастъ крестьянинъ кожевнику для обработки.
Въ праздникъ, въ базарный день, въ Михайловку съѣздитъ крестья-
нинъ,

Въ лавочку Шраги зайдетъ, посидитъ, часокъ поболтаетъ,
Къ Шлемкѣ заглянетъ потомъ — и къ Шрагѣ назадъ возвратится;
Послѣ отправится къ Берлу; сторгуются; Берлъ за полтинникъ
Шапку сошьетъ мужику, но съ цѣны ни копѣйки не скинетъ:
Ибо цѣна навсегда установлена прочно и свято.
Ѣдетъ ли онъ въ Орѣховъ, заглянетъ ли онъ въ Севастополь, —
Жителя этой деревни всякій по шапкѣ узнаетъ.
Ежели кто повстрѣчаетъ жителя сей Билибирки,
Скажетъ ему непременно — Здорово, продай-на мнѣ шапку! —

Гостя по шапкѣ узналъ, конечно, и ребѣ Эліокумъ.
Только не зналъ онъ того, зачѣмъ пріѣхалъ крестьянинъ.
Сталъ онъ тогда размышлять: — Э, видно, тамъ, въ Билибирскѣ,
Важное что-то случилось, — а я ничего и не слышалъ. —
Такъ-то вотъ думаетъ онъ, а мужикъ ужъ стоитъ на порогѣ,
Шапку стащилъ съ головы, озирается, щетъ икону
— Здравствуй! Рѣзникъ-то который? не ты ли? А я билибирскій.
Пейсахъ меня прислалъ. Родила ему Мирка сынишку.
Завтра его ты обрѣжешь, а вотъ письмо; получай-ка. —
— Ладно, — отвѣтилъ рѣзникъ, — помолюсь — а тамъ и поѣдемъ.
Ты же меня съ часокъ подожди. А куда и кони
Пусть отдохнутъ. — Сказалъ, поднялся, взялъ палку и вышелъ.
Улицей тихо идетъ онъ, сверкая гвоздями подстоку.
Ребѣ Эліокумъ моголь* извѣстный въ цѣлой округѣ,
Даже изъ дальнихъ селеній за нимъ присылаютъ не рѣдко.
Слава его велика. — Черезъ поль-часа изъ дому снова
Ребѣ Эліокумъ выходитъ въ пальто и въ шарфѣ пуховомъ,
Тепломъ, большомъ. Ибо Элька, жена его, такъ говорила,
Мужа въ сѣняхъ провожая: — Возьми, обвяжи себѣ шею;
День хоть не очень холодный, а все-таки лучше беречься.
Что тебѣ стоитъ? возьми! Жалѣть навѣрно не будешь. —
Ребѣ Эліокумъ неспѣшно дошелъ до повозки мужицкой,
Смотритъ — а въ ней, какъ ягнята, его же три дочки усѣлись:
Сорка, да Двейрка, да Чарна. А гдѣ же сынишка? Да вотъ онъ,
Ишь, на рукахъ у гоя, который пріѣхалъ въ повозкѣ.
Хочетъ мужикъ и его посадить съ сестренками рядомъ.
Такъ и сіяютъ оба: и гоя заѣзжій, и Хона.
(Мальчика Хоной назвали въ память братишки, который
Умеръ давно отъ холеры; но гои, понятно, Кондратомъ
Хону придумали звать, при этомъ они говорили:
Ежели Годль — Данило, то Хона — Кондрать несомнѣнно.)
Такъ и сіяетъ мальчишка; накушался вдоволь онъ вишенъ,
Зубы отъ сока силѣютъ, пятно на кончикѣ носа,
Выпачканъ весь подбородокъ... Настала для Хоны забава.
Ножками дрыгаетъ онъ на рукахъ у гоя Михайлы.
Любить Михайла подчасъ пошутить съ дѣвурою еврейской:
— Ну-тка я васъ, жиденять! — и кнутомъ замахнулся притворно.
Громко тогда закричали и Сорка, и Двейрка, и Чарна;

* Моголь — совершающій актъ обрѣзанія.

Хона однако не воскликнулъ, не тронулся съ мѣста, а поднялъ Самъ кулачокъ свой на гоя, готовый ринуться въ битву. Молча Михайло стоялъ на мѣстѣ, весьма удивленный. Послѣ того покачалъ головой и промолвилъ негромко: — Плохо, когда жиденята — и тѣ бунтовать начинаютъ! — Онъ у меня герой, — отвѣчалъ Эліокумъ съ улыбкой: — Брось-ка его да ребятъ покатай въ повозкѣ немного. — Съ криками снова усѣлись и Сорка, и Двейрка, и Чарна. Хона за ними въ повозку — и тронулись лошади съ мѣста. — Ну, Эліокумъ, прощай, — сказала жена, — «До свиданья. Хону вы мнѣ берегите! Ты, Сорка, за брата отвѣтишь!» Дѣти еще не вернулись. Но вотъ, закричалъ Эліокумъ: — Будеть! Пора и домой! Возвращайтесь! — Не очень охотно Дѣвочки слѣзли съ повозки, — но все же отцу не переча. Хона одинъ уперся: вѣбился онъ крѣпко въ Михайлу, Ротъ широко раскрылъ и отчаянно дрыгалъ ногами. Только ни ноги, ни ротъ не слишкомъ ему пригодились: Отдалъ приказъ Эліокумъ — и мальчикъ былъ спущенъ на землю, Чарна и Двейрка, его подхвативши, бѣжали проворно Къ дому. Назадъ озираясь, вися на рукахъ у сестренокъ, Съ ними и Хона бѣжали, крича и мыча, какъ теленокъ. Ноги его поджаты; хвостикомъ край рубашенки Сзади торчитъ изъ прорѣхи, застегнутой слишкомъ небрежно. Хона кому былъ подобенъ въ эту минуту? Ягненку, Въ поле бредущему слѣдомъ за маткой. Пастухъ выгоняетъ Мелкій свой скотъ; за нимъ, отставая, съ протяжнымъ бляньемъ, Скачутъ ягнята въ догонку, и хвостики ихъ презабавно Сзади по голенямъ бьются...

А лошади мчатся и мчатся,
Вотъ, ужъ село миновали и по полю чистому ѣдутъ;
Вотъ — и съ пригорка спустились; изъ глазъ сокрылась деревня;
Мельница только видна на холмѣ; раскинувши крылья,
Точно гигантскія руки, привѣтъ она шлетъ имъ прощальный.
Вотъ, ужъ просторы полей окружили путниковъ нашихъ, —
Вольная ширь кругомъ простерта въ покоѣ великомъ.

Скорби глубокой и тихой духъ витаетъ надъ степью:
Пѣсня извѣчной печали, бездонной, безмолвной и горькой,
Повѣсть минувшихъ событій — и темныя тайны грядущихъ,
Будущихъ дней... И невольно тогда на уста человекъ

Грустная пѣсня приходитъ, и сердца тайникъ непостижнѣй
Поднять собой, и печалить, и мѣръ омрачаетъ, какъ облакъ.
Сердце тогда щемить, а въ глазахъ скопляются слезы.
Славой овѣяна степь, и въ сказаньяхъ о давнихъ народахъ,
Тамъ, въ отдаленныхъ вѣкахъ, на грани преданья и правды,
Древнее имя ея окутано облакомъ тайны.
Персы со скивами здѣсь воевали; здѣсь кочевали
Половцевъ дикія толпы, потомъ племена печенеговъ;
Кровь татарвы и казаковъ здѣсь проливалась обильно.
Кончены тѣ времена, когда отъ границы Буджака
Вплоть до Каспійскаго моря ширилось море другое —
Море сверкающихъ травъ, благовоньемъ богатыхъ. Бывало —
Хищное племя шатры разбивало у рѣкъ многоводныхъ,
Дикихъ коней усмирало въ степныхъ неоглядныхъ просторахъ...
Только могилы остались донинѣ: большіе курганы.
Молча и грустно съ кургановъ глядятъ изваянья; загадки
Замкнуты въ камнѣ холодномъ. Весны беззаботной потоки
Начисто смыли слѣды удалыхъ наѣздниковъ скибовъ;
Память о половцахъ дикихъ вѣтеръ по степи развѣялъ;
Сѣчь навсегда затихла; въ бахчисарайской долинѣ
Смолкли тимпаны и бубны; пространства степей необъятныхъ
Блещутъ подъ влагой росы въ золотыхъ одѣяньяхъ пшеницы.

Прошлое дремлетъ въ гигантскихъ ему изсѣченныхъ могилахъ
Только въ печальныя ночи, когда облака торопливо
Мчатся, сшибаясь, по небу, да тучъ блуждаютъ обрывки,
Лунный же ликъ багровѣетъ и падаетъ, мѣдью сверкая, —
Мнится: бывлыя повѣрья опять облекаются плотью,
Вновь пробуждаются къ жизни. Встаютъ изъ кургановъ гиганты,
Снова взираютъ на землю ихъ удивленные очи.
Голосомъ травъ шелестящихъ они повѣствуютъ о прошломъ...
Слушаютъ путники шопотъ, и пристально смотрятъ, и видятъ
Неба нахмуренный сводъ, суровыя, темныя тучи,
Дали, нѣмая, какъ тайна судьбы, — и невольно ихъ сердце
Смутной сжимается болью. И крадется въ сердце желанье
Бодро вскочить на коня, въ бока его шпоры вонзивши,
Мчатся степнымъ бездорожьемъ, все дальше, туда, гдѣ съ землею
Сходятся тучи ночныя. И хочется путнику громко
Крикнуть, чтобъ голосъ его разнесся отъ моря до моря,
Хочется воздухъ пустыни наполнить возгласомъ дикимъ,

Чтобы спугнуть лебедей, чтоб слышали волки въ оврагахъ,
Чтобы звѣрье изъ норъ откликнулось воемъ далекимъ,
Чтобы утѣшилось сердце хоть слабымъ признакомъ жизни...
Тихо тогда запѣваетъ Михайло, и пѣсня простая,
Грустью рожденная пѣсня сердца печаль выражаетъ.
Простъ и унылъ напѣвъ, однозвучный, тягучій, нехитрый.
Такъ надъ морскимъ побережьемъ, такъ у днѣпровскихъ пороговъ
Чайки безрадостно кличуть: за возгласомъ — возгласъ протяжный,
Отзвукъ безрадостной доли, отзвукъ печали и плача.
Такъ и Михайло поетъ; Эліокуму въ самое сердце
Скорбный напѣвъ западаетъ. Вняты въ пѣснѣ мужицкой
Сердца горячаго слезы; ищетъ выхода сердце
Силамъ, скопившимся въ немъ непримѣтно, подспудно и праздно.
Въ пѣснѣ унылой излить ихъ — вотъ облегченье для сердца.
Пѣсню казацкую пѣлъ Михайло. Внималъ Эліокумъ;
Міръ непонятный и чуждый являлся душѣ его мирной:
Пламя, убійства и кровь... И въ даль смотрѣлъ онъ душою,
Въ смѣну былыхъ поколѣній, тѣхъ, что когда-то мелькнули
Въ знойныхъ степяхъ и исчезли... И вспомнилъ хазарь Эліокумъ,
Вспомнилъ потомъ Іудею, мужей могучихъ и грозныхъ,
Вспомнилъ о дикихъ коняхъ, о панцыряхъ, копытахъ и плакахъ...
Чуждо ему это все — но сердце сжалось невольно...
Снова мерещатся луки, и пики, и ядра баллисты,
Только ужъ лица другія. Тѣ лица узналъ Эліокумъ.
Ава девятый день!... И больнѣе сжимается сердце.
Блещутъ мечи и щиты... И думать сталъ Эліокумъ:
Если бы самъ онъ былъ тамъ, — то сталъ ли бы онъ защищаться?
Долго онъ думалъ объ этомъ — и вдругъ нечаянно вспомнилъ
Хону, поднявшаго свой кулачекъ на Михайлу. И снова
Самъ Эліокумъ себя спросилъ: «Въ младенчествѣ нѣжному
Такъ ли бы я отвѣтилъ Михайлдѣ, какъ Хона отвѣтилъ?
Вижу я — новый повѣялъ вѣтеръ во станѣ евреевъ,
Новое нынѣ встаетъ на нашей землѣ поколѣнье.
Вотъ, завелись колонисты, Сіонъ... Что ни день, то въ газетахъ
Пишутъ о лекціяхъ, банкахъ, конгрессахъ...» И ребѣ Эліокуму
Въ сердцѣ своемъ ощущаетъ и радость, и страхъ, и надежду:
Въ мірѣ великое что-то творится: дѣло святое,
Милое сердцу его — и новое, новое! Страшно
Дней наступающихъ этихъ! Кто вѣдаетъ, что въ нихъ таится?...
Странно все это весьма, гадать о будущемъ трудно...

Ахадъ-Гаамъ, «молодые» — все странно, прекрасно и ново... Старое? Старое — вотъ: ужъ готово склониться предъ новымъ. Скоро исчезнетъ оно... Подрыты его основанья, Шпрятся трещины, щели, — паденіе прошлаго близко... Только по виду все такъ же, какъ было въ минувшіе годы. Такъ и со льдами бываетъ весною. Выглянетъ солнце, Всюду проникнуть лучи: по виду ледъ все такой же; Только — ступи на него: растаетъ, и нѣтъ его больше. Радо грядущему сердце — но все же и прошлаго жалко... Лошади вдругъ подхватили, помчались рѣзвѣе. Михайло Пѣсно свою оборвалъ. Грохочуть колеса повозки, Весело оси скрипятъ, — и вотъ ужъ дома Билибирки. Вотъ ужъ глядятъ огоньки изъ маленькихъ, узкихъ окошекъ, Путникамъ такъ и мигаютъ ихъ дружелюбные глазки. Съ лаемъ по улицѣ грязной бѣгутъ отовсюду собаки, Полня весельемъ и гамомъ вечерній темнѣющій воздухъ.

2

ОБРЪЗАНІЕ

Вотъ имена сыновъ Билибирки, что жили въ «Египтѣ». Съ женами всѣ собрались и сѣли на мѣстѣ почетномъ: Берелъ Донсъ и Шмуль Буць; Берль Большой и Берль Малый; Годль Палантъ, Залманъ Доивъ и Шмерль, меламень литовскій; Ривлинъ, изъ Лодзи агентъ; Александръ Матвѣичъ Шлимазлинъ; Иоскинъ, тамошній фельдшеръ; Матисья Сѣмень аптекаръ; Хамъ бревъ Сендеръ, равнинъ, толстопузый, плечистый; Родомъ онъ самъ билибирскій, и имъ горда Билибирка, «Нашего стада телець!» — о немъ говорятъ, похваляясь. Съ ними сидитъ и ребъ Лейбъ, рѣзникъ и канторъ въ «Египтѣ». Худъ онъ, какъ шепка, и малъ, и хромъ на правую ногу. Тутъ же и Лейзеръ, служка. И къ нимъ присосѣдился прочно Рабби Азріэль Моронтъ, съ большой бородою, весь красный. Лѣтъ три десятка служилъ онъ въ солдатахъ царю Николаю Первому — и устоялъ въ испытаньяхъ тяжелыхъ и многихъ. Нынѣ же къ Торѣ вернулся, — къ служенію Господу Богу.

Эти четыре лица: ребъ Лейбъ, Азріэль и Лейзеръ,
Также ребъ Ханмъ, раввинъ, — весьма почитаемы всѣмъ;
Длины одежды у нихъ, и слово ихъ въ общинѣ вѣско,
Ибо изъ нихъ состоитъ билибиркекое все духовенство.
Были два гостя еще, но ниже гораздо значенемъ:
Нѣкій Хведиръ Паскѣ и съ нимъ сумасшедшая Хивра.
Хведиръ — высокій, худой, и носъ его башнѣ Ливана
Краснымъ огнемъ озаренной подобенъ; отъ выпитой браги
Красны глаза его также. Нравомъ онъ скромнѣе и смиреннѣе.
Онъ охраняетъ евреевъ жилища. Въ кварталѣ еврейскомъ
Улицей грязной и топкой ходитъ съ собаками Хведиръ.
Сырка, Зузулька, Кадушка и Дамка зовутся собаки.
Къ Пейсаху Сырка пришла, а прочія дома остались.
Сырка усѣлась въ углу, и глаза прищуривши, ловитъ
Мухъ, обліпившихъ ея въ бою пострадавшее ухо.
Сидя съ привѣтливой мордой, хвостомъ она тихо виляла.
Кромѣ того, что онъ сторожъ, Паскѣ былъ и «гоемъ субботнимъ»:
Ставилъ онъ всѣмъ самовары и лампы гасилъ по субботамъ,
Печи, случалось, топилъ и строилъ навѣсы для Кушей.
Впрочемъ, не рѣже его топилъ печи и Хивра.
Также ходила она за водой и за то получала
По двѣ копѣйки. Когда же случалось, что баня топилась,
Хивра по улицѣ шла и махала вѣникомъ, съ крикомъ:
«Въ баню ступайте, евреи! Скорѣй, немытые, въ баню!»
Хведиръ и Хивра сегодня столкнулись за трапезой общей:
Запахъ вина ихъ привлечь на пиръ Пейсаху нынче...

Шумной, веселой гурьбою, смѣясь, бесѣдуя, споря,
Званые гости вошли въ большую, красивую залу,
Въ свѣтлый, высокій покой, гдѣ въ садъ выходили всѣ окна.
Съ садомъ фруктовымъ свой домъ отъ отца унаслѣдовала Пейсахъ.
Мѣломъ былъ выбѣленъ залъ; въ потолокъ былъ вѣланъ прекрасный
Кругъ изъ затѣйливой лѣпки, въ центрѣ же круга висѣла
Лампа на толстомъ крюкѣ. По стѣнамъ красовались портреты
Монтефіоре и Гирша и многихъ ученыхъ раввиновъ.
Вѣнскіе стулья стояли у длинныхъ столовъ, но садиться
Гости еще не спѣшили. Одинъ собесѣдникъ другого
Крѣпко за ладканъ держалъ, — и громко всѣ говорили.
Хаимъ, раввинъ, наконецъ, спросилъ хозяина пира:
«Ну, не пора ли, ребъ Пейсахъ?» «Ну, ну!» отвѣтствовалъ Пейсахъ:

Сандоку* стуль поскорѣ!» — И стуль принесенъ былъ слугою.
Весь озарился въ тотъ мигъ Азріэль веселіемъ духа.
Гордо взиралъ онъ вокругъ, съ величіемъ кесарей древесныхъ;
Розовы щеки его, какъ у сильнаго юноши; кудри,
Слившись съ большою бородою, сѣдиною серебряной блещутъ,
Бѣлой волною струясь по одеждѣ, по выпуклой груди;
Сѣды и брови его, густыя, широкія; ими,
Точно изогнутымъ лукомъ, лобъ бѣлоснѣжный очерченъ.
Видомъ своимъ величавымъ взоры гостей услаждалъ онъ.
Сидя на стулѣ, онъ ждалъ, чтобъ квѣтэръ** явился съ ребенкомъ.
Молча смотрѣлъ онъ на дверь въ сосѣдній покой, гдѣ сидѣли
Женщины: тамъ находилась роженица съ новорожденнымъ.

Вотъ открывается тихо дверь, и въ комнату входитъ
Чудная дѣвушка; лѣтъ ей шестнадцать, не болѣе. Это —
Пейсаха старшая дочь, — она же квѣтэринъ нынче.
Стройно она сложена, но вся еще блещетъ росюю
Дѣтства: покатыя плечи созрѣли прелестно, округло,
Шея же слишкомъ тонка, и локти младенчески остры;
Плавно рисуются двѣ сестрицы-волны подъ одеждою;
Черныя косы ея, заплетенныя туго, сверкаютъ,
Словно тяжелыя змѣи, до самой ступни ниспадая.
Дѣвушка эта прелестна! И вотъ, что всего въ ней прелестнѣй:
Кажется, дѣвочка въ ней со взрослою женщиною спорятъ;
То побѣждаетъ одна, то другая. Дубку молодому
Также подобна она: дубокъ и строенъ, и тонокъ, —
Все же грядущую силу предугадать въ немъ не трудно.
Въ сѣрыхъ, огромныхъ глазахъ у дѣвушки искрится радость,
Черны и длинны рѣсницы, которыми глазъ отороченъ.
Если же взглянетъ она, то взоръ ея въ сердце проникнетъ,
Свѣтлымъ и тихимъ весельемъ сердце плѣняя и полня...
Руки простерты ея. На рукахъ, въ одѣлѣ, младенецъ.
Тихо ступаетъ она, слегка назадъ откачнувшись:
Новорожденнаго брата, видно, держать не легко ей.

* Сандокъ — лицо, на рукахъ у котораго находится ребенокъ во время акта обрѣзанія. Быть сандокомъ очень почетно.

** Квѣтэръ и квѣтэринъ — кумъ и кума. Послѣдній, внеся ребенка въ комнату, передаетъ его первому, а тотъ въ свою очередь сандоку.

Вотъ, на мгновенъе стыдливымъ румянцемъ вспыхнули щеки,
Тотчасъ, однако, лицо по прежнему стало спокойно.
Вѣрно, взглянула она, какъ кватѣръ идетъ ей навстрѣчу.
Таинство свѣтомъ своимъ лицо ея озарило.
«Словно Шехина почіеть на ней! Смотрите! Смотрите!» —
Берелѣ Донсъ воскликнулъ. Другіе смущенно молчали:
Какъ бы ея онъ не сглазилъ! — Тутъ кватѣръ, взявши ребенка,
Рабби Азріэлю подалъ. Мальчикъ рослый и крѣпкій,
Розово тѣло его, какъ цвѣтъ распустившійся розы,
Тихо лежитъ онъ на бѣлой, вымытой чисто простынкѣ...
Осенью позднюю солнце является такъ же порою:
Клонится къ вечеру день; снѣга надъ полями синѣютъ;
Падаеть солнце все ниже — и красмъ касается снѣга...
Всѣ приглашенные тѣсно столпились возлѣ младенца.
Было на лицахъ тогда ожиданье и святости отсвѣтъ, —
Благоговѣйная тишь воцарилась у Пейсаха въ домѣ.

3

ПИРЪ

Къ матери въ спальню ребенокъ былъ отнесенъ торопливо.
Голосъ его раздавался по дому. «Клянусь вамъ, мальчишка
Умница будетъ: обиду снести онъ безмолвно не хочетъ.
И справедливо: вѣдь сразу всѣхъ собственныхъ правъ онъ лишился.»
Такъ прошептала Шмуэль-Буцу Матисья Сѣменъ, аптекарь.
Къ шумной и быстрой бесѣдѣ опять возвращаются гости;
Снова наполнилась зала говоромъ, спорами, гуломъ.
Вотъ, межъ гостей пробираясь, женщины въ залу выходятъ:
Это родня и подруги счастливой роженицы Мирьяны.
Вотъ, на столы постелили чистыя скатерти; вскорѣ
Съ яснымъ, играющимъ звономъ явились графини и рюмки;
Стройными стали рядами они на столахъ; по сосѣдству
Выросли цѣлыя горы: въ корзинахъ, въ серебряныхъ чашахъ
Вдоволь наложено хлѣба, сладстей, орѣховъ, оладей.
Всѣ ощутили тогда въ сердцахъ восхищенье. А Пейсахъ
Рѣчь свою началъ къ гостямъ, говоря съ любезнымъ привѣтомъ:

«Мойте, друзья мои, руки и къ трапезѣ ближе садитесь.
Сердце свое укѣпите все́мъ, что далъ миѣ Создатель.
Вотъ полотенце, кувшинъ же съ водою въ сѣняхъ вы найдете.»
Такъ онъ сказалъ, и гостямъ слова его были пріятны.
Все́ окружили кувшинъ и руки съ молитвою мыли.
Въ залу вернулись потомъ обратно, и сѣли, и ѣдали.
Благословили, наконецъ, раввинъ приступить къ монополюкѣ.
Съ медомъ оладью онъ взялъ, преломилъ, — и примѣру благому
Прочіе все́ подражали охотно, что очень понятно,
Ибо не ѣли съ утра и голодны были изрядно.
Весело гости кричали: «Твое, ребъ Пейсахъ, здоровье!
Многая лѣта еще живи на благо и радость!»
Пейсахъ отвѣтилъ: «Аминь, да будетъ по вашему слову.
Благословенъе Господне надъ все́мъ Израилемъ!» Вскорѣ
Пусты ужъ были корзины и чаши. Но тотчасъ на смѣну
Цѣлая рать прибыла тарелокъ, наполненныхъ щедро
Рубленой птичьей печенкой, зажаренной въ салѣ гусиномъ.
Во-время поваръ печенку вынулъ изъ печи и въ мѣру
Перцу и соли прибавилъ, сдобривши жаренымъ лукомъ:
Сочная очень печенка, и видомъ подобна топазу.
Разомъ затихъ разговоръ; жернова не праздно лежали;
Только и слышались звуки ножей да вилокъ. Но вотъ ужъ —
Время явиться салату, что жиромъ куринымъ приправленъ;
Въ немъ же — изрубленный мелко лукъ и чеснокъ ароматный.
Небу салатъ былъ угоденъ: ни крошки его не осталось.
Тутъ-то гигантское блюдо внесли съ фаршированной рыбой:
Окунь янтарный на немъ, и огромная щука, а также
Мелкая всякая рыба, иѣжная вкусомъ; иная
Сварена съ разной начинкой, иная зажарена въ маслѣ,
И золотистыя капли рососою сверкають на спинахъ.
Перцемъ приправлена рыба, изюмомъ, рѣдкой и лукомъ.
Славится Мирьямъ своею фаршированной рыбой, — а нынче
Варка особенно ей удалась, — и счастлива Мирьямъ.
Рыбешка таетъ во рту и сама собою такъ иѣжно
Въ горло скользнуть, а на вкусъ — пріятнѣй сыченаго меда.
Къ рыбѣ явились на столъ, пирующихъ радуя взоры,
Старыя крымскія вина и пара бутылокъ «Жармела».
Имъ угощали раввина, потомъ и другихъ приглашенныхъ.
Все́ похвалили его. Когда же насытились гости,
Снова вернулись они къ бесѣдамъ, и шуткамъ, и спорамъ.

Шель разговоръ о цѣнахъ на хлѣбъ, о плохомъ урожаѣ.
Шумъ возрасталь, ибо каждый въ Израилѣ высказать можетъ
Слово свое. О болѣзни Викторіи спорили много,
Объ иностранныхъ дѣлахъ; добрались наконецъ до наслѣдства
Ротшильда; вспомнили Гирша и съ нимъ колонистовъ несчастныхъ.
Шмерль, меламедъ, тогда возвысилъ громкій свой голосъ.
(Родомъ онъ былъ изъ Литвы, но вольнаго духа набрался,
Свѣтскія книги читал). Онъ началъ: «Вниманье! Вниманье!
Слушайте, что вамъ разскажетъ меламедъ!» И тутъ описаль онъ
Злую судьбу колонистовъ, ихъ бѣдствія, скорби, печали,
Всѣ притѣсненія, и голодъ, и горечь нужды безысходной.
«Тверды, однако жъ, они во всѣхъ испытаніяхъ были.
Взоры они обращаютъ къ Израилю: братья, на помощь!
Красное это вино — не кровь-ли тѣхъ колонистовъ? —
Кровь, что они проливаютъ на милыхъ поляхъ Палестины.
Взыщется кровь ихъ на васъ, когда не придете на помощь!
Братья, слѣшите на помощь! Спасайте дѣло святое!
Есть поговорка у гоевъ отличная: съ міру по ниткѣ —
Голому выйти рубаха!» — Такими словами онъ кончилъ.
Блѣдно лицо его было, глаза же сверкали. Всѣ гости
Молча внимали ему, головами качая. Платками
Женщины терли глаза. Умолкъ меламедъ — и тотчасъ
Между гостями пошла въ круговую тарелка для сбора.
Звякали громко монеты въ высокой Пейсаха залѣ,
И тяжелѣла тарелка все болѣе съ каждымъ мгновеньемъ.
И веселій становилось собранье: вѣдь каждое сердце
Ближнему радо помочь. Ученый меламедъ отъ счастья
Потный и красный сидѣлъ... Бородку свою небольшую
Шебселэ молча щипаль. (Изъ Польши онъ прибылъ недавно;
«Коршунномъ польскимъ» у насъ прозвали его, какъ обычно
Каждый зовется полякъ, когда не зовутъ его просто
«Воромъ»). Но вотъ, наконецъ, произнесъ онъ: «Конечно, конечно,
Шмерль — человѣкъ настоящій. Одна бѣда — изъ Литвы онъ.
Что они тамъ за евреи? На выкрестовъ больше похожи.
Слово такое услышавъ, гости взглянули на Шмерла:
Что онъ отвѣтитъ? Мужчина вѣдь умный, къ тому же меламедъ.
Шмерль же въ отвѣтъ закрываетъ глаза и самъ вопрошаегъ:
«Шебселэ! Праотецъ нашъ, Авраамъ, не также ли былъ онъ
Родомъ литвакъ?» «Авраамъ? Да постой: изъ чего жъ это видно?»
«Вотъ изъ чего: и воззвалъ къ Аврааму онъ шейнисъ. А если бы

Быль Авраамъ не литвакъ, то *шейндлсь* воскликнулъ бы ангелъ*.
 Шутка понравилась вѣзмъ шпировавшимъ, и много смѣялись
 Гости, и такъ говорили, меламеда мудростью тѣшася:
 «Шебселэ, что жъ ты молчишь? Отвѣчай меламену. Что жъ ты?»
 Шебселэ имъ отвѣчаетъ: «Пфе! Не стоить, отвѣта».
 Только одно мнѣ неясно, понять одного не могу я:
 Какъ это каждый литвакъ два имени носитъ? А если
 Нѣтъ у него двухъ именъ, то тѣлинь, навѣрно, двѣ нарм,
 Или въ Литвѣ онъ оставилъ двухъ женъ, не давая развода».
 Шутка понравилась вѣзмъ шпировавшимъ, и много смѣялись
 Гости, весьма забавляясь словами Шебселэ. Только
 Шмерль поблѣднѣлъ чрезвычайно: грѣшки свои припомнилъ.
 Все же онъ гнѣвъ поборолъ и Шебселэ вотъ что отвѣтилъ:
 «Шебселэ, слушай и выкини. Понятно тебѣ, вѣроятно,
 Слово легенды пасхальной:** зачѣмъ Господь Вседержитель
 Ангела смерти убилъ. Вѣдь ангелъ-то правъ былъ, — не такъ ли?
 Ну-ка, подумай надъ этимъ!» Собранье воскликнуло хоромъ:
 «Ангелъ, конечно, былъ правъ! Что хочешь сказать ты, меламендъ?»
 «Вотъ что», отвѣтствуетъ Шмерль — и рѣчь свою такъ продолжаетъ:
 «Правъ былъ, конечно, и Богъ, но во всемъ виновата собака:
 Дескать, она-то права, — но кто ее просить, собаку,
 Судь свой высказывать? Ей ли дано это право?» — Тутъ гости
 Смѣха сдержатъ не могли. А Шебселэ то покраснѣетъ,
 То поблѣдетъ... Отвѣтить обидчику хочеть... Но посмотреть, —
 Вотъ ужъ стоить передъ нимъ тарелка вкуснаго супа.

* Игра словъ. Въ Библии (Быт., 22, 15) сказано: «И вторично воззвалъ къ Аврааму ангелъ...» Вторично по древне-еврейски «шейнисъ». Но въ Литвѣ есть женское имя Шейне, отъ котораго прилагательное притяжательное — «шейнисъ». Въ Польшѣ это же имя произносится Шейндль, а прилагательное — «шейндлсь». Острота меламена въ томъ, что библейское нарѣчье онъ разсматриваетъ, какъ современное прилагательное, которое и оказывается произнесеннымъ съ *литовскимъ* выговоромъ. Изъ этого онъ шути заключаетъ, что Авраамъ былъ «литвакъ», иначе бы ангелъ, обращаясь къ нему, сказалъ на польскій ладъ: «шейндлсь».

** Рѣчь идетъ о легендѣ, читаемой за вечерней трапезой въ первый двѣ ночи праздника Пасхи. Содержаніе легенды краткѣ таково: хозяинъ купилъ козочку, но кошка ее съѣла. За это собака съѣла кошку, палка убила собаку, огонь пожралъ палку, вода залила огонь, быкъ выпилъ воду, рѣзникъ зарѣзалъ быка, Ангелъ смерти зарѣзалъ рѣзника, а Господь — Ангела смерти, ибо каждый изъ нихъ, начиная съ собаки, былъ правъ въ своемъ судѣ, но право суда принадлежало не имъ.

Плаваютъ въ супѣ лепешки съ горячей начинкой. Бульонъ же
Золотомъ такъ и сверкаетъ расплавленнымъ, жидкимъ, — а солнце
Лучъ свой дробитъ въ пузырькахъ, и блески жира сверкаютъ
Желтымъ и синимъ огнемъ. Совсѣмъ ужъ раскрылъ было ротъ свой
Шебсеза, чтобы отвѣтить, — но тутъ почелъ онъ за благо
Парой лепешекъ его набить, лепешки смочивши
Ложкой бульона. И споръ, начавшій уже разгораться,
Самъ оборвался внезапно. А гости сидятъ и вкушаютъ
Супъ, а за супомъ жаркое: курь, откормленныхъ утокъ,
Сладкія крымскія вина, — и шутятъ, и громко смѣются.

Солнце уже опустилось, какъ сѣлъ Эліокумъ въ повозку.
Тронулись лошади шагомъ; теперь ужъ онѣ не спѣшили,
Ибо отъ выпитыхъ винъ ослабли Михайловы руки.
Кони брели напрямикъ, безъ дороги, по степи широкой, —
И Эліокумъ на кочкахъ тяжелой кивалъ головою.

II

ВАРЕНИКИ

1

Рѣдкое выдалось утро, какихъ выдается не много
Даже весной, а весна — прекрасна въ поляхъ Украины,
Въ вольныхъ, какъ море, степяхъ! — Но кто же первый увидѣлъ
Прелесть прохладнаго утра, омытаго ранней росой,
Въ часъ, какъ заря въ небесахъ, розовѣя, воздушно сіяетъ?
Жавронокъ первый увидѣлъ. На крылышкахъ быстрыхъ онъ взвился
Въ высь — и оттуда дождемъ просыпалъ пѣвучія трели
И разбудилъ воробьевъ на крышахъ, дроздовъ на деревьяхъ.
Солнце проснулось вторымъ; румяное, ликомъ пылаетъ,
Стыдно ему, что оно запоздало, пора за работу:
Кистью слегка провести по цвѣтку; золотистую нудру
Бабочкѣ бросить на крылья; забытую струйку потрогать,
Чтобы чешуйчатой спинкой сверкнулъ проплывающій окунь;
Яйца лягушечкѣ согрѣть; пшеницы лѣнивыя зерна
Поторопить — и пчелу разбудить лучшемъ веселящимъ. —
Третьей старушка Гитль, вдова раввина, проснулась
И пріоткрыла глаза. Лазурное, чистое небо
Синимъ повисло шатромъ. Едва пробившейся травкой
Выгонъ и поле сверкали. Покой надо всёмъ простирался,
Храма пустого молчанье, — какъ будто сіянемъ и блескомъ
Поражены и земля, и небо — и сами дивятся
Чудной своей красотѣ... Съ постели теплой поспѣшно
Старая Гитль поднялась, накиннула платье и руки
Подъ рукомылникомъ мѣднымъ помыла. Тяжелый и толстый
Былъ рукомылникъ, старинный. Боками сверкалъ и сіялъ онъ:

Чистили часто его кирпичем толченымъ. (Въ подарокъ Гитль получила его отъ покойницы-тетки. А тетка Ей рукомоинникъ на память въ день свадьбы ея подарила...) Шопоть у Гитль на устахъ: молитвы свои ежедневно Тихо читаетъ она. Глаза же смѣются, сіяютъ: Кажется ей, что сегодня природа улыбкаой умильной Встрѣтила Гитль, и весь міръ ликуеть обильной красою. Пестрый старухинъ котъ услыхалъ, что хозяйка проснулась, Жалобно жмется къ ногамъ, и мяучеть, и нюхаетъ платье. Впалы бока у него, и ключьями шерсть вылѣзаетъ: Время такое кошачье: что ночь — раздаются ихъ вопли. «Нá тебѣ, старый дуракъ», — на кота проворчала старуха, И молока въ черепокъ наливши, поставила на полъ. Глядя на это, и Гитль внезапно въ себѣ ощутила Точно такой аппетитъ. И явственно въ носъ ей ударилъ Вкусныхъ варениковъ запахъ... Вареники съ сыромъ, въ сметанѣ... Паръ благовонный восходитъ надъ круглой, горячею миской... И улыбулась старуха сама надъ собою: съ чего бы Это желанье у ней? — И стопы направила въ погребъ. Погребъ ея на дворѣ. Тамъ сыръ и горшки со сметаной. Только спустилась она — вдругъ лай услышала громкій И человѣческій голосъ: «Пошелъ ты прочь, окаанный!» Э, да вѣдь это Домаха! А Сирка все лаеть и лаеть. Тутъ подымаетъ Домаха свою суковатую палку. Видно, собачьей спинѣ пришелся ударъ не по вкусу: Взягнувши, песь побѣжалъ, на трехъ ногахъ ковыляя, Хвостъ же его между ногъ болтался, трусливо поджатый. Вышла изъ погреба Гитль, встрѣчать нежданную «гою». «Доброе утро, Гитль». «Съ хорошей примѣтой, Домаха, Нынче встрѣчаю тебя: въ рукѣ моей полная миска». «Миръ тебѣ, Гитль» — и Домаха свой посохъ поставила въ уголь Маленькой комнаты той, что для Гитль служила и кухней. «Ну, а здоровье твое?» «Какъ видишь, Домаха, недурно. Медленно я прохожу свой путь, о милости Божьей. Ты-то куда собралась?» «Въ костель пробираюсь. Да кстати Хлѣба съ собой каравай да кувшинъ молока захватила. Это отцу Василью: подарочекъ праздника ради». «Развѣ же праздникъ сегодня?» «А какъ же? И праздникъ хорошій: Нынче Микола Малый, забыла ты. Ну, да и наши

Многіе нынче выходятъ по праздникамъ въ поле. Пронала
Вѣра въ народѣ. Къ обѣдѣ — и то немногіе ходять.
Все старики, да старухи, насилу живые. Давно ужъ
Силы не стало браниться съ ребятами. Всѣ озорные.
Глинь на него: вѣдь щенокъ! А скажи-ка, чтобъ шелъ онъ къ обѣдѣ:
Сразу распуститъ языкъ: сегодняшній день, моль, такой же,
Какъ и вчерашній... Все хуже народъ. И въ церквахъ запустѣнье.
Входишь въ ограду — тамъ кто? Слѣпой, хромой да убогій.
Хмурая церковь стоитъ, и отецъ Василій — что туча.
Колокола зазвонять — какъ-будто надъ церковью плачуть...
Ну — и изъ вашихъ, положимъ, отступниковъ тоже не мало.
Тожь: трѣфное ѣдятъ, а то и цыплятъ по субботамъ.
Помню, была я дѣвченкой: въ субботу, бывало, все вымреть;
Дрожь по спиѣ пробѣгала: такъ тихо и пусто на рынкѣ.
Нынче же — стыдъ и срамъ: по субботамъ — продажа да купля.
Стыдно, ей-Богу, самой покупать у еврея въ субботу...
Такъ-то вотъ, Гитля. А эти... Ну, — Залманъ хотя бы, къ примѣру:
Третьяго дня приходилъ, овецъ продавать. А вѣдь праздникъ!
— Залманъ, — сказала я, — слушай: ужель ты надѣешься вѣчно
Жить да и жить на землѣ? Иль вовсе о смерти забылъ ты?
Что тебѣ скажетъ Господь? Иль суда ты Его не боишься?
Праздникъ вѣдь нынче! — А онъ — къ моему обращается сыну
И говоритъ ему: — Грица! Отдай-ка ты намъ свою матку.
Пусть она будетъ у насъ раввиномъ! — Вѣдь вотъ что сказалъ, бе-
образникъ!

Такъ-то... А что это, Гитля? Зачѣмъ тебѣ сыръ и сметана?»
Ей со смущеніемъ Гитль отвѣчаетъ: «Сама не пойму я.
Не было силъ устоять: варениковъ такъ захотѣлось —
Просто бѣда! Говорять же въ народѣ: что старый, что малый...
Долго живетъ человекъ, а все дуракомъ умираетъ».
Въ это мгновенье до слуха донесся звонъ колокольный.
Палку схватила Домаха, и хлѣбъ, и кувшинъ. «До свиданья».
«Путь счастливыи тебѣ». — И гостя уйти поспѣшила.
— Правильно Гоя сказала, — подумала съ грустью старуха:
— Хуже и хуже народъ! Мы плохи — а дѣти подавно!
Залманъ-торговецъ... А сынъ мой? А Рейзелъ, внучка? О, горе!
Дай имъ здоровья, Господь, — а все-таки, развѣ такими
Были когда-то мы сами, и дѣды, и прадѣды наши?»
Думая такъ, со стѣны сняла она доску большую,
Сбигую прочно изъ липы слегка розоватыхъ дощечекъ.

Темныя жилки по ней разбѣгались красивымъ узоромъ.
Доску на столъ положивши, берется старуха за сито.
Всыпала въ сито она муки тончайшей, крупчатки;
Чтобы просѣять ее рукою проворной и ловкой.
Снѣжную пылью, казалось, наполнились дырочки сита.
Снѣжная пыль растилалась по гладкой доскѣ и ложилась
Плотнымъ покровомъ по ней, — сверкающимъ бѣлымъ покровомъ.
Осенью первый снѣжокъ не такъ ли на землю ложится, —
Словно отъ князя зимы поцѣлуй и привѣтъ ей приноситъ?
Мелкою, бѣлою пылью мелькаетъ мука, ниспадая.
Вотъ — пронеслась, промелькнула, какъ облачко. Съ каждой пы-
линкой

Точно прошли передъ Гитль минушіе дни и недѣли, —
Долгіе годы страданій, минуты короткаго счастья.
Вотъ она — дѣвочка... вотъ ужъ — невѣсти и мать и однажды
Вдругъ просыпается Гитль старухою, бабушкой... Вотъ ужъ —
Рейзелэ, милая внучка, дай Богъ ей долгіе годы...
Свѣтлою снѣжною пылью сквозь мелкія дырочки сита
Медленно, тихо мука унадеаетъ на гладкую доску.
Гитль, наконецъ, подгребааетъ ее, на доскѣ образуя
Какъ бы высокій валъ, окружающій впадину. Молча,
Быстрой и легкой рукою муку собираетъ старуха, —
Въ мысляхъ же — Рейзелэ, внучка, дай Богъ ей долгіе годы.

2

Чистый, невѣнный и нѣжный, глаза раскрываетъ ребенокъ.
Весь онъ — какъ замкнутый міръ, и въ душу его не проникнешь.
Дремлютъ до времени въ ней и злыя, и добрыя силы.
Но подрастаетъ ребенокъ подъ сѣнью родительскихъ крыльевъ,
Съ матерью схожъ и съ отцомъ; сначала ихъ жизнью живетъ онъ;
Дни пробѣгаютъ за днями; но вотъ... (Тутъ Гитль падъ мукою
Шесть разбиваетъ яицъ и бѣлокъ и желтокъ выливаетъ...
Выливши, мѣситъ она рукою привычною тѣсто.
Вся измѣнилась мука: прозрачно-янтарная стала).

Да, настаетъ-таки день: изъ гнѣзда выпадаетъ ребенокъ.
Всякій прохожій къ нему рукою своею принесется,

Грязью своей замазаетъ; и тяжело, и грубо касанье
Чуждой руки. Такова ли родителей пѣнная ласка?
Рейзелэ славно цвѣла, весь домъ наполняя весельемъ;
Пѣсенкой солнце встрѣчала, какъ жавронокъ, ранняя птишка;
Къ вечеру склонится солнце — и Рейзелэ глазки закроетъ,
Чтобъ отдохнуть отъ дневного чирканья, пѣнья, плясання,
Отъ обученія куклы молитвамъ, отъ игръ на песочкѣ...
Вскорѣ, однако жъ, ее увезли изъ мѣстечка далеко:
Въ городъ отецъ переѣхалъ. И лѣтъ черезъ пять лишь старуха
Милую внучку свою опять увидала. Но что же?
Въ Рейзелэ Гитль не узнала прежняго птенчика. Только
Нѣсколько быстрыхъ мгновений въ объятіяхъ бабушки нѣжной
Слушала Рейзелэ голосъ минувшаго. Но промелькнули
Эти мгновенья, и внучка прекрасные глазки раскрыла,
Словно безмолвнымъ вопросомъ въ старухино сердце проникла,
Чтобъ разгадать это сердце, для Рейзелэ ставшее чуждымъ.
Видѣла, видѣла Гитль, что все измѣнилось, что даже
Сынъ ея — словно другой. Но глаза закрывала старуха,
Точно боялась она смотрѣть на все, что творится.

Тѣсто же стало межъ тѣмъ на топазъ индійскій похоже.
Гладкую скалку тогда старуха взяла и по тѣсту
Крѣпко ей стала водить по всѣмъ направленіямъ, чтобы
Тѣсто свое раскатать широкимъ и правильнымъ кругомъ,
Чтобы его толщина повсюду была равномерна,
Чтобы нигдѣ ни бугровъ, ни впадинъ на немъ не осталось.
Вотъ уже тонко оно, какъ будто прилежнымъ рубанкомъ
Сглажено... Только порой упрямылось липкое тѣсто,
Цѣпко, упорно хватаясь за гладкое дерево; къ скалкѣ
Точно ласкалось оно, прилилая упрямо и прочно...
Долго съ нимъ Гитль провозилась, умѣло съ работой справляясь...

Минуло цѣлыхъ два года межъ этимъ свиданьемъ и новымъ:
Вотъ уже внучка ея — гимназистка, въ коричневомъ платьѣ
Форменномъ. Узкія плечи и тонкая талія тѣсно
Схвачены платьемъ казеннымъ, какъ будто бы мощной рукою.
Въ Рейзелэ все по порядку, по формѣ, по мѣркѣ. Стѣсненно
Ручкою движетъ она по указу начальства. Поклоны
Дѣлать ее научили и взвѣшивать каждое слово.
Книжка въ рукахъ у нея: сочиненія Пушкина, въ красномъ,

Пышною такюмъ переплетѣ съ тисненьями золотомъ. Книжка Рейзелэ строгимъ начальствомъ дана «за усигѣхи въ наукахъ И прилежанье.» За книжкой весь день просидѣла дѣвчурка, Стихъ за стихомъ нараспѣвъ, отчетливо, громко читая. Пламя въ глазахъ у нея, и пламенемъ щеки пылають. Книжка была драгоценна и внуцкѣ, и Гитлѣ. Ежедневно Рейзелэ книжку читала; когда же она засыпала, Пушкина ставила Гитлѣ на полку, гдѣ прочія книги: Цѣно-урено* и тхинесь**, что сложены Саррой бать Тувимъ. Сердце старухино, правда, ее укоряло за это, — Все жъ оправданье она находила такому трэфъ-посулъ*+. Книга вѣдь эта была не то, что прочія книги Рейзелэ...

Въ эту минуту стаканъ достала старуха, Крѣпко его приложила къ готовому тѣсту, нажала, Словно отточенный ножъ, краями онъ врѣзался въ тѣсто, — И получился кружокъ, а потомъ и другіе такіе жъ, Какъ близнецы или сосуды, по формѣ отлитые общей.

Клещи порядковъ и правилъ впиваются въ душу ребенка, Ставить ее — и по волѣ, которой противиться тщетно, Все бытiе малыша въ суровую форму втѣсняють. Вотъ ужъ душа у ребенка запугана, скомкана, смята Долгимъ и тягостнымъ гнетомъ, готовымъ ее уничтожить. Все убываетъ она, какъ свѣча подъ порывами вѣтра. Вотъ ужъ нѣтъ ея вовсе. Но нѣкогда день наступать — Школу свою ученикъ покидаетъ, и всѣ его мысли — Мысли прочитанныхъ книгъ, и душа его — тоже изъ книги. Смотрить на міръ онъ глазами учителя. Въ гнетѣ учебы Душу свою потерялъ онъ — на время...

Тутъ сыру достала Гитлѣ, и растерла его, и въ глиняной мискѣ смѣшала Съ яйцами. Взявши потомъ немного этой начинки, Гитлѣ положила ее на одинъ изъ кружковъ, что стаканомъ Были нарѣзаны. Сверху — такимъ же накрыла кружочкомъ, Тѣсто рукой по краямъ зашинула — и слиплись кружочки.

* и ** Молитвенники для женщинъ.

*** Свѣтская, дозволенная книга.

Въ школь ребенка душа за себя перестала бороться;
Все получила она изъ рукъ учителя чуждыхъ,
Чуждымъ ученьемъ прониклась... Но время проходить, изъ класса
Въ жизньъ вступаешь она: роднымъ и наставникамъ радость.
Но изъ-подъ гнета оковъ порой вызволяетъ ребенокъ
Душу свою, и она сокровенною злобой, враждою
Вѣчною полнится къ тѣмъ, кто ее заставлялъ поклониться
Чуждымъ святынямъ. Но какъ же излить ей досаду и горечь?
Вотъ и влечется она ко всему, что мучители прежней
Ей запрещали такъ строго...

Но минули годы, и къ бабѣ
Рейзелъ дѣвушкой взрослой въ родное гнѣздо возвратилась.
Только веселья былого не стало въ ней. Взоръ углубился
И опечалился. Молча сидѣла она и читала
Денно и ночью, пока керосину въ лампѣ хватало.
И захотѣла старушка порадовать внучку. Изъ шкафа
Пушкина вынула Гитль. Но губы скривила въ гримасу
Рейзелъ, такъ что старухѣ обидно за Пушкина стало,
Словно обида его ей въ самое сердце кольнула.
И съ огорченіемъ Гитль поставила книгу на полку,
Рядышкомъ съ цено-урено и тхинесъ...

Еще не готовы
Были вареники Гитль, а тамъ, на плитѣ, ужъ кипѣла,
Паръ воздымая, вода, — и въ горшкѣ пузыри клонотали.
Стала вареники класть въ кипятокъ старуха — и въ клубкахъ
Пара сокрылись они...

Но заяяла Сирка, и тотчасъ
Ясно донесся до Гитль мужской разгнѣванный гольсъ.
Вышла старуха во дворъ и увидѣла тамъ почтальона.
Рейзелъ почеркъ знакомый узнала она, и вернувшись,
Съ радостно бьющимся сердцемъ конверта края разорвала,
Ближе къ окну подошла, чтобы видѣть яснѣе... Но блѣдность,
Блѣдность смертельная вдругъ лицо покрываетъ старухѣ.
Вотъ, ухватилась она за край стола, чтобъ на землю
Прямо не грохнуться тутъ же. Но вотъ — овладѣла собою,
Сѣла на стулъ и читаетъ... Строкъ десять, не болѣе, было
Въ этомъ письмѣ, но какъ много сказали старухѣ тѣ строки!

«Я арестована, жду суда въ Петропавловкѣ». Значить...
Рейзелэ, значить, въ тюрьмѣ?... О, Рейзелэ, Рейзелэ!... Боже!
Мнится старухѣ, что ближе, все ближе ужасное что-то...
Вотъ уже близко совсѣмъ — подошло, навалилось и давить.
Силь у нея не хватаетъ отъ ужаса скрыться. А мысли —
Мысли бѣгутъ, обрываясь, тускнѣютъ, мѣшаются, меркнутъ...
Сѣла старуха и смотреть невидящимъ взоромъ.

А солнце,

Теплое солнце весны, поднялось и залило свѣтомъ
Поле, и лѣсъ, и луга. И лучъ на лицѣ у старухи
Тихо играетъ; она же сидитъ неподвижно и слышитъ
Рокотъ и ропотъ воды, клочотанье, бурленье, — и видитъ
Паръ надъ горшкомъ, пузыри — и вареники въ пѣнѣ кипящей.

Перевелъ Владиславъ Ходасевичъ.

★

Х. ГРИНБЕРГЪ

БОРЪБА ЗА НАЦИОНАЛНУЮ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

★

БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

I

Является ли национальность самоудовлетворяющей цѣнностью, или же она имѣетъ для насъ значеніе исключительно въ связи или въ примѣненіи къ опредѣленнымъ явленіямъ социальной жизни? На этотъ основной вопросъ національной проблемы мы до сихъ поръ еще получаемъ два различныхъ, другъ другу противоположныхъ отвѣта. Отвѣты на этотъ вопросъ по своему существу находятся въ тѣсной зависимости отъ общаго направленія міросозерцанія и характера міроощущенія тѣхъ идеологовъ, которыхъ вопросъ занимаетъ.

Если бы мы пожелали свести всѣ духовныя теченія человѣчества на протяженіи міровой исторіи къ двумъ центральнымъ и противоположнымъ другъ другу моментамъ, то, можетъ быть, было бы не парадоксомъ сказать, что духовная жизнь человѣчества — устремленія народовъ, социальныхъ группъ и отдѣльныхъ личностей — вращаются вокругъ одного изъ слѣдующихъ двухъ моментовъ, понимаемыхъ въ ихъ наиболѣе широкомъ, обобщенномъ смыслѣ: вокругъ утилитаризма и вокругъ эротизма.

Подъ утилитаризмомъ мы понимаемъ всякаго рода духовное теченіе, которое единственнымъ критеріемъ цѣнности какого-либо человѣческаго поступка или дѣйствія признаетъ исключительно точку зрѣнія полезности, независимо отъ того, что мы подъ полезностью понимаемъ. Подъ это понятіе утилитаризма можно подводить даже и такого рода духовныя теченія, которыя рекомендуютъ человѣчеству отречься отъ цѣлага ряда матеріальныхъ благъ и эмпирическихъ выгодъ, — отъ всего того, что мы въ житейскомъ обиходѣ называемъ «полезнымъ» или «пріятнымъ». Ибо вмѣсто этой житейской полезности многіе утилитаристы выдвигаютъ полезность другого характера, хотя бы, напримѣръ, этическую полезность. Тѣ представители этики и духовнаго начала жизни, которые рекомендовали человѣчеству окончательно освободиться отъ

всего того, что его волнует и занимает въ повседневной жизни, и поставить себѣ единственной цѣлью своего существованія осуществленіе опредѣленныхъ этическихъ принциповъ (справедливости или любви), въ сущности говоря, тоже являлись утилитаристами, съ той только разницей, что они наивысшую «пользу» и человѣческое благо усматривали въ чемъ-то другомъ, чѣмъ ихъ усматривали утилитаристы матеріалистическаго направленія. Подъ эротизмомъ же мы понимаемъ такой строй человѣческихъ мыслей и чувствъ, который наиболѣе цѣннымъ въ нашей жизни признаетъ не тѣ цѣли, къ которымъ мы сознательно стремимся, изъ логическаго соображенія ихъ полезности, матеріальной или этической, а исключительно удовлетвореніе тѣхъ, порою «безцѣльныхъ» и часто «необъяснимыхъ», влеченій, — которыя заложены въ человѣка, — того эротическаго духа, который заставляетъ насъ часто стремиться къ опредѣленнымъ объектамъ, внутренняя цѣнность которыхъ или совершенно не поддается рационализациі или же поддается ей въ весьма относительной степени. Въ этой безотчетности, которая заключается во всякомъ такомъ стремленіи, и которая освобождаетъ его отъ всякой матеріальной или духовной «корысти», въ этомъ сознаниіи своего права и своей обязанности стремиться къ опредѣленнымъ объектамъ не потому, что для насъ ясна ихъ «польза» или ихъ преимущество передъ другими объектами, а потому, что существуетъ неопредѣлимая, хотя и глубоко реальная, интимная связь между стремящимися субъектами и предметомъ стремленія — въ этомъ, собственно, и заключается основной моментъ того, что мы называемъ эротизмомъ.

Эти два направленія человѣческой мысли ведутъ между собою очень интенсивную борьбу на фонѣ исторіи, то побѣждая одно другое, то существуя одновременно и вмѣстѣ въ одномъ и томъ же обществѣ, но выдвигая въ его предѣлахъ различные элементы, являющіеся носителями то одного, то другого начала. И въ зависимости отъ того или другого направленія человѣческой мысли — утилитарнаго или эротическаго — и по настоящее время даются два противоположныхъ отвѣта на поставленный нами вопросъ: есть ли національность самодовлѣющая или только относительная цѣнность?

Утилитаризмъ по самой своей природѣ склоненъ обезцѣнивать элементъ національности. Такой утилитаристъ, какъ Діогенъ, естественно, не долженъ былъ признавать націонализмъ. Не даромъ этотъ греческій циникъ, который обезцѣнивалъ все красочное, все стильное и художественное, однимъ словомъ, все «эротическое» въ

жизни, и сводить все положительно цѣнное исключительно къ осуществленію опредѣленнаго количества абстрактныхъ принциповъ, говорить о томъ, что отсутствіе отечества есть истинное счастье, не даромъ онъ себя называлъ Аполіс'омъ, человѣкомъ внѣ государства, внѣ родины и націи. Не случайность и то, что позднѣйшіе греческіе циники проповѣдывали идею «единаго стада» и «міроваго гражданства», а послѣдователи стоической школы съ ихъ прикладной моралью были самыми ревностными проповѣдниками чистаго космополитизма. Первые отцы христіанской церкви, передъ которыми стояла одна такая всеобщая и заслоняющая всѣ другіе моменты утилитарно-этическая задача, какъ водвореніе на землѣ Царствія Божія, которые стремились какъ бы обезкровить человѣка, лишить его всего стилию индивидуальнаго, именно всѣхъ тѣхъ моментовъ, которые дѣлають его «эротическимъ» существомъ, также должны были относиться съ самаго начала отрицательно къ національному моменту. Они также, подобно Діогену, были утилитаристами, людьми, которые разсматривали всю жизнь подъ угломъ зрѣнія опредѣленной «полезности», правда, особой полезности, сулившей не житейскія, матеріальныя блага, а то высшее духовное благо, которое они болѣе всего цѣнили. Не даромъ и такой моралистъ, какъ Толстой, стремившійся втеченіе всей своей литературной дѣятельности послѣдняго періода, также какъ и его родоначальники по духу, отцы и основатели христіанской церкви — къ тому, чтобы обезкровить человѣка и лишить его той именно эмоціональной сферы, которая дѣлаеть его носителемъ эротическихъ устремленій, относился отрицательно къ національному моменту. Въ конечномъ счетѣ, онъ также былъ утилитаристомъ и, поскольку онъ былъ таковымъ, ему была чужда эротическая природа націонализма. Утилитаристы другого, не этического, а матеріалистическаго направленія (я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, идеологовъ социалистическаго движенія), также должны были, по крайней мѣрѣ, въ первый періодъ своего развитія, относиться отрицательно къ національному моменту. Для людей, которые, подобно отцамъ церкви, подобно Толстому, подобно Діогену, также исповѣдывали опредѣленную точку зрѣнія полезности, усматривая всю цѣнность жизни въ удовлетвореніи опредѣленнаго круга матеріальныхъ потребностей, долженъ былъ долгое время быть не пріемлемымъ моментъ національности, который въ сущности, таитъ въ себѣ, главнымъ образомъ, разрѣшеніе извѣстнаго круга эротическихъ устремленій. Этимъ именно утилитаризмомъ и объясняется глубоко отрицательное отношеніе

основателей социалистического движения в Европѣ къ національному вопросу; этимъ объясняется ихъ пренебреженіе къ вопросу національной культуры и даже къ вопросу о политической самостоятельности малыхъ націй. Правда, жизнь вполнѣ заставила и представителей социализма пересмотрѣть свое отношеніе къ національному вопросу, и многіе изъ нихъ должны были потомъ признать національное движеніе, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ исторіи человѣчества. Но и теперь большинство идеологовъ социализма въ своемъ признаніи важности національнаго вопроса исходятъ, главнымъ образомъ, изъ необходимости разгрузить классовую борьбу отъ всего того, что мѣшаетъ ея свободному и беспрепятственному развитію, изъ желательности освободить борьбу восходящаго класса съ господствующимъ классомъ отъ тѣхъ національныхъ треній, которыя часто врываюся въ эту борьбу, затемняя классовое самосознаніе и мѣшая идеѣ борьбы за созданіе новыхъ условій человѣческой жизни выкристаллизоваться съ достаточной рельефностью. Они поэтому готовы разрѣшить цѣлый рядъ острыхъ національныхъ вопросовъ, не во имя осуществленій той или другой національной идеи, представляющей собою самоудовлетворяющую цѣнность, а исключительно потому, что въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ они усматриваютъ средство для облегченія процесса классовой борьбы. Второе соображеніе, изъ котораго исходятъ въ настоящее время большинство идеологовъ социализма въ своемъ признаніи важности національнаго вопроса, зиждится просто на абстрактномъ принципѣ человѣческой свободы. Разъ еще существуютъ на свѣтѣ опредѣленныя группы, чувствующія себя особыми-национальными индивидуальностями, то представители социалистическаго движенія не считаютъ себя нравственно и политически вправѣ санкціонировать то политическое угнетеніе, которому эти національности подвергаются. Въ данномъ случаѣ они относятся къ национализму съ тѣмъ же нейтралитетомъ, съ которымъ они относятся къ вопросамъ религіи и вѣры: разъ есть люди, которые имѣютъ опредѣленныя религіозныя потребности, то, независимо отъ нашего отношенія къ этимъ потребностямъ, государство должно обезпечить возможность ихъ удовлетворенія.

Такое отрицательное отношеніе со стороны социалистическаго движенія къ национализму вполнѣ соответствуетъ духу движенія, въ которомъ участвуетъ классъ, восходящій въ настоящее время по социальной лѣстницѣ. Всякая восходящая социальная группа, которая должна еще завоевывать себѣ мѣсто и приобрѣсти опредѣлен-

ную почву под ногами, обязательно обречена, на первых порах своего развития, на утилитарно — рационалистическое настроение. Необходимость борьбы и концентрации воли на единой точке, необходимость устранить со своего пути все то, что способно отвлечь внимание и энергию от исполнения центральной задачи, стоящей перед такой социальной группой, неизбежно заставляет ее и ее идеологов в течение первого периода своей деятельности и борьбы игнорировать все то, что не укладывается в резко-ограниченные рамки той задачи, которая стоит перед ней. Но с течением времени восходящая социальная группа, все больше и больше укрепляя свою позицию в социальной жизни, приобретает более твердую почву под своими ногами, начиная уже несколько отдыхать от первых этапов тяжелой и всеохватившей ее борьбы, становится все больше и больше восприимчивой к пониманию ценности таких моментов, которые она в первый период своего развития совершенно игнорировала. Чем тверже и устойчивей становится социальная позиция восходящего класса, чем больше материальной и духовной «роскоши» он может себе позволить, чем сильнее и чем, следовательно, богаче он становится в духовном отношении, приближаясь к тем благам культуры, которые до того времени были ему не доступны, чем культурнее, и, следовательно, индивидуалистичнее он становится — тем больше расширяется та база, на которой и в его среде начинают развиваться те или иные устремления эротического характера. И чем шире то место, которое этого рода стремления занимают в жизни восходящего класса, тем восприимчивее он становится к национальной идее в ее чистом, самодовлеющем виде. То же самое должно будет произойти и с тем восходящим классом, свидетелем развития которого мы являемся в настоящее время. Симптомы коренного перелома в отношении социалистического движения к национальной проблеме мы уже видим за последние годы. Достаточно только вспомнить таких выдающихся идеологов западного социализма, как Ферри и Пернерсторфер, которые уже стали напоминать своим единомышленникам о том, что коллективизм желает более высокого развития человечества, и что, так как человечество живет в национальных формах, то коллективизм, естественно, *должен желать* существования свободных, самостоятельных и самосознательных наций. Особенно ярко эти симптомы проявились в одной из речей покойного Жореса, в которой он указал на то, что личности с их характерными штрихами и своеобразием не

только не смѣшаются и не уничтожаются въ будущей социалистической организаціи, но что эти личности — какъ индивидуальныя, такъ и коллективныя въ видѣ національностей и народовъ — въ будущемъ социальномъ строѣ должны будутъ только пріобрѣсти широкой просторъ для своего индивидуальнаго развитія. Изъ этого прогноза апостолъ социализма умозаключаетъ, что «нашей обязанностью въ настоящее время является сохранить для того счастливаго будущаго всё тѣ коллективныя индивидуальности, которыя существуютъ въ настоящее время, дабы онѣ въ послѣдствіи получили возможность полного и мощнаго развитія».

Такимъ образомъ, съ усиленіемъ индивидуальных и, такъ сказать, «эротическихъ» запросовъ человечества должно будетъ установиться положительное отношеніе къ національности въ качествѣ самодовлѣющей цѣнности, должно будетъ углубиться сознаніе великой цѣнности національнаго я.

II

Что же такое представляетъ собою это національное я?

На этотъ вопросъ мы также встрѣчаемся съ двумя различными, другъ другу противоположными отвѣтами, изъ которыхъ, собственно, и вытекаютъ два различныхъ пониманія націонализма.

Одно воззрѣніе разсматриваетъ національное я, какъ нѣчто разъ навсегда данное и фиксированное. Это воззрѣніе, въ своей основѣ восходящее еще къ Гегелю, разсматриваетъ національный духъ, какъ нѣчто постоянное, существующее само по себѣ и само въ себѣ, независимо отъ тѣхъ или другихъ историческихъ измѣненій или наслоеній. Представители этого воззрѣнія возвели національный духъ, національное я, въ какое то независимое отъ нашей эмпирической жизни метафизическое существо. Съ такимъ же спиритуалистическимъ толкованіемъ понятія національнаго я мы встрѣчаемся у многихъ русскихъ славянофиловъ, находившихся подъ влияніемъ гегельянства и стремившихся зафиксировать сущность русскаго національнаго я, свести его къ опредѣленной, извѣстной, неизблемой схемѣ чертъ и особенностей. Лучшіе славянофилы стремились доказать, что есть цѣлый рядъ культурныхъ цѣнностей, которыя совершенно не могутъ развиваться на русской почвѣ, органически противорѣча русскому національному я, что, наоборотъ, русское національное я, заключаетъ въ себѣ такое духовное содер-

жаніе, которое не можетъ быть заимствовано какимъ-либо другимъ западнымъ народомъ. Это метафизическое воззрѣніе, считающее культурныя судьбы каждой націи какъ бы предрѣшенными, стараетсяъ уложить національный духъ каждаго народа въ рамки одной определенной формулы, вѣря, что такая формула дѣйствительно способна опредѣлять собою грани, за которыя національное «я» не переступаетъ.

Въ еврейской литературѣ отраженія такого воззрѣнія на сущность національнаго я наиболее рельефно проявляются въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Ахадъ-Гаама, стремящагося свести еврейское національное я къ определенной суммѣ философскихъ истинъ и установить, что виѣ исповѣданія и виѣ осуществленія этихъ истинъ нѣтъ еврейской національности, и что, если современное живое, конкретное еврейство отречется отъ той или другой изъ этихъ истинъ, оно этимъ самымъ лишится своего еврейскаго характера. Это безусловно консервативное по своимъ тенденціямъ воззрѣніе считаетъ, что въ извѣстный періодъ своего историческаго развитія народъ создалъ определенный характеръ для своей національной культуры, который, ставши какъ бы неприкосновеннымъ, не можетъ и не долженъ уже быть измѣняемъ во всемъ дальнѣйшемъ процессѣ историческаго развитія народа. Къ представителямъ этого же воззрѣнія относятся и тѣ метафизическіе идеологи, которые пытались и пытаются установить принципъ раздѣленія труда между различными національностями въ томъ смыслѣ, что каждая національность является какъ бы «спеціалистомъ» въ определенной области матеріальной или духовной культуры, и что предопределенная для своей «спеціальности» та или другая нація лишена уже органической возможности проявлять свое творчество въ какой-либо изъ другихъ областей культуры, являющихся спеціальностями другихъ народовъ. Это тѣ именно идеологи, которые пытались отдать римлянамъ талантъ государственнаго строительства, грекамъ чисто пластическія дарованія, евреямъ чувство справедливости, нѣмцамъ способность стройно-логическаго философскаго мышленія и т. д., «обрекая» каждую націю на определенную «миссію», отъ которой она не вольна отказаться, теоретически закрывая каждому народу возможность проникновенія въ «непринадлежащую» ему область.

Въ противовѣсъ этимъ духовно-порабощающимъ теоріямъ все болѣе и болѣе кристаллизуется во всей своей реальности и соответствіи истинному процессу историческаго развитія другое воззрѣніе, согласно которому нація есть не группа людей съ разъ навсегда застывшимъ культурнымъ и психологическимъ обликомъ, а живой

соціальный организмъ, находящійся въ процессъ непрерывнаго становленія, причемъ характеръ этого становленія всегда опредѣляется въ большей или меньшей степени и всей той суммой культурныхъ и психологическихъ накопленій, которыя образовались у народа на его прошлыхъ историческихъ путяхъ. Національное я, согласно этому воззрѣнію, не поддается точной логической формулировкѣ. Современная наука не знаетъ еще той соціальной или психологической химіи, съ помощью которой намъ удалось бы разложить національную психику на ея составные элементы, подвергнуть ее количественному анализу. То, что мы называемъ національнымъ духомъ или національнымъ я, есть нѣчто неформулируемое, нѣчто неуловимое во всей своей жизненной реальности, и какъ бы мы ни стремились опредѣлить какой-нибудь сложной или упрощенной формулой характеръ того или иного народа, намъ это никогда не удастся. Существуетъ, напримѣръ, представленіе о нѣмецкомъ народѣ, какъ о народѣ мечтателей и философовъ, и представленіе это опирается на тотъ фактъ, что этотъ народъ выдвинулъ изъ своей среды наиболѣе мощныхъ мыслителей Европы и наиболѣе мечтательныхъ романтическихъ поэтовъ. Но соответствуетъ-ли такое опредѣленіе цѣлому ряду другихъ впечатлѣній, которыя мы получаемъ отъ непосредственной жизнедѣятельности нѣмецкаго народа, въ которой мы наблюдаемъ столь же рельефное проявленіе практическаго и утилитарнаго духа, порою заслоняющаго для насъ склонность нѣмцевъ къ грезамъ и абстракціямъ. Существуетъ представленіе объ англійскомъ народѣ, какъ о народѣ съ ярко выраженными утилитаристическими чертами, но этотъ же самый ультра-практичный народъ знаетъ о такомъ количествѣ религиозныхъ сектъ, каковаго мы не встрѣчаемъ почти ни у одного народа въ Европѣ. Англійскій народъ считаютъ народомъ побѣдителей, народомъ путешественниковъ, покорителей морей, эмигрантовъ, туристовъ и колонизаторовъ, его принято считать самымъ подвижнымъ народомъ, совершенно не прикрѣпленнымъ къ своей землѣ и родинѣ, но ни у одного народа въ мірѣ мы не видимъ такой убѣжденной любви и глубокаго піетета къ своему семейному очагу, какую мы наблюдаемъ у средняго англличанина. Съ какой бы характеристикой мы ни подходили къ тому или иному народу, мы всегда рискуемъ натолкнуться на различнаго рода внутреннія противорѣчія и контрасты, и никогда мы не бываемъ въ состояніи образовать такую формулу, которая ясно и болѣе или менѣе точно очертила бы психологическія грани между одной націей и другой. И все же эти грани — неуловимыя, невы-

разимья, неподдающаяся фиксации — реальны, как сама жизнь этих народов, как сама существующая между ними несомненная «разность». Все то, что мы называем национальными особенностями, национальным духом или национальным я, не есть нечто постоянное, на всю историческую жизнь определенное; одни и те же элементы могут быть составными частями психологии любого народа, но комбинации, сочетания этих элементов, пропорциональное соотношение между ними, степень противоположности и несоответствия между одними и другими элементами в национальной психике — эти именно нюансы и неуловимые оттенки и создают то, что мы называем национальной душой и национальным я. Национальное я есть, таким образом, определенная система таких элементов, которые сами по себе общечеловечны, универсальны и, так сказать «нейтральны» в национальном отношении, причема сама эта система может значительно изменяться в процессе исторического развития народа, вбирая в себя новые элементы, подчеркивая и затушевывая в себе то одно, то другое начало. Но при всех своих изменениях — какими бы существенными и даже коренными они ни были — эта система, при известных условиях, может сохранить все свое национальное своеобразие. При этом, единственно приемлемом понимании национального «я», над *итогами* исторической жизни нации возвышаются ся неограниченные и неопределимые *потенции*. Нормальная национальная жизнь и есть разряжение этих потенций, а действительные национальные идеалы являются ничем иным, как стремлением к освобождению процесса разряжения от всего того, что способно ему препятствовать. Наличие и роль потенциального начала в природе национальности и служат базой, на которой зиждется то непрерывное национальное *становление*, которое мы противопоставляем так называемой национальной *сущности*. И если еще может быть речь о формулировке такой *сущности* по отношению к нации, уже окончательно исчерпавшей все свои потенциальные возможности, т.е. уже прекратившей свое существование, то совершенно уже неосновательно делать какие-нибудь обязательные выводы из национальной «субстанции» живого народа, потенции которого таят в себе столь много нового и противоречивого, столь много неизведанного и неожиданного для него самого. В этом смысле гораздо более соответствует истине то течение, которое, в различных вариациях, воплощается у нас, в противовес ахадь-гаамизму, в произведениях Бердяевского, с одной стороны, и Бубера с дру-

гой стороны. Какъ для Бердичевского, не видящаго ничего существенно дисгармонирующаго въ перенесеніи нитцшеанской морали на еврейскую почву, такъ и для Бубера, интуитивно постигающаго въ нашей прошлой культурѣ элементы «подпольнаго» иудаизма, значительно противорѣчащаго тому официальному, канонизированному иудаизму, который Ахадъ-Гаамъ считаетъ основой еврейскаго націонализма, — еврейское національное «я» не укладывается ни въ какую схему.

Еврейское національное я есть для нихъ та сила, которая каждому акту еврейской жизнедѣятельности и каждому моменту культурнаго заимствованія придаетъ свой еврейскій отпечатокъ, причѣмъ сущность и содержаніе культурной жизни, идеаловъ, нормъ, принциповъ, цѣнностей этическихъ, философскихъ и религіозныхъ могутъ мѣняться въ историческомъ процессѣ жизни народа, совершенно не уничтожая еврейскаго національнаго я. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно убѣдительно та разница, которую Бердичевскій проводитъ между эпохой перваго храма и эпохой втораго храма. На основаніи сопоставленія этихъ двухъ эпохъ, Бердичевскій ставитъ вопросъ: что является болѣе типичнымъ и характернымъ для еврейскаго національнаго я — та ли ширь красочной земной жизни, которую мы видимъ въ эпоху перваго храма съ ея почти языческимъ бытомъ палестинскаго еврейства или же тотъ аскетизмъ, который развивался въ еврействѣ въ послѣдній періодъ его жизни въ Палестинѣ, въ эпоху втораго храма? Гдѣ намъ искать подлинное проявленіе еврейскаго національнаго я; въ красотахъ Библии съ ея гармоніей и ритмичностью, уживающимися въ ней съ пламенемъ высочайшаго паоса человѣческой души или же въ Талмудѣ, угасившемъ пламень еврейскаго сердца и положившемъ начало его порабощенію? Не смотря на столь существенныя различія, какія существуютъ между культурами двухъ болѣе замѣчательныхъ эпохъ еврейской исторіи, Бердичевскій, по справедливости, считаетъ, что еврейское національное я одинаково сказалось въ духовной жизни обѣихъ эпохъ. Ибо «духъ» какой либо націи опредѣляется не сущностью и содержаніемъ, а той своеобразной формой, въ которую нація облакаетъ свои культурныя переживанія и творчество. Нація есть пигментирующій организмъ и, творя свою жизнь, въ томъ случаѣ, когда послѣдняя не насилуется волей какого-либо другаго народа, — она, даже заимствуя чужія культурныя цѣнности, не теряетъ этимъ своей индивидуальности, а, наоборотъ, еще болѣе обогащаетъ ее, ибо, заимствуя элементы чужой культуры, свобод-

ная нація придаєть їмъ свой своеобразный отпечатокъ, гармонируя ихъ со своими особенностями, придавая їмъ характеръ своего національнаго своеобразія. Не подлежить никакому сомнѣнію, что, если бы встрѣча между еврейской культурой и эллинизмомъ въ древности произошла при другихъ политическихъ условияхъ, если бы эллинизмъ не навязывался силой оружія сирійско-греческимъ населеніемъ палестинскому еврейству — если бы еврейская культура встрѣтилась съ эллинизмомъ въ мирномъ соревнованіи неостязаніи — то палестинское еврейство вобрало бы въ себя много цѣннаго изъ древней эллинской культуры, которая растворилась бы въслѣдствіи въ еврейской культурѣ и получила бы національный характеръ. Въ томъ-то и заключается основная сущность націи, что она — не сущность, а форма, окраска и стиль. Содержаніе болѣе тяготеетъ къ универсальному, форма — къ національному, подобно тому, какъ логика тяготеетъ къ всечеловѣческому, психологія — къ народному, наука — къ всеобщности, искусство — къ индивидуальности. Национальнымъ мы поэтому вправѣ называть все то, что нація проявляетъ въ своей жизнедѣятельности по собственной ницѣмъ и ничѣмъ нестѣсняемой волѣ. Изъ такого пониманія «національнаго» вытекаетъ и совершенно другое пониманіе націонализма, который, въ противоположность мертвящему, безусловно реакціонному націонализму, всецѣло опирающемуся на фиксированные итоги національной культуры, не ставитъ никакихъ преградъ къ дальнѣйшему развитію народа, предоставляетъ народу право непосредственно реагировать на весь окружающій міръ, замѣтывать при этомъ какія угодно культурныя цѣнности у какого угодно народа, откликаться живымъ сердцемъ на всѣ явленія и теченія вселенской жизни. И этотъ именно раскрѣпощающій націонализмъ, открывающій неизмѣримо широкій просторъ для развитія народа, не втискивающій его духа въ тѣ или другія рамки — философскія, религіозныя или этическія — положень, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, въ основу сіонистскаго движенія. Съ этой точки зрѣнія мы имѣли бы право формулировать сущность сіонизма слѣдующимъ образомъ: *сіонизмъ стремится къ превращенію еврейскаго народа въ свободную, ницѣмъ и ничѣмъ нестѣсняемую въ проясленіи и развитіи коллективную индивидуальность*. Ибо сіонизмъ стремится не къ сохраненію еврейства въ томъ видѣ, въ которомъ оно застыло на опредѣленной точкѣ своего развитія, а къ свободному разряженію въ процессѣ дальнѣйшаго развитія его неисчерпаемыхъ и неподдающихся фиксации потенциальныхъ силъ.

III

За послѣдніе годы сіонизму противопоставляется другое національное движеніе въ еврействѣ, также какъ и сіонизмъ, общающее препращеніе еврейства въ свободную индивидуальность, но безъ необходимаго съ точки зрѣнія сіонизма условія — безъ территоріальной концентрации. Это то автономистское движеніе въ еврействѣ, которое разбилось уже за послѣднія нѣсколько лѣтъ на цѣлый рядъ теченій, опирающихся, главнымъ образомъ, на принципъ персональной автономіи. Къ разбору цѣнности этого принципа мы теперь и должны будемъ перейти для выясненія того, насколько дѣйствительно національно-персональная автономія способна разрѣшить національную проблему меньшинства въ томъ ея широкомъ смыслѣ, въ которомъ мы ее до сихъ поръ трактовали.

Основной грѣхъ сторонниковъ національно-персональной автономіи состоитъ въ томъ, что они смѣшиваютъ социологической вопросъ съ вопросомъ государственнаго права. Въ сущности говоря, принципъ персональной автономіи есть ни болѣе ни менѣе, какъ своего рода декларация государства, заявляющаго, что оно ничего не имѣетъ противъ свободнаго и самаго широкаго развитія той или другой входящей въ его составъ національности, что оно готово — постольку, поскольку это зависитъ отъ органовъ управленія — предоставить каждой націи правовую возможность проявленія своего я. Но этотъ моментъ государственнаго права, который имѣетъ свою очень продолжительную исторію, особенно въ политическомъ развитіи Австро-Венгрии, совершенно не разрѣшаетъ той социологической проблемы, которая стоитъ передъ нами. Государство не можетъ, не должно, не обязано обезпечить каждой отдѣльной національности возможность развитія; государство только обязано и въ состояніи устранить съ пути каждой націи тѣ препятствія къ ея развитію, которыя вытекаютъ изъ угнетенія государственнымъ аппаратомъ. Если же поставить интересующій насъ вопросъ не на его юридическую, а на социологическую почву, то для насъ должна будетъ обнаружиться полная несостоятельность той національной теоріи, которая зиждится исключительно на принципѣ персональной автономіи.

Что собственно, представляетъ собой социальная жизнь? Если бы мы захотѣли свести всѣ тѣ силы, которыя дѣйствуютъ въ социальной жизни и образуютъ ее, къ единому знаменателю, то мы должны будемъ прийти къ заключенію, что характеръ всякой жизни есть

результат общественнаго компромисса, непрерывно проявляющагося въ повседневной жизни организованнаго населенія въ процессѣ взаимнаго подражанія. Не могло бы быть на свѣтѣ ни одного болѣе или менѣе нормально организованнаго общества безъ такого взаимнаго компромисса, безъ того, чтобы каждый индивидуумъ не отказался отъ извѣстныхъ чертъ своего я, безъ того, чтобы онъ не подражалъ цѣлому ряду другихъ индивидовъ въ предѣлахъ того общества, въ которомъ онъ живетъ.

Этотъ компромиссъ, конечно происходитъ не по взаимному сознательному уговору, а въ силу бессознательнаго инстинктивнаго стремленія людей къ совмѣстной соціальной жизни, въ которомъ и коренятся причины постояннаго, большей частью, несознаваемаго взаимнаго подражанія. Этотъ-то всеохватывающій инстинктъ взаимоподражанія обязательно долженъ втянуть въ себя и то меньшинство, которое вкраплено въ среду національнаго большинства. Этотъ водоворотъ отдѣльныхъ свойствъ и качествъ, симпатій и антипатій, вкусовъ и наклонностей, отталкиваній и притяженій, составляющихъ тѣ электрическіе токи, которые вибрируютъ среди людей, живущихъ на одной и той же территоріи, разъединяя и вновь объединяя ихъ, разрѣшаясь въ установленіи извѣстной гармоніи и равновѣсивающейся, — этотъ именно водоворотъ, являющійся процессомъ непрерывно новаго созданія соціальной жизни, въ которомъ участвуетъ большинство членовъ организованнаго общества — обязательно долженъ втянуть въ себя и то національное меньшинство, которое вкраплено въ организмъ территоріальнаго большинства. Национальное меньшинство, живущее на чужбинѣ, участвуетъ въ сравнительно ничтожной степени въ этомъ соціальномъ компромиссѣ лишь въ томъ случаѣ, если оно обречено на изолированную, порабощенную жизнь, если оно лишено элементарныхъ человѣческихъ правъ, если для него закрытъ цѣлый рядъ отраслей труда и хозяйственной дѣятельности. Национальное же меньшинство, не изолированное отъ большинства искусственными правовыми преградами и имѣющее фактическую возможность участвовать въ строительствѣ жизни всего общества, живущаго на опредѣленной территоріи, обязательно должно стать участникомъ упомянутаго процесса взаимоподражанія. Участвуя въ этомъ постоянномъ, изо дня въ день повторяющемся, взаимномъ компромиссѣ, національное меньшинство, само собою понятно, привноситъ въ этотъ процессъ соціальной жизни элементы своей индивидуальности, но эти послѣдніе, хотя бы уже въ силу ихъ количественной незначительности,

обречены на стихійное подавленіе тѣми количественно многочисленными элементами, которые привносятся территоріальнымъ большинствомъ.

Тардъ правъ, когда онъ разсматриваетъ социальнаго человѣка, какъ сомнамбулу, какъ существо, поддающееся неотвратимому гипнозу со стороны большинства его окружающихъ. Въ этой гипнотической силы, которая живетъ въ насъ и вокругъ насъ, которой насыщена вся атмосфера социальной жизни, было бы не мыслимо созданіе какого бы то ни было человѣческаго общества, и этотъ взаимный гипнотизмъ, который образуетъ ежедневно социальную жизнь, обязательно долженъ вести къ обезличиванію того національнаго я, носителемъ котораго является территоріальное меньшинство. Чѣмъ значительнѣе большинство, и чѣмъ незначительнѣе меньшинство, тѣмъ болѣе послѣднее подвержено ассимиляціи, ибо тѣмъ болѣе гипнотизирующихъ моментовъ вытекаеть изъ жизни большинства и тѣмъ глубже, съ другой стороны, эти моменты развиваютъ въ національномъ меньшинствѣ способность и готовность подчиняться гипнотизирующимъ силамъ большинства.

Въ своей борьбѣ противъ ассимилирующаго вліянія большинства національное меньшинство часто пытается черпать силы изъ фонда гипнотическихъ вліяній своего прошлаго. У каждаго народа имѣются опредѣленныя залежи гипнотическихъ вліяній прошлаго, вѣковыя залежи, заключающіяся въ его языкѣ, въ его быту, въ его культурѣ, преданіяхъ и воспоминаніяхъ. Значительная часть этихъ залежей хранится также въ фондѣ инстинктовъ, «въ крови», въ цѣломъ рядѣ чисто біологическихъ особенностей, консервирующихъ въ себѣ психическіе элементы. Эти силы прошлаго народъ дѣйствительно можетъ противопоставлять гипнозу, исходящему изъ недръ большинства. И само собой понятно, что чѣмъ богаче этотъ фондъ гипнотическихъ вліяній прошлаго у какаго-нибудь народа, чѣмъ большій историческій путь этотъ народъ продѣлалъ, чѣмъ жизненнѣй и богаче запасъ его воспоминаній, тѣмъ легче ему сопротивляться гипнотизирующему вліянію большинства, тѣмъ онъ медленнѣе поддается денационализаци и обезличиванію. Въ конечномъ же счетѣ, гипнотическія вліянія, притескающія изъ непосредственной жизни большинства, съ которымъ меньшинство приходитъ въ каждодневное соприкосновеніе, должно парализовать силу того фонда гипнотическихъ вліяній, которыя питаются, главнымъ образомъ, наслѣдствомъ прошлаго и которыя меньшинство противопоставляетъ большинству. Какъ бы богато ни было прошлое націо-

нального меньшинства, какую бы силу сопротивления это прошлое ни давало ему, оно имѣетъ лишь возможность оттянуть на болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени процессъ своей денационализаціи, но въ концѣ концовъ этотъ наслѣдственный фондъ никогда не въ состояніи сравниться по своей силѣ съ тѣми живыми бьющими фонтаномъ гипнотизирующими силами, ежедневно подвергающими своему воздѣйствію національное меньшинство, находящееся въ непосредственномъ физическомъ, матеріальномъ, духовномъ, вокальномъ и оптическомъ соприкосновеніи съ территориальнымъ большинствомъ. Національный обликъ меньшинства долженъ поэтому все болѣе и болѣе стираться, по мѣрѣ того, какъ расширяется его участіе во всѣхъ областяхъ соціальной жизни, характеръ и тонъ которой предопредѣляются и диктуются большинствомъ населенія. Въмѣсто нормальнаго разряженія національныхъ творческихъ потенцій неизбежно получается ихъ заглушеніе, подавленіе и постепенное атрофированіе

Для того, чтобы можно было сказать о какомъ-нибудь народѣ, что онъ дѣйствительно исчерпываетъ все то, что заложено въ его національное я, надо дать этому народу возможность свободно проявить свое своеобразіе въ самостоятельномъ разрѣшеніи всѣхъ тѣхъ жизненныхъ проблемъ, какія только существуютъ у человѣчества. Но если равноправное національное меньшинство участвуетъ въ разрѣшеніи этихъ жизненныхъ проблемъ въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ территориальнымъ большинствомъ, то о такой самостоятельности не можетъ быть рѣчи, ибо вкусы и стиль большинства въ самомъ расширенномъ смыслѣ этихъ словъ, его критеріи прекраснаго и непрекраснаго, удовольствія и неудовольствія, справедливости и несправедливости, властно диктуютъ свою соціологически неустрашимую гегемонію во всемъ строительствѣ жизни, гегемонію неизбежно подавляющую волю, вкусы, наклонности и стиль національнаго меньшинства.

Когда мы говоримъ о подражаніи, то это слово большей частью ассоциируется у насъ съ извѣстнымъ стремленіемъ или готовностью считать себя ниже всѣхъ другихъ; мы видимъ въ подражаніи рабство и обезьянчанье. Такой односторонній взглядъ на характеръ и источники подражанія не выдерживаетъ никакой критики, ибо подражаніе очень часто является ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ къ гармоніи, къ установленію гармоническихъ соотношеній между отдѣльными особями и отдѣльными группами, составляющими человѣческое общество, сосредоточенное на опредѣленной территоріи.

Въ силу этого естественнаго и здороваго стремленія къ гармоніи, къ возможному уменьшенію количества психологическихъ треній и диссонансовъ въ жизни общества, мы постоянно сознательно и безсознательно, замѣчаемъ ли мы это или не замѣчаемъ, хотимъ ли мы этого или не хотимъ — вовлекаемся въ процессъ подражанія. Въ этомъ процессѣ каждый изъ насъ является и субъектомъ и объектомъ подражанія; въ одно и то же время каждый изъ насъ является и гипнотизеромъ, и медиумомъ. Въ силу неискоренимаго изъ человѣческой природы стремленія къ установленію гармоническаго начала въ социальной жизни національное меньшинство вынуждается къ специфическому подражанію территориальному большинству въ области дѣйствія, мысли и чувства, творчества, и формъ его проявленія.

Обычно принято думать, что подражаетъ только слабый сильному, поработенный поработителю, но мы совершенно забываемъ, что въ силу того же неискоренимаго человѣческаго стремленія къ гармоніи, очень часто подражаетъ и угнетатель угнетаемому, господинъ своимъ рабамъ, національное меньшинство, которое приходитъ въ чужую территорию въ качествѣ порабоцающаго элемента — угнетенному національному большинству. Франки въ Галліи быстро латинизировались, несмотря на то, что они были побѣдителями; они быстро переняли и римскій языкъ, и римскіе обычаи, и всю римскую культуру. То же самое случилось и съ норманами, которые явились въ Англію въ качествѣ побѣдителей; то же случилось и съ варягами, отчасти и съ татарами, которые пришли въ Россію властными побѣдителями. Гипнотизирующая и ассимилирующая сила, естественно, оказалась тутъ на сторонѣ большинства, раство рившаго въ себѣ господствующее національное меньшинство. Въ стремленіи къ гармонизаціи жизни погнбло національное своеобразие того элемента, который, въ силу своей малочисленности, долженъ былъ болѣе всего приспособляться къ общей социальной равнодѣйствующей.

Влеченіе людей ходить нога въ ногу, одной и той же походкою констатировалось гораздо раньше, чѣмъ это было принудительно введено въ современныхъ европейскихъ арміяхъ. Въ этомъ отъ шеніи, можетъ быть, стоило бы вспомнить рядъ любопытныхъ и мѣреній, произведенныхъ представителями французской психогической школы и показавшихъ, что люди, живущіе въ одномъ и томъ же городѣ продолжительное время, имѣютъ приблизительно одну и ту же походку, одну и ту же среднюю скорость ходьбы, хотя никакой внѣшней власти, которая вынуждала бы ихъ къ так-

взаимоприспособленію. Тутъ опять проявляется та же сила, о которой мы говорили раньше — стремленіе къ ритмичности и гармоніи, которое сознательно, бессознательно и подсознательно выливается въ подражаніи. И само собою понятно, что тамъ, гдѣ происходитъ взаимное подражаніе, скорѣе всего и легче всего обезличивается тотъ социальный элементъ, члены котораго, въ силу ихъ малочисленности, являются, если можно такъ выразиться, въ гораздо большей степени «медумамми», чѣмъ «гипнотизерами».

Нѣкоторые психологи пытались установить опредѣленные различія между логикой различныхъ народовъ; они стремились доказать, что у каждаго народа имѣются свои методы логическаго мышленія. Если даже не присоединиться къ такимъ крайнимъ выводамъ, какіе сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Густавъ Лебонъ, утверждавшій, напримѣръ, что англичане мыслятъ дедуктивно, а французы индуктивно, то все же мы не можемъ отрицать, что хотя и существуютъ одна только, общая для всего чловѣчества, логика съ ея универсальными законами, никто изъ насъ не мыслитъ по всей строгости и точности этихъ законовъ, и каждый изъ насъ обнаруживаетъ извѣстныя отклоненія отъ теоретически обязательныхъ логическихъ нормъ. Въ этихъ отклоненіяхъ имѣется неисчислимое множество разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ и нюансовъ, которыми отличаются другъ отъ друга не только отдѣльные индивиды, но также и такія коллективныя индивидуальности, какими являются національности. Совмѣстное же пребываніе двухъ національностей на одной и той же территоріи, заставляющее ихъ приходить ежедневно въ непосредственное взаимное соприкосновеніе и совмѣстно разрѣшать всѣ социальныя проблемы, заставляетъ ихъ также стать другъ другу возможно болѣе понятными, свести къ возможному минимуму количество понятій и способовъ ихъ выраженія являющихся достояніемъ лишь тѣсныхъ, интимныхъ круговъ.

Необходимость же устанавливать возможно болѣе однообразныя методы логическаго мышленія, выраженія мысли и чувствъ заставляетъ всегда національное меньшинство приспособляться къ логическому укладу и логическимъ отклоненіямъ, характеризующимъ національное большинство, пока, съ теченіемъ времени, національное меньшинство лишается своихъ своеобразныхъ ходовъ, путей и методовъ логическаго мышленія. Национальное меньшинство безсилно сохранить это своеобразіе, зтотъ значительный элементъ своей индивидуальности, въ процессѣ социально вынужденнаго приспособленія. Эта же потребность во взаимномъ пониманіи для всѣхъ

людей, входящихъ въ составъ нормально организованнаго общества, ведетъ національное меньшинство и на другіе пути приспособленія и денационализаціи.

Въ интересахъ взаимнаго пониманія и соціального сотрудничества національное меньшинство вынуждено изучать языкъ окружающаго большинства, причемъ большинство обычно пользуется своимъ правомъ не знать языка вкрапленнаго въ него меньшинства. Массовое усвоеніе языка окружающаго большинства — явленіе абсолютно неизбѣжное въ прогрессивномъ обществѣ, въ которомъ меньшинство привлекается къ тѣсному сотрудничеству съ большинствомъ населенія во всѣхъ областяхъ соціальной жизни — дѣлаетъ меньшинство особенно воспримчивымъ къ ассимилирующимъ вліяніямъ.

Внутренняя жизнь большинства, естественно влекущая представителей національнаго меньшинства (ибо оно чувствуетъ, что въ ней именно ткуются тѣ нити, изъ которыхъ сплетается сложная соціальной жизни всей страны), широко раскрывается для меньшинства, усвоившаго чужой языкъ, и постепенно углубляется въ немъ стремленіе къ виѣдренію въ эту жизнь и сліянію съ ней.

Для народа, живущаго на своей территоріи, образующаго на ней большинство населенія, не составляетъ опасности виѣдреніе въ той или иной мѣрѣ во внутреннюю жизнь какаго-либо другаго народа, ибо онъ апперцепируетъ все заимствуемое имъ отъ чужой культуры; приспособляясь къ тѣмъ или инымъ изъ ея элементовъ, онъ одновременно и приспособляетъ ихъ къ себѣ, переплавляя ихъ въ своемъ горнилѣ, амальгамируя ихъ со всѣмъ своимъ духовнымъ достояніемъ. Для народа же, живущаго на чужбинѣ въ меньшинствѣ, со стороны чужой культуры существуетъ реальная опасность, ибо онъ находитъ въ тѣсномъ общеніи съ живыми носителями этой культуры, вмѣстѣ съ ея существенными элементами онъ постепенно усваиваетъ отъ непосредственныхъ объектовъ подражанія и способы воспріятіи этихъ элементовъ, теряя, такимъ образомъ, то, что есть наиболѣе цѣннаго и жизненнаго въ природѣ національности — собственное индивидуальное *міроощущеніе*.

Мы отыскиваемъ элементы національно-еврейскаго въ творчествѣ ассимилированныхъ евреевъ; мы радуемся, когда мы чуемъ въ произведеніяхъ Гейне и Берне отзвуки еврейскихъ вліяній; не лестно, когда кто-нибудь открываетъ намъ въ произведеніяхъ топольскаго далека отраженія пророческихъ идеаловъ, въ Маркиса и Лассалѣ — преломленія мессіанскихъ вождельній древняго рейства, а въ Левитахъ — отблески «типичной еврейской скор

Мы видимъ въ этомъ утѣшающее доказательство неискренности и неувыдаемости нашего національнаго «я». Но мы при этомъ забываемъ о томъ, что въ нашей національной культурѣ, которая творится во имя національнаго еврейства, уже проявляютъ свое дѣйствіе денационализирующіе, психически ассимилирующіе элементы. Мы, большей частью, совершенно не замѣчаемъ, что, напримѣръ, въ современной художественной еврейской литературѣ преобладаетъ уже средне-русскій пейзажъ, знакомый намъ по Тургеневу, Горькому, Чехову и Бунину, въ тѣхъ же почти формахъ воспріятія, въ какихъ мы его встрѣчаемъ у нихъ. Безсознательно сохраняя въ своей сознательной ассимиляціи извѣстныя черты нашего національнаго «я», мы оставаясь въ еврействѣ, во имя еврейства, сами не замѣчая, въ то же время, теряемъ элементы нашей національной индивидуальности, все болѣе и болѣе подчиняя свое міровоспріятіе міровоспріятію тѣхъ, что «наполняютъ собою землю» и насыщаютъ собою, своимъ духомъ, вліяніями и излученіями всю атмосферу жизни, которой мы дышемъ и не можемъ не дышать вмѣстѣ съ ними. Всякая страна есть своего рода «сосудъ», въ который вливается определенное содержаніе національнаго духа, проникающаго собою всю жизнь страны и овеществляющаго себя въ ней. Стремленіе же національнаго меньшинства вселять свой духъ въ уже наполненный «сосудъ» наталкивается на ревнивое сопротивленіе, благодаря которому оно все болѣе ослабѣваетъ, становится рыхлѣе, податливѣе и худосочнѣе. И какъ бы ни было сильно такое стремленіе въ отдѣльные моменты своего проявленія, оно всегда слабѣе того закона гармоніи, которому социальная жизнь не можетъ не подчиняться.

Въ жизни каждаго національнаго меньшинства, въ силу всего вышесказаннаго, дѣйствуютъ двѣ различныя, противоположныя силы: сила центробѣжная и сила центростремительная. Потребность въ гармонизаціи жизни заставляетъ, съ одной стороны, національное меньшинство стремиться къ сліянію съ окружающимъ большинствомъ; съ другой стороны, фондъ инстинктовъ и историческихъ накопленій, продолжающій питать его волю къ существованію, заставляетъ его сознательно отмежевываться отъ большинства, обособляться отъ него, воздвигать спеціальныя преграды и плотины, которыя не давали бы національному большинству окончательно поглотить его. Отблески собственнаго національнаго бытія ведутъ то открытую, то скрытую борьбу съ яркимъ свѣтомъ чужого, но подлинно жизненнаго, полновѣснаго національнаго бытія; прошлое борется съ настоящимъ и таящимися въ немъ зачатіями будущаго;

мертвые предки как бы состязаются съ чужими, но физически близкими, живыми современниками. И въ борьбѣ между такими двумя объективно неравными, но упорно неуступчивыми силами, изъ которыхъ каждая избираетъ себѣ опредѣленный періодъ въ исторической жизни народа, которая иногда дѣйствуютъ и одновременно, въ одну и ту же эпоху, проявляясь въ ослабляющихъ другъ друга тенденціяхъ и тяготѣніяхъ различныхъ элементовъ народа — въ этой борьбѣ между двумя взаимоисключающими началами протекаетъ внутренняя жизнь національнаго меньшинства. Влекумая двумя магнитами, вѣчно раздраемая не только разстояніемъ между стремленіемъ и его осуществленіемъ, но и глубокими противорѣчіями въ самихъ своихъ стремленіяхъ и непримиримыхъ другъ съ другомъ тяготѣніяхъ, эта жизнь лишена той устойчивости и того внутренняго равновѣсія, которые такъ важны для нормальныхъ культурныхъ накопленій, для роста и развитія большихъ социальныхъ массъ. Национальное чувство миноритарной націи тяготѣетъ то къ атрофіи, то къ гипертрофіи. Въ томъ и въ другомъ случаѣ это связано съ большой напряженностью воли, сознанія, вниманія, — съ затратой интеллектуальной и эмоціональной энергіи не на непосредственное, положительное творчество, а на цѣлый рядъ *актовъ преодоленія*, — то на преодоленіе ассимилирующихъ вліяній, то на преодоленіе воли къ утвержденію собственнаго я. Наиболѣе цѣнныя въ творческомъ отношеніи области безсознательнаго и подсознательнаго обречены при этомъ на систематическое оскудѣваніе за счетъ все болѣе изодряющагося черстваго сознанія, иссушивающаго своимъ дыханіемъ лучшіе соки творческаго воображенія. Какъ анестезія національнаго чувства, такъ и его гиперестезія, — какъ одинъ, такъ и другой изъ тѣхъ двухъ полярныхъ процессовъ, къ которымъ тяготѣетъ жизнь миноритарной націи, не проходятъ для послѣдней безнаказанно. Благодаря постоянному контролю бдительнаго сознанія, приходящаго на помощь и охранительному, консервирующему национализму, и ассимиляціонному процессу внѣдренія въ чужую національную жизнь, элементы «безотчетнаго» все болѣе исчезаютъ изъ жизни національнаго меньшинства, и послѣднее становится все менѣе и менѣе «наивнымъ» и «искреннимъ», все менѣе оригинальнымъ, все менѣе творческимъ. Надъ будущностью национальныхъ меньшинствъ рѣшетъ неотвратимый рокъ исторіи: какъ бы ни была сильна власть тѣхъ «мертвыхъ», которые повелѣваютъ своимъ потомкамъ продолжать въ себѣ ихъ жизнь, власть живыхъ должна раньше или позже взять то, что принадлежитъ ей по ея

естественному, неотъемлемому праву. Чело миноритарной націи «отмѣчено перстомъ», ея жизнь есть долгое угасаніе, которое не можетъ не закончиться тѣмъ, чѣмъ кончается всякое угасаніе въ нашемъ мірѣ. Въ этой національной агоніи могутъ, конечно, по временамъ вспыхивать отдѣльные яркіе огоньки; лихорадочное цѣплинѣе за ускользающую жизнь можетъ порою озарить глаза обреченной націи особымъ, имѣющимъ свою неоспоримую прелесть, обманчиво-обѣщающимъ блескомъ. Но какъ бы ярки ни были отдѣльными моментами такіа багряннаа озаренія національной жизни, они способны лишь отдалить часъ кончины, но отнюдь не пердотвертять его. Такова неминуемая участь всякой миноритарной націи, какъ бы благопріятны ни были общесоціальныя условія ея существованія и какими бы широкими персонально-автономными правами она ни была надѣлена: соціологическія неизбѣжности всегда сильнѣе самыхъ широкихъ правовыхъ возможностей...

IV

При свѣтѣ всего вышесказаннаго становится понятнымъ, почему сіонизмъ возникъ лишь въ наше время, а не въ средневѣковомъ гетто и не въ доэмансипаціонную эпоху нашей новой исторіи, которая вся еще была проникнута духомъ гетто.

Гетто не могло родить сіонистскаго движенія, ибо самымъ фактомъ своего существованія оно заслоняло наиболѣе существенныя стороны голуса. Для кристаллизаціи всякаго общественнаго идеала требуется возможно большее обнаженіе отрицательныхъ сторонъ того «сушаго», которому идеаль противопоставляетъ свое «должное». Для кристаллизаціи сіонистскаго идеала необходимо было обнаженіе голуса, межъ тѣмъ, какъ гетто заволакивало голусъ и какъ бы скрадивало своими таинственными покрывалами его наиболѣе уродливыя черты. Еврейство гетто, при всей своей приниженности, чувствовало себя въ извѣстномъ смыслѣ самостоятельной націей. Гетто было суррогатомъ территоріи, можно даже сказать, суррогатомъ еврейской государственности, и у его обитателей, не входившихъ почти ни въ какое соприкосновеніе съ окружающимъ нееврейскимъ міромъ, должно было создаться иллюзорное представленіе о своей національной самостоятельности. Религія, на почвѣ которой былъ вычеканенъ еврейскій бытъ и весь жизненный укладъ гетто, была чѣмъ-то большимъ, чѣмъ религія, если подь послѣдней пони-

мать только извѣстную сумму догматовъ и символизирующихъ ихъ обрядовъ. Еврейская религія въ средневѣковомъ гетто, регламентировавшая почти всѣ стороны и области внутренней національной жизни, была основой цѣлостной, національной стихіи; пользуясь своимъ исключительнымъ авторитетомъ и диктуя формы осуществленія еврейскаго соціального и индивидуальнаго блага, она фактически такъ же отграничивала еврейство, какъ это дѣлается по отношенію къ другимъ народамъ территорія или государство. Благодаря ей, еврейство было внутренне объединено не только и не столько общимъ міросозерцаніемъ, сколько общимъ міроощущеніемъ, общими формами воспріятія всего окружающаго міра. При такомъ положеніи вещей у еврейства гетто не могло быть той жадности національнаго освобожденія, которая могла возникнуть лишь впоследствии, когда стали открываться грозныя для національнаго существованія пропасти голуса. Ибо гетто дѣйствительно было въ извѣстныхъ отношеніяхъ, какъ остроумно выразился одинъ западный еврейскій писатель, чѣмъ-то вродѣ отдѣльнаго государства, находившагося, въ «вассальныхъ» отношеніяхъ къ окружающимъ народамъ и государствамъ. Между евреями и нееврейскимъ населеніемъ существовали извѣстныя отношенія на почвѣ своеобразной координаціи въ разрѣшеніи ряда хозяйственныхъ задачъ, но эти отношенія по своему характеру приближались къ тому, что у насъ принято называть «международными отношеніями». Живя исключительно въ своей средѣ, говоря преимущественно, если не на своемъ, то, большей частью, на языкѣ, отличномъ отъ языка окружающаго населенія, рѣзко выдѣляясь своимъ собственнымъ бытомъ, своимъ укладомъ жизни, имѣя своихъ раввиновъ и даяновъ, которые были не только духовниками, но и исполнителями гражданскихъ и даже судейскихъ функцій, еврейство, лишенное, въ силу своего правового и общесоціального положенія, точекъ соприкосновенія съ культурой и жизнестроительствомъ окружающихъ его народовъ, предоставленное въ сферѣ подражанія почти исключительно своему собственному соціальному кругу, — должно было чувствовать себя за затворами гетто совершенно обособленнымъ, изолированнымъ, а потому и забронированнымъ отъ внѣшнихъ разрушительныхъ вліяній соціальнымъ организмомъ. Гетто, въ качествѣ «духовной территоріи», ограждало еврейство отъ опасности національнаго обезличенія; вызванное инстинктомъ самосохраненія, оно впоследствии убаюкало волевою, творческое начало въ еврействѣ, успокоило его національную боль, утѣшило его суррогатомъ и тѣмъ самымъ па-

реализовало въ немъ тѣ духовно-революціонныя силы, которыя единственно могли создать движеніе, аналогичное сіонизму.

Мы погрѣшили бы противъ истины, еслибъ мы тутъ же не указали на другой крупный факторъ, содѣйствовавшій сохраненію еврейской національной индивидуальности въ гетто, оберегавшій народъ отъ ассимиляціи и тѣмъ самымъ долгими столѣтіями тормозившій развитіе активнаго національно-освободительнаго движенія. Мы имѣемъ въ виду то стоическое начало, которое, проявляясь въ мировой исторіи въ своихъ неисчислимо разнообразныхъ формахъ, всегда стискивало творческія силы и пресѣкало исканія отдѣльныхъ личностей и большихъ социальныхъ массъ. Отреченіе отъ «мірской суеты» было и въ еврействѣ гетто однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ утвержденія національнаго «я». Съ самаго начала своего возникновенія гетто зиждилось на началѣ индивидуальнаго и социальнаго аскетизма.

Въ немъ было запрещено все то, что хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ могло бы угрожать еврейству затушевываніемъ его національнаго облика. Личныя влеченія и исканія, любознательность и простое любопытство, все то, что можетъ ласкать зрѣніе и радовать слухъ, все то, что способно расширять плоскость человѣческой дѣятельности и творчества, обогащать личность новыми элементами и выводить ее на болѣе свободную дорогу борьбы и достиженій — все это приносилось въ гетто въ жертву единому закону, которымъ оно жило, закону національнаго самосохраненія и самоконсервированія. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно типичнымъ слѣдуетъ признать шекспировскаго Шейлока. Когда на жизнерадостной венеціанской улицѣ раздаются звуки музыки, Шейлокъ, знающій, что въ это время христіанская молодежь собирается на свои пиршества, преисполненія упоительнаго духа итальянскаго «возрожденія», обращается къ Джессикѣ со слѣдующими характерными словами: «Закрой всѣ двери ты и окна, чтобъ гнусный голосъ христіанъ въ мое жилище не врвался». Въ глубокихъ тайникахъ своей души Шейлокъ знаетъ, что въ томъ мірѣ, который широко разстилается за воротами гетто, есть много богатаго, красочнаго, сочнаго и манящаго. Но онъ знаетъ также и то, что для еврейства этотъ міръ пропитанъ ядомъ, и во имя идеи сохраненія своего народа онъ приносить въ жертву свои затаенныя вождѣнія, свои желанія и страсти, и готовъ принести въ жертву молодость самаго дорогаго ему существа, его собственной дочери. Автономизированіе еврейской жизни мыслимо лишь на основѣ отреченія и аскетическаго

самоограниченія, на основѣ коллективнаго самозамыканія и подавленія своей личности — такова «внутряная» логика и философія гетто. Инстинктъ самосохраненія подсказалъ народу, что нормальная жизнь или хотя бы одно стремленіе къ таковой гибельны для его существованія, что въ свободѣ индивидуальнаго мышленія и развитія таится угроза національной цѣльности, зияющей на общезобязательныхъ для всего народа духовныхъ цѣностяхъ и оцѣнкахъ, и, въ силу этого инстинкта, онъ какъ бы намѣренно анормализировалъ свою жизнь и заключилъ еврейскую личность въ тяжелыя духовныя оковы. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что ни христіане, ни мусульмане (не говоря уже о язычникахъ) не были для средневѣковаго еврейства равноправными и равноцѣнными ему существами въ религіозно-этическомъ отношеніи. При всей силѣ и мощи владычествовавшаго нееврейскаго міра, при всей правовой и социальной порабощенности еврейства, средневѣковый еврей разсматривалъ себя, какъ существо, стоящее неизмѣримо выше самаго высокаго и доблестнаго представителя христіанскаго или мусульманскаго общества. Проникнутое сознаниемъ своего избранничества, сознаниемъ своей исключительной религіозно-этической высоты, своей болѣе тѣсной, сыновней близости къ Богу, порабощенное еврейство гетто обладало какой-то особой, глубоко коренившейся гордостью и разсматривало себя какъ высшую, аристократическую расу, какъ истинную знать человѣческаго рода — знать гонимую и пока еще народами не признаваемую, но зато давно уже признанную Providѣніемъ, ведущимъ свой народъ по тернистымъ путямъ къ высотамъ славы и величія. Для толщи средневѣковаго еврейства вплоть до кануновъ эмансипаціонной эпохи ассимиляція должна была казаться самонизведеніемъ въ низшій рангъ, оскверненіемъ фамильнаго герба; Гейнсовскую символическую собаку, снова превращающуюся на субботній день въ принца, слѣдуетъ — въ примѣненіи къ занимающему насъ моменту — толковать въ томъ лишь смыслѣ, что всю недѣлю она казалась собакой, межъ тѣмъ какъ субъективно она и въ будни сознавала свое высокое происхожденіе.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что гетто далеко не было *чужбиной* въ томъ специфическомъ смыслѣ этого слова, въ которомъ мы его теперь употребляемъ. Чужбиной мы называемъ страну, въ которой мы живемъ среди окружающаго чуждаго большинства, непосредственно соприкасаясь съ этимъ большинствомъ въ процесѣ социальнаго строительства, вращаясь въ его кругу, сознавая и ощущая при этомъ какъ его, такъ и нашу собственную національную само-

бытность и вытекающие отсюда социальные диссонансы. Гетто же, не знавшее такого тѣснаго общенія съ окружающимъ міромъ, было поэтому не чужбиной, а еврейскимъ островомъ среди моря «несврейскаго», своеобразнымъ еврейскимъ «оазисомъ» въ «пустынь» «*umoth hadlam*». Бялинь своимъ тонкимъ художественнымъ чутьемъ проникновеніе, чѣмъ кто-либо другой, постигъ этотъ моментъ. Въ его «Свиткѣ о пламени» еврейскіе отроки и дѣвушки, введенные врагомъ изъ Іудеи, блуждаютъ не по «чужой землѣ», а по «чахлому и отвѣка проклятому плѣшью *острову*». Лишь послѣ того, какъ свѣтлоокій отрокъ ринулся съ вершины въ раскрытыя объятія пучины рѣки Аввадона, воды вынесли его «въ край далекій, незнакомый, въ край, чье имя — *Чужбина*». Лишь тогда для него раскрываются трагическія очертанія дѣйствительно чуждой земли, въ которой онъ обреченъ или на жуткое одиночество, или на преодоленіе своего одиночества виѣдреніемъ въ глубины чужой почвы.

На томъ островномъ «оазисѣ», который представляло собою гетто, еврейство чувствовало себя духовнымъ властелиномъ, и если оно не продолжало тамъ ковать свою дальнѣйшую судьбу и творить новыя цѣнности, то оно все же умѣло стойко оберегать принесенное туда наслѣдіе и бережно охранять каждую черточку, запечатлѣнную исторіей въ душѣ народа.

Еврейство гетто, въ силу вышеуказанныхъ условій, не подвергалось въ болѣе или менѣе ощутительной степени воздѣйствію тѣхъ социологическихъ законовъ, которымъ подвергается жизнь миноритарной націи. Въ его жизни не могло поэтому быть мѣста для народженія въ той или иной формѣ дѣйствительнаго сіонизма.

V

Аскетизмъ гетто долженъ былъ, естественно, чѣмъ нибудь смягчаться. Ненскорнимое изъ человѣческой природы стремленіе къ возможно болѣе свободной, дѣйственной и многообразной жизни должно было найти себѣ и въ еврействѣ какой-нибудь исходъ. Еврейство, жившее въ продолженіе многихъ столѣтій только итогами своей былой творческой жизни, должно было дать себѣ отвѣтъ относительно судьбы тѣхъ жизненныхъ потенцій, которыя оно систематически заглушало въ себѣ, но которыя, удалившись въ подполье душевной жизни, все же ждали въ полудремотномъ состояніи возможности для своего разряженія. И еврейство, дѣйствительно, да-

вало себѣ отвѣтъ: оно мысленно переносило разряженіе своихъ потенцій въ дали грядущаго. За свое самоограниченіе, самозамыканіе, индивидуальный и соціальный аскетизмъ оно компенсировало себя своей вѣрой въ мессіанскія времена, которыя примирять всѣ противорѣчія жизни, разрѣшать всѣ мучительные вопросы, дадутъ просторъ закрѣпощеннымъ силамъ, отмѣнять запреты, и сорвутъ оковы какъ со всего народа, такъ и съ отдѣльной еврейской личности.

Безъ этой глубокой вѣры въ грядущаго Мессію была бы немислима та многовѣковая аскетическая жизнь, на которую еврейство добровольно обрекло себя. Съ образомъ Мессіи у еврейства связывалась легализація тѣхъ чувствъ, переживаній, дѣйствій и поступковъ, надъ которыми тяготѣло ярмо запрета. Элементъ возстанія и бунта противъ самихъ себя во имя освобожденія своего человѣческаго и національнаго я какъ бы смягчался и уступчиво таялъ подъ ласкающими лучами этой таинственной вѣры въ обѣтованное избавленіе.

Но какъ всегда бываетъ съ чувствами, загоняемыми въ подполье, послѣднія должны были и тутъ отъ времени до времени вспыхивать яркимъ пламенемъ протеста противъ ихъ порабоженія. Въ жизни гетто должны были наступать такіе критическіе моменты, когда накопившееся изо дня въ день глухое недовольство своей судьбою не могло не находить себѣ активнаго, дѣйственаго исхода. Затаенныя грезы и вожделѣнія должны были время отъ времени пробиваться на поверхность жизни дикими, безумными потоками. И дѣйствительно, застывшій въ дремотныхъ грезахъ кратеръ гетто зналъ свои изверженія — такими были тѣ многочисленныя *мессіанскія движенія*, которыя такъ часто нарушали мѣрное теченіе жизни въ застоявшемся гетто. Непримиримые элементы еврейства противопоставляли компромиссному началу, на коемъ покоилось гетто, свое революціонное слово и дѣйствіе. Провозглашая начало избавленія отъ голуса, эти элементы во главѣ со своими вождями — мессіями предвосхищали тѣ послѣдствія, къ которымъ должно привести осуществленіе мечты Израила.

Разъ мы уже находимся на пути къ Сіону, то потеряли уже всякій смыслъ и всякую цѣнность всѣ тѣ преграды, которыми мы себя окружили во имя нашего самосохраненія — такова была внутренняя логика почти всѣхъ «лжемессіанскихъ» движеній, не признававшихъ, большей частью, всего того запретительнаго балласта, которымъ еврейство гетто обременило себя и въ которомъ «лжемессіи» видѣли олицетвореніе голуснаго аскетизма. Такъ какъ свя-

занное съ пришествіемъ Мессіи возрожденіе еврейства въ Палестинѣ ассоціировалось въ народномъ представленіи съ освобожденіемъ отъ духовныхъ оковъ, то вспыхивавшія надежды на близкое возвращеніе въ родную землю не могли не сопровождаться тѣмъ «разрушеніемъ плотинъ», которымъ характеризуются почти всѣ мессіанскія движенія. Не приходится тутъ удивляться и тому, что большинство этихъ движеній приводили къ упаденію болѣе или менѣе значительной части охваченныхъ ими элементовъ отъ еврейства. Такъ какъ мессіанскія движенія вербовали своихъ adeptовъ среди наиболѣе непримиримыхъ элементовъ народа, отличавшихся повышенной жаждой духовнаго освобожденія и нормализаціи жизни, то, послѣ обнаруживавшагося банкротства мистическаго — освободительнаго похода, евреямъ, уже отвѣдавшимъ шири и богатства «мессіанскихъ временъ» чрезвычайно трудно было возвращаться къ разбитому корыту гетто. Въ томъ «или-или», которое лежало въ основѣ средневѣковаго мессіанства съ его крайними, эксцессивными переходами отъ утвержденія еврейства на началахъ національной реставраціи къ полному уходу отъ еврейства, таился уже инстинктивный прогнозъ будущихъ судьбъ еврейства, которое ранѣе или позже будетъ поставлено передъ дилеммой окончательнаго исчезновенія или радикальнаго обновленія...

Вспышки мессіанскихъ движеній были грозными предвѣстниками будущаго разрушенія гетто. При всей своей спаянности гетто должно было медленно изживать себя и пасть отъ своего внутренняго разложенія. Всякое волевое напряженіе имѣетъ свои естественныя предѣлы; на такіе предѣлы должно было ранѣе или позже натолкнуться и то аскетическое начало, которымъ жило еврейство гетто. За долгіе вѣка своего существованія гетто подготовило свое противорѣчіе, и фактически оно начало разлагаться еще задолго до того, какъ христіанскіе народы открыли настежь его ворота. Еще до эмансипаціи, положившей на Западѣ конецъ правовому гетто, въ его стѣнахъ стали прорубаться брешы. Ихъ прорубала отдѣльная еврейская личность, долгими столѣтіями томившаяся въ духовной неволѣ гетто, жаждавшая простора и свободы для своей мысли и чувства, для своей жизни, дѣятельности, борьбы и достижений. Духовное мужество и рѣшимость Баруха Спинозы, душевное горѣніе Уріеля Аногги, трагическія смятенія непонятаго и до сихъ поръ еще неосѣнненнаго «раввина — картежника», Леона де-Модены — таковы рельефныя проявленія того глухого, на первыхъ порахъ еще подпочвеннаго, а затѣмъ открытаго и явственнаго броженія, кото-

рое происходило въ гетто еще до эмансипаціи. Эмансипація, явившаяся въ гетто со своимъ ослѣпительнымъ пожирающимъ свѣтомъ, нашла уже тамъ готовый рой мотыльковъ, тянувшихся своими крыльями къ заманчивому пламени. Она уже нашла тамъ готовую почву, ибо та жажда избавленія, которая не могла уже находить для себя утolenіе въ мессіанскихъ движеніяхъ, искала живой воды не только за вѣковыми стѣнами гетто, но и за предѣлами еврейства вообще. Эмансипація не *создала* ассимиляціи: она была лишь воспріемницей тѣхъ ассимиляціонныхъ тяготѣній, которыя зародились въ самомъ гетто, исчерпавшемъ свои внутреннія силы. Она дала лишь формулу и лозунгъ тому, что бурлило въ душѣ, но еще не имѣло названія. Еврейская личность увидѣла въ эмансипаціи и ассимиляціи возможность своего раскрытошенія, свой долгожданый «Тікул». Было бы теперь слишкомъ уже неумѣстной уступкой узкой партійной догмѣ и живущему въ насъ духу полемики и апологетики, если бы мы повторяли старое утвержденіе, что ассимиляціонное движеніе было проявленіемъ рабскихъ наклонностей со стороны трусливо-уступчивыхъ, позорно-оппортунистичныхъ элементовъ еврейства. Чѣмъ объективнѣе и безпристрастнѣе мы вчитываемся въ новѣйшую исторію еврейскаго народа, чѣмъ больше чуткости мы проявляемъ къ переживаніямъ послѣднихъ поколѣній еврейства, тѣмъ яснѣе намъ становится, что раннее, идейное ассимиляціонное движеніе было по своимъ внутреннимъ тенденціямъ истиннымъ духовно-освободительнымъ движеніемъ*.

Ассимиляція захватила далеко не худшіе элементы еврейства: въ орбитѣ ассимиляціоннаго движенія мы видимъ наиболѣе жизненное и яркое изъ того, чѣмъ еврейство располагало. И если мы въ своемъ ретроспективномъ изслѣдованіи ассимиляціоннаго движенія видимъ теперь столь много отрицательныхъ элементовъ искусственнаго приспособленія и подражанія, то не слѣдуетъ забывать, что приблизительно такого же рода процессы наблюдались и въ неоппортунистичныхъ, на всякій уже взглядъ, мессіанскихъ движеніяхъ. Разница между элементами, участвовавшими въ мессіанскихъ движеніяхъ и тѣми, что были охвачены ассимиляціонными вѣяніями, заключается въ томъ, что первые «подражали» воображаемому типу нормализованнаго еврея, межъ тѣмъ, какъ вторые подражали ис-

* Новую оцѣнку ассимиляціоннаго движенія читатель найдетъ въ интересномъ сборникѣ статей С. Гурвича «Meain u Leain», изд. Ахисеферъ, Берлинъ 1914.

посредственно созерцаемому типу нормального христианина. Большая или меньшая доля столь несимпатичной намъ «искусственности» была какъ въ ассимиляціи, такъ и въ мессіанизмѣ. «Естественнымъ» оставалось только гетто, «естественными» были только тѣ консервативные элементы еврейства, которые создавали оппозицію и Саббатаю-Цевѣ, и Моисею Мендельсону, и звали къ примиренію съ голусомъ и гетто. Всякое радикальное обновленіе связано съ извѣстной ломкой, съ отказомъ отъ всего рутиннаго, съ разрушительными актами и насильственнымъ, принудительнымъ, принимающимъ зачастую форму искусственности и подражательности приближеніемъ своего «сущаго» я къ образу и подобію идеальнаго, «должнаго» я. Такowymi были мессіанскія движенія, таковымъ было и ассимиляціонное движеніе, въ которомъ лишь предубѣжденіе и суевѣрный историческій страхъ не даютъ многимъ увидѣть заключавшіяся въ немъ элементы свособразнаго «мессіанизма»...

Ассимиляціонная идея не осуществилась. Помимо цѣлаго ряда другихъ, весьма сложныхъ соціально-историческихъ причинъ, неосуществленіе еврейской ассимиляціонной идеи объясняется еще и тѣмъ, что воля къ національному бытію оказалась въ еврействѣ гораздо болѣе глубокой, чѣмъ это представлялось апостоламъ національнаго самоубійства. Правда, тутъ сказалось также и сильное противодѣйствіе со стороны изоляціонныхъ тенденцій, коренившихся и теперь еще коренящихся въ жизни большинства европейскихъ народовъ — тенденцій, питаемыхъ и расовыми предразсудками, и религіознымъ моментомъ, и цѣлымъ рядомъ переходящихъ, но пока еще очень властныхъ хозяйственныхъ условій. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что упомянутое противодѣйствіе получало особую силу и неотразимо-поощряющіе толчки со стороны самого еврейства, въ которомъ ассимиляціонныя тяготѣнія наталкивались на непреодолимая препятствія внутренняго, субъективнаго характера.

«Еврейство» коренилось уже въ такихъ органическихъ глубинахъ, что никакой ассимиляціонный паоосъ не былъ въ состояніи изгнать, его вытравить его безъ остатка. Исторія искренней, идейной ассимиляціи можетъ быть разсматриваема какъ исторія исканій «сѣдалища» національнаго духа. Но эти исканія ни къ чему не привели: они остались такими же безрезультатными, какъ и исканія сѣдалища души въ философіи. Весь организмъ еврейскаго народа былъ уже настолько пропитанъ издревле коренившимся и столбѣтіями делѣянными въ немъ элементами національнаго, что никакія «операціи», какъ бы онѣ ни были смѣлы и рѣшительны, не могли

уже сразу освободить народъ отъ этихъ элементовъ. Еврейская ассимиляція была склонна разсматривать себя, какъ «катастрофу», какъ «революцію» (а въ томъ именно и заключалась ея первоначальная сила и ея «мессіанское» значеніе), а дѣйствительность развернула передъ нею длинный путь сложной и обременительной «эволюціи», съ ея многочисленными этапами, переходными ступенями и постепеннымъ нарастаніемъ. Для того, чтобы достигнуть «виноградниковъ и смоковницъ» ассимиляціоннаго Ханаана, также требовались свои сорокъ лѣтъ блужданій по «пустынѣ» эволюціи, а эти именно «сорокъ лѣтъ» и убили въ ассимиляціи ея душу, ея порывы и пагосъ.

Идея катастрофической еврейской ассимиляціи не осуществилась. Она произвела въ еврействѣ цѣлый рядъ опустошеній и перетасовокъ, не давъ ему того «исхода», къ которому оно порывалась въ лицѣ своихъ наиболѣе требовательныхъ и непримиримыхъ элементовъ. Но, несмотря на ту разрушительную роль, которую она сыграла въ еврейской жизни и исторіи, она все же должна быть разсматриваема, какъ очистительная гроза, пронесшаяся надъ унылою нивой голуснаго еврейства. Разрушая и опустошая, она одновременно съ этимъ создала, оплодотворяла, и какъ бы парадоксально это ни звучало, приходится все же соглашаться съ тѣмъ, что именно ассимиляція подготовила въ еврействѣ почву для воспріятія *сіонизма**.

Гетто не могло дать дѣйствительнаго сіонизма, ассимиляція дала его. Дѣло тутъ не только въ томъ, что ассимиляція, пріобщившая еврейство къ новымъ областямъ культуры и къ современной европейской цивилизаціи, дала ему въ руки такія орудія борьбы и созиданія, которыхъ у него ранѣе не могло быть, — не только въ томъ, что она усилила активное начало въ еврействѣ и повысила въ немъ способность къ жизнедѣятельности и жизнестроительству. Гораздо важнѣе другая заслуга ассимиляціи передъ новымъ, національнымъ еврействомъ: она привела къ тому именно, что мы назвали выше *«обнаженіемъ голуса»*.

Ассимиляція снесла «островъ» еврейства; она лишила евреевъ того «оазиса», который они насадили для себя въ «пустынѣ» діаспоры. Благодаря эмансипаціоннымъ теченіямъ въ жизни христіанскихъ народовъ, евреи были возстановлены въ своихъ естественныхъ

* Отсылаемъ читателя къ прекрасной статьѣ Адольфа Бема «Wandlungen im Zionismus», напечатанной въ сборникѣ «Vom Judentum», Leipzig 1913.

правах; благодаря ассимиляції, євреї стали воспринимать окружающий нееврейский мир, как равноцѣнный имъ элементъ. Эмансипированные євреї, если можно такъ выразиться, «даровали» и со своей стороны «равноправіе» христіанскому міру. Плоскость взаимнаго общенія значительно расширилась, євреї стали участвовать въ общемъ соціальному строителству, входятъ въ болѣе тѣсное соприкосновение съ нееврейскимъ міромъ и подвергаются воздѣйствію общихъ съ этимъ міромъ соціологическихъ законовъ. Ассимиляція уничтожила тотъ соціальный и индивидуальный аскетизмъ, на которомъ держался уединенный и забронированный миръ гетто, и — что еще важнѣе — отрѣзала для еврейства путь возвращенія въ миръ аскетическаго гетто. Она дала форму и выраженіе тѣмъ запросамъ, которые вели въ гетто подпольное существованіе, увеличила количество этихъ запросовъ и повысила ихъ остроту. Она раскрыла передъ еврействомъ все многообразіе, всю сочность и яркость внутренней жизни другихъ народовъ, показала ему все убожество его жизни, поставила передъ нимъ зеркало, въ которомъ оно увидѣло всю изуродованность своего національнаго лица. Тѣ новыя общечеловѣческія потребности, которыя ассимиляція воспитала въ еврействѣ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ стали воплощеніемъ органической частью его національныхъ потребностей. И такъ какъ сильно увеличившіяся и повысившіяся національныя потребности, которыхъ не знало скудное запросами еврейство гетто, не могли находить себѣ удовлетворенія въ условіяхъ голуснаго существованія, то еврейство оказалось вынужденнымъ искать путей для ихъ удовлетворенія за предѣлами голуса — въ созданіи собственнаго территориальнаго центра, въ *сионизмѣ*.

Миноритарной націей еврейство могло почувствовать себя лишь по пробужденіи его національнаго сознанія послѣ крушенія ассимиляціоннаго движенія, ибо лишь тогда оно стало сталкиваться съ національнымъ большинствомъ въ процессѣ совмѣстнаго жизненнаго строителства и убѣждаться въ невозможности разряженія дремлющихъ въ немъ потенцій подъ давленіемъ чужого, властнаго національнаго я. Лишь послѣ эмансипаціи и сопутствовавшаго ей ассимиляціоннаго движенія стало возможнымъ воспріятіе голуса, какъ категоріи отрицательной по самой своей внутренней природѣ. Гетто воспринимало голусъ, какъ извѣстную сумму отрицательныхъ явленій, вытекающихъ изъ наличности *злой воли* господствующихъ народовъ, изъ сознательнаго, намѣреннаго угнетенія со стороны послѣднихъ. Для новаго же, послѣэмансипаціоннаго и послѣасси-

миліяціоннаго єврейства* голусть предсталъ уже въ своемъ органически отрицательномъ видѣ, своими непреходящими и неустрашимыми сторонами, которыя находятся по ту сторону злой или доброй воли, ибо для этого єврейства выяснилась полная невозможность размежеванія «сферъ вліянія» двухъ самоутверждающихъ себя національныхъ я въ предѣлахъ одного и того же соціально-территориальнаго организма. Голусть, такимъ образомъ, разверзъ свои незаполнимыя пропасти; онъ доказалъ, что онъ долѣтъ самъ въ себѣ. И лишь этотъ образъ самодовлѣющаго голуса и зрѣлище его раскрывающихся пропастей были способны вызвать въ єврействѣ дѣйственное стремленіе къ радикальному національному обновленію — сіонизмъ.

Ассимиляція радикализовала тенденціи єврейскаго націонализма. Она воспитала єврейскую личность, а черезъ посредство послѣдней и значительную часть народа, къ воспріятію сіонизма.

Сіонизмъ есть, такимъ образомъ, проявленіе волевого напора всколыхнутыхъ чарами ассимиляціи національныхъ потенцій єврейскаго народа — продуктъ обострившагося ощущенія непреодолимости того разстоянія, которое отдѣляетъ, въ условіяхъ голусной жизни, волю єврейства къ бытію и творчеству отъ возможности ея осуществленія. Сіонизмъ есть борьба за єврейскую индивидуальность — борьба не за сохраненіе и бесплодное консервированіе тѣхъ или иныхъ зафиксированныхъ чертъ этой индивидуальности, а за созданіе свободнаго фона для ея непрерывно новаго становленія, для ея свободнаго и (пользуясь терминологіей Бергсона) «кинематографическаго» развитія. Рефлекторъ исторіи освѣтилъ для новаго єврейства тѣ извилистые пути, которые ведутъ єврейскую индивидуальность черезъ постепенное обезличеніе къ національной Нирванѣ — и родился сіонизмъ, въ которомъ сочеталось самоутвержденіе єврейской современности съ борьбой за рожденіе и бытіе безчисленной вереницы будущихъ поколѣній. Сіонизмъ — борьба съ историческимъ рокомъ: яркое, радостное сіяніе новой, далекой зари борется на его фонѣ съ меланхолическими отблесками заката. Онъ превратилъ Агасеера въ Прометея.

* Къ этому єврейству мы причисляемъ и восточно-європейскихъ євреевъ, несмотря на то, что до самаго послѣдняго времени они еще не были эмансипированы, ибо, благодаря вліяніямъ, приходившимъ съ запада, російскіе євреи продѣлали приблизительно ту же эволюцію, что и ихъ западно-європейскіе братья задолго до своей эмансипаціи.

★

Х. Н. БЯЛИКЪ

ПЕРЕДЪ КНИЖНЫМЪ ШКАФОМЪ

★

ПЕРЕДЪ КНИЖНЫМЪ ШКАФОМЪ

Привѣтъ тебѣ, хранитель древнихъ свитковъ!
Твой пыльный кладъ опять цѣлую нѣжно...
Душа вернулась съ острововъ чужбины;
Дрожа, какъ голубь, странствовавшій долго,
Она стучится въ дверь родного дома.
Родные свитки! Снова съ вами я,
Питомецъ вашъ, отъ міра отреченный.
Увы! Изъ всѣхъ роскошныхъ благъ земли
Лишь васъ однихъ моя познала юность;
Вы садомъ были мнѣ въ разгарѣ лѣта,
Въ ночь зимнюю — горячимъ изголовьемъ;
И я привыкъ хранить средь вашихъ строкъ
Мое богатство — грезы о святынѣ.
Вы помните? Бывало, бегъ-га-мидрашъ
Одѣнетъ тьма; всѣ разошлись давно,
И въ тишинѣ придѣла — я одинъ;
Дрожа, слетаетъ съ устъ молитва дѣдовъ,
А тамъ, въ углу, близъ вашего ковчега,
Мерцаетъ тихо вѣчная лампада.

О, сколько разъ — я мальчикъ былъ, и пухъ
Еще не покрывалъ мои ланиты —
Меня ночные вѣтры заставляли
Склоненнымъ низко надъ старинной книгой,
Исполненнымъ то грезъ, то тайной жути.
На столикѣ передо мною лампада

Безпомощно и тускло колыхала,
Въ шкафу, средь книгъ, скреблась упорно мышь,
Въ печи трещалъ послѣдній уголекъ;
Я замиралъ, томимый смертнымъ страхомъ,
Отъ ужаса стуча зубами... Помню,
Однажды — это было темной ночью —
За окнами слѣпыми, на дворѣ,
Угрюмо плача, завывала буря;
Трещали ставни; духи преисподней
Стучали въ домъ желѣзными крюками...
Моя твердыня рушилась во прахъ:
Украдкою, изъ-подъ святой завѣсы,
Покинувъ храмъ, Шехина удалилась,
И мой старикъ — моя вторая тѣнь
И грезъ моихъ свидѣтель молчаливый —
И онъ ушелъ и скрылся отъ меня.
Лишь пламя лампы тихо умирало,
Послѣдній разъ вздыхая передъ смертью...
И вдругъ окно разбилось... Все погасло,
И я — птенецъ безкрылый — изъ гнѣзда
Упалъ во власть безглазой, черной ночи.

И вотъ теперь, чрезъ много-много лѣтъ,
Чело и душу мнѣ избородившихъ,
Меня опять поставилъ вѣтеръ жизни
Предъ вами, свитки, — чада Амстердама,
Славуты, Львова, Франкфурта. Опять
Рука моя страницы ваши гладить,
И тусклый взоръ блуждаетъ между строкъ,
Въ узорѣ буквъ пытаюсь отыскать
Слѣды моей души, — изъ колыбели,
Взлелѣявшей ее, услышать эхо
Младенческихъ ея тревогъ и думъ.
Увы, мои наставники! Спокойна

Душа моя, и взоръ не увлажнень...
Какъ ни гляжу, — узнать вась не могу я,
Изъ вашихъ буквъ, о старцы, не глядятъ
На дно моей души живыя очи,
Измученныя очи стариковъ;
Ко мнѣ оттуда не доходить шопоть
Изохшихъ устъ, бормочущихъ въ могилахъ.
Мнѣ каждая строка — жемчужинъ черныхъ
Разсыпанная нить, страницы — вдовы,
А что ни буква — бѣдная сиротка.
Померкъ мой взоръ, и ослабѣлъ мой слухъ,
Иль вы истлѣли, вы, сыны безсмертья,
И на землѣ вамъ больше доли нѣтъ,
И тщетно я, какъ тать вооруженный,
Безъ фонаря, киркою землю рылъ,
Въ кромѣшной тѣмѣ, не вѣдая покоя?
И день, и ночь въ могилахъ вашихъ роясь,
Я все искалъ златыхъ сокровищъ жизни,
Ихъ корни снизу и съ боковъ минуя.
А между тѣмъ сокровища сверкали
Надъ городомъ, людьми, и надъ холмами,
И на глазахъ у всѣхъ плоды качали,
И шумные водили хороводы,
Морскія дали пѣньемъ оглашая,
А до меня не донеслось и эхо.

Какъ знать? Быть-можетъ —
Когда я вновь, гробокопатель, выйду.
Съ кладбища духа въ царство черной ночи,
Тебя одну съ собою принеся,
Кирка, прилипшая къ моимъ ладонямъ,
И съ ветхой пылью на усталыхъ пальцахъ, —
Быть-можетъ, я — беспомощнѣй, бѣднѣй,
Чѣмъ раньше былъ — воздѣну руки къ ночи,

Моля ее принять меня на лоно
И ласково плащемъ закутать чернымъ,
И ей скажу, смертельно утомленный:
Приди, о ночь, и темными крылами
Покрой меня: я изъ могилъ бѣжалъ,
И сердце жаждетъ вѣчнаго покоя!
А вы, свѣтила ночи, братья въ духѣ,
Наперсники моей души!
О, почему храните вы молчанье?
Ужель вамъ брату нечего сказать
Златыхъ рѣсницъ нѣжнѣйшимъ трепетаньемъ?
Быть-можетъ, есть,—но вашъ языкъ забылъ я,
Таинственныхъ рѣчей не слышу вашихъ?
Отвѣтите, звѣзды, ибо я тоскую.

Перевелъ О. Румеръ.

★

С. АН—СКІЙ

У ИСТОЧНИКА
СКАЗАНІЯ

★

ВСТРѢЧА

Далеко, далеко, за моремъ, въ Англійской землѣ жилъ Раби Мойше Мантефіоре. Былъ онъ великаномъ во Израилѣ, и имя его гремѣло отъ одного конца міра до другого. Состоялъ онъ главнымъ министромъ и первымъ совѣтникомъ англійской королевы, и передъ нимъ падали ницъ самые важные князья и графы. Даже короли и вельможи чужихъ странъ воздавали ему великія почести.

Обладалъ Мантефіоре несмѣтными богатствами. Онъ имѣлъ множество колодезь «живого серебра», изъ которыхъ его слуги день и ночь черпали ведрами, а колодцы оставались полными до краевъ. А «живое серебро», какъ извѣстно, дороже обыкновеннаго; нѣкоторые говорятъ — даже дороже золота. Можно себѣ, поэтому представить, какъ велико было богатство Мантефіоре! Жилъ онъ въ роскошномъ дворцѣ, украшенномъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, имѣлъ сотни слугъ и выѣзжалъ не иначе, какъ въ золотой каретѣ, запряженной восьмеркой лучшихъ лошадей цугомъ, а впереди бѣжали скороходы и кричали: «Дайте дорогу властелину Мантефіоре».

Однако, великой славы своей достигъ Мантефіоре не властью и богатствомъ, а благими дѣлами на пользу еврейскаго народа. Если гдѣ, хотя бы на краю свѣта, на евреевъ обрушивалась бѣда, происходило, Боже упаси, избіеніе, выдвигался противъ нихъ навѣтъ, гоненіе или иное преслѣдованіе, онъ тотчасъ ополчался, какъ левъ въ защиту своего народа, бѣжалъ къ королевѣ, падалъ къ ея ногамъ и молилъ о защитѣ; ѣздилъ къ королямъ чужихъ странъ, хлопоталъ, сыпалъ червонцами и не успокаивался, пока не отводилъ меча отъ головы Израиля. вмѣстѣ съ этимъ отличался онъ большой благотворительностью: строилъ синагоги, ешиботы и богадѣльни, содержалъ на свой счетъ тысячи евреевъ, изучающихъ Тору, цѣлыя еврейскія общины, кормилъ бѣдныхъ, поддерживалъ падающихъ, утиралъ слезы вдовъ и сиротъ. При всемъ томъ былъ

онъ очень набоженъ, ни въ чемъ не отступалъ отъ закона, строго выполнялъ всѣ постановленія и обряды.

Но такъ какъ въ мірѣ полнаго совершенства нѣтъ, то кое чего не доставало и Мантефіоре. Недоставало учености...

Не былъ онъ, Боже упаси, неучемъ, невѣждой. Напротивъ! Прекрасно понималъ Талмудъ, каждый день проходилъ установленное число страницъ. И не такъ себѣ, а со всѣми толкованіями и поясненіями. Но... въ его ученіи не было тонкости и остроты, не доставало глубины и полета... И онъ самъ понималъ это, и огорчался ограниченностью разумѣнія своего.

Въ то самое время, когда во всемъ мірѣ гремѣла слава Мантефіоре, жилъ въ городѣ Минскѣ, что на Литвѣ, знаменитый раввинъ, раби Гершонъ Танхумъ. И былъ онъ тоже великаномъ во Израилѣ, и имя его также гремѣло отъ одного конца міра до другого. Зналъ онъ нанзустъ весь Талмудъ. Не было такой священной книги, которой онъ не изучилъ, и не было такого труднаго вопроса, въ которомъ не открылъ бы новыхъ путей. Душа его была неизсякаемымъ родникомъ живого серебра мудрости, и сколько ни черпалъ изъ него, родникъ оставался полнымъ до краевъ. Строилъ онъ дворцы и башни высокихъ соображеній и свободно разгуливалъ по садамъ и виноградникамъ величавыхъ сказаній. Свои духовныя сокровища раздавалъ онъ полными горстями всѣмъ, кто прибѣгалъ къ нему, насыщалъ голодныхъ, наполялъ жаждущихъ слова Божія и мудрости Торы.

Однако, и раби Танхуму кое чего не доставало. При всемъ своемъ величїи и мудрости, былъ онъ очень бѣденъ. Получалъ онъ содержанія два золотыхъ въ недѣлю, и, имѣя большую семью, жилъ въ большой нуждѣ и бѣдности.

И дошелъ до Мантефіоре слухъ о раби Танхумѣ и его великой мудрости. И рѣшилъ онъ въ сердцѣ своемъ взять раби Танхума себѣ въ учителя. А если Мантефіоре чтонибудь рѣшалъ, то ему, при такомъ могуществѣ и богатствѣ, не трудно было выполнить. Не сталъ онъ долго размышлять, велѣлъ слугамъ запретъ восьмерку самыхъ быстрыхъ лошадей въ золотую карету, сѣлъ и поѣхалъ. Ыдетъ, и, по обыкнованію своему, кидаетъ изъ оконъ кареты по обѣ стороны дороги горсти червонцевъ бѣднымъ. И даже не оглядывается, кто ихъ подбираетъ, евреи или не евреи. Ему все равно!

Надо вамъ знать, что отъ англійскаго царства до города Минска огромное разстояніе. Но какое это имѣетъ значеніе, когда мчатся на восьмеркѣ быстрыхъ лошадей! Прошло нѣсколько дней — и Мантефіоре уже въ Минскѣ. Остановился посреди города и спрашиваетъ, гдѣ живетъ раби Танхумъ? Ему указываютъ маленькую, ветхую избушку, въ переулкѣ, позади синагоги. Мантефіоре захо-

дять туда, видить — раби Танхумъ сидить за священной книгой. Подошеть къ нему и говорить:

— Учитель мой, раби Гершонъ Танхумъ. Да будетъ вамъ въ-домо, что я — Мойше Мантефіоре.

Когда раби Танхумъ услышалъ эти слова, онъ быстро поднялся и прежде всего громко произнесъ благословеніе, которое обязательно слѣдуетъ произносить при лицезрѣніи особъ царской крови и великихъ мужей:

— Благословенъ Ты, Адонай, Господь нашъ, Царь міра, удѣлившій изъ своего величія смертному!

Затѣмъ протянулъ ему руку съ привѣтствіемъ:

— Миръ вамъ!

Мантефіоре отвѣтилъ привѣтствіемъ и сказалъ:

— Да будетъ вѣдомо вамъ, раби Гершонъ Танхумъ, что я рѣшилъ взять васъ себѣ въ учителя. Семѣ вашей выдамъ сколько ей нужно на пропитаніе, а васъ увезу съ собою. Будете жить въ моемъ дворцѣ, сидѣть за моимъ столомъ и изъ моей руки будете получать на всѣ свои потребности, на одежду и обувь, баню и нюхательный табакъ.

Слушаетъ раби Танхумъ эту рѣчь — и не знаетъ, что сказать. Если самъ раби Мойше Мантефіоре пріѣхалъ за нимъ въ золотой каретѣ, можетъ ли онъ отказать? Но онъ все таки отвѣчаетъ, что ему надо посоветоваться съ женою и взять разрѣшеніе у общины. И онъ совѣтуется съ женою, беретъ разрѣшеніе у общины и даетъ свое согласіе. Мантефіоре тутъ же отсчитываетъ 1000 золотыхъ семѣ раби Танхума, сажаетъ его къ себѣ въ карету и въ добрый часъ ѣдутъ.

Когда пріѣзжаютъ въ англійское царство, Мантефіоре прежде всего везетъ раби Танхума по своимъ владѣніямъ, показываетъ ему колдочи живого серебра, города и деревни, поля и лѣса, сады и виноградники и говорить:

— Учитель мой! Оглянитесь кругомъ. И насколько взоръ вашъ можетъ охватить, и еще дальше — все это мои владѣнія.

Глядитъ раби Танхумъ и удивляется. Никогда не представлялъ онъ себѣ, чтобы одинъ человѣкъ могъ владѣть такими несмѣтными богатствами.

Затѣмъ Мантефіоре повезъ раби Танхума къ себѣ во дворецъ и повелъ по всѣмъ комнатамъ, изъ которыхъ одна красивѣе другой. И всѣ онѣ украшены золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, увѣшаны самыми рѣдкими тканями. Оглядываетъ все это раби Танхумъ — и пораженъ. Никогда и во снѣ не видалъ онъ такой роскоши!

И Мантефіоре вводитъ раби Танхума въ самый большой залъ и весь онъ сіяетъ отъ драгоценныхъ камней. И на потолокъ его нарисованы солнце и луна и знаки зодіака — и всѣ они движутся. И во

всю длину залы стоятъ серебряные столы, покрытые золотыми скатертями, а на столахъ разставлены самыя тонкія явства и въ хрустальныхъ графинахъ налиты самыя тонкія вина. А за столами сидятъ князья, графы и вельможи, а съ другой стороны самыя почетныя и богатые евреи англійскаго царства. И сотни слугъ прислуживаются у столовъ. И какъ только Мантефіоре вошелъ, всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, низко поклонились ему и крикнули: «Да живеть властелинъ нашъ, раби Мойше Мантефіоре!»

А раби Танхумъ, видя какія почести воздаютъ Мантефіоре, совершенно потрясенъ былъ отъ изумленія. И когда его сажаютъ на почетное мѣсто, онъ весь дрожитъ отъ страха передъ богатствомъ, роскошью и величіемъ Мантефіоре. И когда слуги подносятъ ему лучшія явства, онъ не можетъ взять ложки, ибо у него дрожатъ руки и ноги.

Послѣ обѣда, когда графы, князья и вельможи ушли, поднялся Мантефіоре и сказалъ:

— А теперь пусть раби Гершонъ Танхумъ намъ скажетъ Тору!

Хочетъ раби Танхумъ начать говорить — и не можетъ отъ великаго страха рта раскрыть. И Мантефіоре снова повторять:

— Пусть раби Гершонъ Танхумъ намъ скажетъ Тору!

И раби Танхумъ дѣлаетъ большое усиліе и начинаетъ тихо дрожащимъ голосомъ излагать мудрости Торы. И Мантефіоре слушаетъ его. И чѣмъ дальше слушаетъ, тѣмъ больше удивляется богатству его познаній.

И раби Танхумъ дѣлаетъ еще усиліе — и вдругъ забываетъ про несмѣтныя владѣнія Мантефіоре, про колодцы «живого серебра», про поля и лѣса, сады и виноградники. И голосъ его перестаетъ дрожать. И онъ углубляется въ мудрости Галахи. А Мантефіоре слушаетъ его и уже пораженъ блескомъ его мудрости.

И раби Танхумъ дѣлаетъ послѣднее усиліе — и совершенно забываетъ про дворцы и хоромы, украшенные золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями, про князей и графовъ, про великія почести, какія оказывались Мантефіоре. И голосъ его становится громкимъ и сильнымъ, и широкими взмахами паритъ онъ по райскимъ садамъ Агады. А Мантефіоре, пораженный величіемъ его разума, слушаетъ его съ большимъ трепетомъ.

А раби Танхумъ, забывъ про все окружающее, подымается до высочайшихъ вершинъ Торы, опускается въ самыя таинственныя глубины ея. И глаза его мечутъ искры и голосъ его гремитъ, какъ рыканье льва. А Мантефіоре, весь охваченный страхомъ передъ духовнымъ богатствомъ, красотой и величіемъ раби Танхума, еле сидитъ на мѣстѣ. И у него дрожатъ руки и ноги...

ОСМЪЯНИЕ

Однажды, зимою, въ полупраздничный день, сидѣлъ святой Баль-Шемъ* съ дружиной своихъ учениковъ и бесѣдовалъ. Бесѣдуя, совершали благословеніе надъ рюмочкой, курили трубки, а въ промежуткахъ пѣли. Когда пьютъ и поютъ, обыкновенно, бываютъ веселы, а когда люди веселы, — они смѣются.

Отзывается одинъ изъ святой дружины, раби Довидъ Лейкесъ:
— Смѣхъ — великое дѣло! Смѣхомъ радости можно служить Богу лучше, чѣмъ слезами печали.

На это святой Баль-Шемъ замѣчаетъ:

— Существуетъ смѣхъ, еще болѣе возвышающій, чѣмъ смѣхъ радости. Это, когда не ты смѣешься, а *надъ тобою* смѣются.

Сказалъ, — и ни слова больше.

Подхватываютъ ученики изреченіе, начинаютъ пояснять, растолковывать его, точно развертываютъ свитки Торы.

Вступаетъ раби Волфъ Кицесъ:

— Когда я смѣюсь отъ радости, душа моя только расширяется, но не подымается ввысь. Если же надо мною смѣются, я оказываюсь въ положеніи скамеечки подъ ногами, на которую смѣющийся становится, чтобы подняться. Но такъ какъ истинная причина повышенія лежитъ не въ немъ, а въ томъ, на что онъ опирается, то и ввысь подымается не смѣющийся, а тотъ, надъ кѣмъ онъ смѣется.

Не соглашается съ нимъ раби Довидъ Пирнесъ:

— Нѣтъ, — говорить онъ, — здѣсь кроется совершенно иной смыслъ. Если надо мною смѣются, значить, мои поступки или слова

* Баль-Шемъ, или Баль-Шемъ-Товъ («Добрый заклинатель»), такъ именуяютъ великаго каббалиста-мистика, родоначальника хасидизма, раби Исроеля изъ Меджибожа, жившаго въ XVIII вѣкѣ (умеръ въ 1760 г.) Большинство хасидскихъ легендъ и сказаній связано съ его именемъ. Почти во всѣхъ нихъ фигурируютъ и его ученики и послѣдователи («Святая дружина»), о которыхъ также сложилось множество легендъ.

непонятны и новы для смѣющагося. А если я совершилъ или сказалъ что-нибудь новое, я внесъ въ міръ нѣчто обновляющее и этимъ поднялся на высшую ступень.

Отзывается слабымъ голосомъ болѣзненный раби Беръ изъ Межеричи:

— Смѣхъ («цхойкъ») и Побѣда («ницохойнъ») равны по буквенному счисленію и тождественны по своей сущности. И смѣхъ и побѣда, завершая борьбу и опираясь лишь на то, что уже было, имѣютъ «душу прошлаго». А такъ какъ въ побѣдномъ смѣхѣ непременно кроется жестокость, то онъ, по существу своему, матеріаленъ. Поэтому противоположная сторона, тотъ, надъ кѣмъ смѣются, обладастъ и противоположными свойствами: онъ весь въ будущемъ и духовенъ. Это и подымаетъ его на высшую ступень.

Святой Баль-Шемъ молча выслушиваетъ учениковъ, улыбается и говоритъ:

— Пойдемъ куда-нибудь... Вѣроятно, по дорогѣ надъ нами гдѣ-нибудь посмѣются. Тогда и постигнете сущность этого смѣха...

Радуется святая дружина. При поѣздкахъ съ учителемъ всегда видишь удивительныя вещи.

Велятъ Алексѣ запрягать.

Алекса всю жизнь прослужилъ у святого Баль-Шема возницей. Многіе поэтому полагаютъ, что онъ былъ какимъ-то необыкновеннымъ человѣкомъ. Но это ошибка, Алекса былъ самымъ простымъ мужикомъ, къ тому же горькимъ пьяницей. Но онъ отличался одной особенностью: что ему ни приказывали, онъ тотчасъ исполнялъ безъ разсужденій и вопросовъ. При своихъ поѣздкахъ святой Баль-Шемъ обыкновенно приказывалъ Алексѣ садиться спиной къ лошади и спать. Онъ безпрекословно исполнялъ это. Если бъ ему было приказано запрячь лошадь хвостомъ впередъ и головой къ повозкѣ, онъ, не задумываясь и не разсуждая, принялся бы такъ запрягать. И не потому, чтобы онъ понималъ, что святому Баль-Шему не слѣдуетъ задавать вопросовъ. А просто, ему не была присуща сама способность «вопросовъ». А не была она ему присуща потому, что весь онъ находился на ступени «Повиновенія» и еще не достигъ ступени «Воли». Святой Баль-Шемъ часто указывалъ ученикамъ на это свойство Алексы. Однажды, углубившись въ каббалистическое разсужденіе о «двухъ крайностяхъ, которыя соприкасаются», онъ закончилъ примѣромъ:

— Высшая ступень духовности должна привести человѣка къ такому же уничтоженію воли и своего «я», къ какому Алекса доведенъ низшей ступеню матеріальности.

Запрягъ Алекса лошадку въ сани — и ѣдутъ. Куда? Это уже дѣло лошади. Знаетъ... Алекса, закутавъ голову въ тулупъ, си-

дить спиной къ лошади и спить. Морозъ обжигаетъ. Снѣгъ подъ по-
лезьями визжитъ и стонетъ. Деревья въ лѣсу, трескаясь, перестрѣ-
ливаются. А святая дружина? — ее это и не трогаютъ! Даже болѣз-
ненный раби Беръ изъ Межеричи забываетъ укутать шею шарфомъ.
Всѣ углубились въ разсужденія. О чемъ? — О наградѣ и наказаніи.

Святой Балъ-Шемъ, по обыкновению, слушаетъ молча. Затѣмъ
улыбается, и точно мимоходомъ, замѣчаетъ:

— Если наказаніемъ искупается грѣхъ, то вѣдь наградой должна
искупиться добродѣтель?

Святая дружина огоршна замѣчаніемъ. Всѣ умолкаютъ,
испуганно переглядываются.

И вдругъ, раби Довидъ Пиркесъ выкрикиваетъ:

— Если наградой отнимается у насъ добродѣтель, то не надо миѣ
награды! Отказываюсь отъ нея! Достаточно миѣ удовольствованія
отъ сознанія, что совершилъ благое дѣло.

Отзывается тихо раби Беръ изъ Межеричи:

— Тогда вѣдь удовольствованіе превратится въ награду?

Раздается грозный голосъ суроваго «Толдеса»:

— Въ такомъ случаѣ, не надо и удовольствованія! Отвергаю и
добродѣтель и награду! Признаю только непрерывное выполненіе
воли Господней, какъ единственный источникъ жизни человѣческой.
И ничего больше!

Ставить вопросъ раби Волфъ Кицесъ:

— Какъ же тогда понимать «грѣхъ»?

Молчать всѣ, не знаютъ, что отвѣтить. Приходитъ имъ на по-
мощь святой Балъ-Шемъ, подставляетъ плечо:

— Если, — говоритъ онъ, — возможенъ человѣкъ безъ добро-
дѣтели, то возможенъ и грѣхъ безъ человѣка.

И подтверждаетъ стихомъ изъ Библии:

«И обернулся (Моисей) туда и сюда, и увидалъ, что нѣтъ чело-
вѣка» (Числа, II, 12). Обращиваніе туда и сюда есть обликъ грѣха.
И какъ только человѣкъ совершилъ грѣхъ, сейчасъ «видно, что нѣтъ
человѣка», ибо, оторвавшись хотя бы на мигъ отъ источника жизни,
человѣкъ становится мертвымъ. Значить, грѣхъ надо понимать,
какъ смерть...

Спрашиваетъ раби Волфъ Кицесъ:

— А покаяніе?

Отвѣчаетъ святой Балъ Шемъ:

— Покаяніе — воскрешеніе изъ мертвыхъ.

Вдругъ останавливается лошадка. Остановилась такъ остано-
вилась. Значить, такъ и должно быть, хотя кругомъ лѣсъ и не видно
жилья. Вылѣзаютъ изъ саней. А такъ какъ наступаетъ время вечер-
ней молитвы, то молятся. Вдругъ по дорогѣ показываются сахи.

Бдутъ двое, издали похожи на дѣтей. Подъѣзжаютъ ближе — юноша и дѣвушка, сидятъ прижавшись другъ къ другу, почти замершіе. А лошаденка дохлая, еле переставляетъ ноги. Останавливаютъ ее, стараются привести молодыхъ людей въ чувство, даютъ имъ въ ротъ нѣсколько капель вина, они приходятъ въ себя. Спрашиваютъ ихъ кто они и куда? Плачутъ оба. Успокоившись, юноша рассказываетъ. Онъ и дѣвушка жили у богатаго корчмаря слугою и служанкою. Такъ какъ они оба круглые сироты и совершенно одиноки, они рѣшили обвѣнчаться и стали женихомъ и невѣстой. Тѣмъ временемъ, случается, что служанка не такъ быстро выполняетъ приказаніе корчмарши, и та гнѣвается и начинаетъ ее бить. Юношу это очень огорчаетъ, и хотя самъ слуга, онъ заступается за невѣсту. Тогда корчмаръ избиваетъ ихъ обоихъ и выгоняетъ на улицу. Къ счастью, они имѣютъ нѣсколько червонцевъ, покупаютъ лошадку и сани и бдутъ, куда глаза глядятъ. Бдутъ нѣсколько недѣль, истратили до послѣдняго гроша и ужъ двое сутокъ ничего не ѣли. А тутъ еще морозъ окрѣпъ — они и потеряли послѣднія силы и стали замерзать.

Даютъ имъ ѣсть. Когда насытились, суровый «Толдесъ» строго спрашиваетъ:

— Какъ это юноша и дѣвушка ѣздить вмѣстѣ безъ «стража»?

Опускаетъ дѣвушка глаза, застыдившись. А юноша начинаетъ оправдываться.

Улыбается святой Баль-Шемъ и говоритъ:

— Тогда поѣдемъ въ ближайшую корчму и обвѣнчаемъ ихъ.

Садятся въ сани. А раби Волфъ Кицесъ переходитъ къ жениху и невѣстѣ за «стража».

Бдутъ дальше. Черезъ короткое время лошади останавливаются у корчмы. Оглядываются юноша и дѣвушка — та самая корчма, гдѣ они служили. Они пугаются и удивляются, какъ могли столь быстро вернуться сюда обратно?

Выходятъ изъ корчмы хозяинъ и хозяйка. Узнаютъ своихъ слугъ и приходятъ въ большой гнѣвъ. Кричатъ:

— Опять притащились сюда, негодные? Чтобъ ноги вашей здѣсь не было!

Начинаетъ святой Баль-Шемъ успокаивать ихъ:

— Нечего вамъ сердиться, — говоритъ онъ, — это мы взяли ихъ съ собою.

Отвѣчаетъ корчмарша:

— Нашли драгоценный кладъ!

А святой Баль-Шемъ говоритъ дальше:

— Такъ какъ юноша и дѣвушка — женихъ и невѣста, мы здѣсь у васъ обвѣнчаемъ ихъ.

Туть ужь корчмарь и корчмарша не могут удержаться от смѣха. Какъ разъ нашель мѣсто, гдѣ устраивать свадьбу бездѣльникамъ! И велеть ѣхать дальше.

А святой Баль-Шемъ отвѣчаетъ спокойно:

— Нѣтъ, мы обвиняемъ ихъ здѣсь, у васъ. И вы потрудитесь приготовить хорошей ужины.

Теперь корчмарь и корчмарша уже громко хохочутъ, — еще ужины приготовить!

А святой Баль-Шемъ продолжаетъ:

— Да! Вы приготовите ужины изъ лучшихъ лѣтъ съ дорогими винами. А мы заплатимъ сколько будетъ слѣдовать.

— А сколько заплатите? — спрашиваетъ, смѣясь, корчмарь.

— Сколько потребуете, — отвѣчаетъ святой Баль-Шемъ, и называетъ горсть червонцевъ.

Увидали червонцы и перестали смѣяться. Корчмарь взглянул на корчмаршу, она на него. У обоихъ является мысль: не украденны ли это червонцы? И оба тотчасъ успокаиваютъ себя: «какое намъ дѣло»? И корчмарь соглашается приготовить самый лучший ужинъ.

Заходятъ всѣ въ корчму. Начинаютъ готовиться къ вѣчанію. Когда все готово, самъ святой Баль-Шемъ совершаетъ обрядъ вѣчанія. Затѣмъ идутъ къ столу, сажаятъ молодыхъ въ почетномъ углу, ѣдятъ, пьютъ и веселятся.

Послѣ «Семи благословеній» святой Баль-Шемъ подымается и громко вызываетъ:

— Теперь поднесемъ свадебные подарки молодымъ.

И прибавляетъ:

— Я дарю имъ эту корчму со всѣмъ хозяйствомъ, со всѣми строеніями, съ лошадьми, коровами и овцами!

Услыхавъ это, корчмарь и корчмарша начинаютъ покатываться со смѣху. И посылаютъ за крестьянами изъ деревни, чтобы они пришли посмѣяться надъ чудаками.

А тѣ дѣлаютъ свое.

Послѣ святого Баль-Шемъ подымается «Толдесъ».

— А я, — говоритъ онъ, — дарю молодымъ весь лѣсъ на милую вокругъ корчмы!

— А я, — отзывается тихо раби Беръ изъ Межеричи, — дарю имъ водяную мельницу!

— А я — винокурню! — подхватываетъ раби Волфъ Киндесъ.

А раби Довидъ Лейкесъ даритъ 1,000 корцевъ хлѣба изъ графскихъ амбаровъ.

А раби Довидъ Пиркесъ — 100 бочекъ вина изъ графскаго погреба.

Подбѣгаетъ къ столу корчмарь и, покатываясь со смѣху, кричить:

— А я дарю молодымъ тѣ 10,000 червонцевъ, которые графъ сегодня получилъ аренды отъ своихъ корчмарей!

Но хочетъ отстать отъ мужа и корчмарша и, задыхаясь отъ смѣха, кричить:

— А я дарю невѣстѣ брилліантовую брошь и драгоцѣнныя серьги, которыя носить на себѣ графиня!

Спрашиваетъ святой Баль-Шемъ:

— Можеть-быть, подарите молодымъ что-либо изъ собственнаго добра? Вѣдь служили вамъ столько лѣтъ!

Хочоцетъ корчмарь. А корчмарша, смѣясь, говоритъ мужу:

— Подари имъ «дворецъ», что на окраинѣ деревни!

Всѣ громко хохочутъ. На окраинѣ деревни стоитъ ветхая лачужка съ провалившейся крышей, безъ оконъ и дверей.

А святой Баль-Шемъ спрашиваетъ:

— Больше ничего не подарите?

— Больше ничего!

Вздыхаетъ святой Баль-Шемъ. Встаетъ изъ-за стола, платитъ за ужинъ тяжелыми червонцами и прибавляетъ еще червонецъ за скатерть, которую накрытъ столъ. Затѣмъ призываетъ молодого человѣка и говоритъ ему:

— Собери въ скатерть все, что осталось отъ ужина: недоѣденныя яства, недопитыя вина возьми къ себѣ въ сани. И садись съ женою и поѣзжай въ добрый часъ.

— Куда? — спрашиваетъ молодой человѣкъ?

— Вправо... — отвѣчаетъ святой Баль-Шемъ.

И больше — ни слова. Затѣмъ садится вмѣстѣ съ святой дружиной въ сани и ѣдутъ обратно. Не успѣваютъ оглянуться — и уже въ Меджибожѣ.

*

*

*

А молодой человѣкъ исполняетъ все, что ему велѣлъ святой Баль-Шемъ: забираетъ съ собою скатерть съ остатками ужина, садится съ женою въ сани и ѣдетъ вправо. А корчмарь и корчмарша и крестьяне изъ деревни провожаютъ ихъ громкимъ хохотомъ, насмѣшками и ругательствами. И они ѣдутъ и не понимаютъ, что произошло съ ними, и кажется имъ, что все это было сномъ. Но вспоминаютъ, какъ надъ ними смѣялись и у нихъ щемитъ сердце и они горько плачутъ.

Тѣмъ временемъ начинаетъ свѣтать. Вдругъ останавливается лошадка. Оглядываются молодые, видятъ издали въ снѣгу лежитъ человѣкъ. Подѣзжаютъ ближе, лежитъ молодой панъ, совсѣмъ замерзшій, но еще бьется сердце. Начинаютъ приводить его въ чувство, растираютъ снѣгомъ, — открываетъ онъ глаза. Вспоминаетъ

молодая женщина, что у нихъ въ скатерти вино со свадебнаго ужина, бѣжить къ санямъ, приносить вино и вливать молодому пану въ ротъ нѣсколько капель, чтобы оживить его. Онъ приходитъ въ себя и слабымъ голосомъ проситъ ѣсть. Вспоминаетъ молодая женщина, что у нихъ въ скатерти много яствъ со свадебнаго ужина, бѣжить къ санямъ, приносить и даетъ молодому пану ѣсть. И онъ ѣсть съ большой жадностью и выпиваетъ цѣлую бутылку вина. И когда насыщается, рассказываетъ, что съ нимъ произошло.

Онъ — единственный сынъ стараго графа, владѣльца всей округи. Вчера онъ выѣхалъ на охоту. Вдругъ лошадь понесла, сбросила его съ себя и убѣжала. Остался онъ одинъ въ глухомъ лѣсу. И чѣмъ дальше идетъ, все больше углубляется въ лѣсъ. Кричитъ онъ, но никто его не слышитъ. Блуждалъ цѣлыя сутки, выбился изъ силъ и отъ большой усталости, голода и холода упалъ безъ чувствъ и сталъ замерзать.

Тѣмъ временемъ, пока онъ рассказываетъ, начинаютъ издали раздаваться звуки рожковъ, голоса, топотъ лошадей. И тотчасъ появляется много всадниковъ съ каретами. И когда видятъ молодого графа, всѣ сильно радуются, подбѣгаютъ и цѣлуютъ ему руки и подхватываютъ его и сажаютъ въ карету и быстро уѣзжаютъ.

И молодой человѣкъ съ женою остаются одни въ лѣсу и не понимаютъ, что произошло съ ними. И кажется имъ, что все это было сномъ.

Когда привозятъ молодого графа во дворецъ, выбѣгаютъ ему навстрѣчу старый графъ съ графиней, обнимаютъ и цѣлуютъ его и велѣть устроить большой пиръ. И не могутъ опомниться отъ радости. Тѣмъ временемъ молодой графъ вспоминаетъ про своихъ спасителей и велитъ позвать ихъ. Но никто не знаетъ, гдѣ они. Тотчасъ посылаютъ всадниковъ разыскивать ихъ. И скоро ихъ приводятъ во дворъ и ведутъ въ лучшей залъ, и графъ съ графиней очень благодарятъ ихъ, что спасли жизнь единственному ихъ сыну. И старый графъ спрашиваетъ, кто они и откуда? И молодой человѣкъ рассказываетъ, какъ онъ съ женою служили у такого-то корчмаря и тотъ, разгнѣвавшись, избилъ и выгналъ ихъ. И старый графъ приходитъ въ большой гнѣвъ на корчмаря и кричитъ:

— За то, что онъ выгналъ васъ, — я дарю вамъ его корчму со всѣмъ хозяйствомъ, со всѣми строениями, съ лошадьми, коровами и овцами.

Отзывается графиня:

— А я дарю имъ весь лѣсъ на милю вокругъ корчмы!

Выступаетъ молодой графъ:

— А я, — говоритъ онъ, — за то, что они спасли меня отъ смерти, дарю имъ водяную мельницу, и винокурню, и 1,000 корцевъ хлѣба изъ нашихъ амбаровъ, и 100 бочекъ вина изъ нашего погреба!

А старый графъ прибавляетъ:
— Вѣдь имъ на первое время нужны наличныя деньги. Дарю имъ тѣ 10,000 червонцевъ, которые вчера получилъ аренды отъ своихъ корчмарей.

Не хочетъ отстать отъ мужа и графиня:

— Такъ какъ молодая женщина — новобрачная, дарю ей бриллиантовую брошь и драгоценныя серьги, которыя ношу на себѣ.

И снимаетъ съ себя и одѣваетъ на молодую женщину брошь и серьги.

А молодые люди стоятъ ошеломленные отъ большого счастья и не понимаютъ, что творится съ ними. И имъ кажется, что все это происходитъ во снѣ. И вспоминаетъ молодой человѣкъ про корчмаря и корчмаршу и ему становится жалко ихъ и онъ спрашиваетъ:

— Куда же дѣнутся корчмарь съ женою въ такой морозъ?

Хочетъ старый графъ:

— Какое тебѣ дѣло до нихъ?

А графиня, смѣясь, говоритъ мужу:

— Подари корчмарю «дворецъ», что на окраинѣ деревни!

Всѣ громко хохочутъ. На окраинѣ деревни стоитъ ветхая лачужка, съ провалившейся крышей, безъ оконъ и дверей.

Слушаютъ молодой человѣкъ съ женою этотъ смѣхъ и кажется имъ, что смѣются не графъ и графиня и окружающіе ихъ, а корчмарь съ корчмаршей, съ крестьянами изъ деревни. И у нихъ сжимается сердце и они начинаютъ горько плакать...

*

*

*

Когда объ этой исторіи говорили за столомъ у святого Балъ-Шема, онъ произнесъ стихъ изъ Библии:

«Даже въ смѣхѣ болить сердце» («Притчи Соломоновы», XIV, 13).

И пояснилъ:

— Даже когда надо мною смѣялись, у меня болѣло сердце за корчмаря и корчмаршу. Ихъ жалко было вдвое...

И онъ тяжело вздохнулъ.

★

ИВ. БУНИНЪ
БЛАГОВѢСТІЕ О РОЖДЕНІИ
ИСААКА

★

БЛАГОВѢСТІЕ О РОЖДЕНІИ ИСААКА

Они пришли тропинкою лѣсною,
Когда текла полдневная жара
И въ синемъ небосклонѣ предо мною
Кудрявилась зеленая гора.

Я былъ какъ дубъ у чернаго шатра,
Я былъ богатъ стадами и казною,
Я сладко жилъ утѣхою земною,
Но вотъ, пришли: «Встань, Авраамъ, пора!»

Я отдѣлилъ для Вѣстниковъ телицу.
Ловя ее, увидѣлъ я гробницу,
Пещеру, гдѣ оливковая жердь,

Пылая, озаряла Двухъ Почившихъ, —
Гробъ праотцевъ, Эдема насъ лишившихъ,
И такъ сказали: «Рожденье чадъ есть смерть».

★

Г. ШОФМАНЪ

РАЗСКАЗЫ

★

Г А Н Я

На горѣ въ рощѣ, посреди маленькаго двора, стоялъ выбѣленный домикъ, манившій издали сквозь сплетеніе сосенъ своими свѣтло-прозрачными окнами. Съ боковой стороны домика постоянно торчала телѣга о двухъ колесахъ съ опущенными на-земь оглоблями, а на ней старая бочка изъ-подъ воды. У конюшни были скучены груды дерева — березы, — а около нихъ въ обрубокъ ствола былъ воткнутъ наостренный топоръ.

Каждое утро, когда Ганя, дѣвочка двѣнадцати лѣтъ, вставала со сна, ей отчасти непріятно бывало за свои босыя ноги, замаранныя ссохшейся грязью, и она спѣшила на дворъ къ влажной отъ росы травѣ. Втихомолку забиралась она въ огородъ, что за оградой двора, кралась вдоль грядокъ, искала чего-то, стряхивая между тѣмъ на подолъ платья капли росы съ широкихъ листьевъ рѣпы. Часто она лазила на вишневое дерево, высившееся позади улья, и пряталась въ его верхушкѣ.

Отецъ ея, ополчившійся нѣмецкій колонистъ, сутуловатый, съ просѣдью, насаживалъ на носъ темныя очки, и въ углу двора, близъ курятника, возился со столярными принадлежностями, — чинилъ какую-либо дощечку въ ульѣ. Остріе топора тупѣло въ работѣ, и тогда онъ его точилъ на точильнѣ, стоявшей неподалеку. Его старшій сынъ вертѣлъ колесо, и когда художекій старикъ прижималъ къ точильному камню острый край топора, налегая на него съ особымъ напряженіемъ своихъ послѣднихъ силъ, — накаплило какое-то странное чувство жалости къ нему, и появлялось желаніе шепнуть ему тогда на ухо о его маленькой Ганѣ, которой нѣтъ равной среди дѣвушекъ по красотѣ и прелести.

Порою, по воскресеньямъ, приходила сюда «экскурсія» школы изъ сосѣдняго города. Тогда лѣсной покой здѣсь нѣсколько нарушался. Ученики, милые мальчуганы, опаленные зноемъ, потные и слегка обнаженные, со стриженными головами, сверкавшими на солнцѣ, — словно саранча разлетались по столамъ и скамейкамъ, что

между сосенъ, по балкону домика, по забору двора, по зеленой лужайкѣ. Особенно занята бывала тогда старая крестьянка, съ сѣрыми, умными глазами, раздававшая имъ всѣмъ хлѣбъ съ масломъ и простоквашу. Въ это время Ганя любила усаживаться на качеляхъ, повѣшенныхъ на желѣзныхъ цѣпяхъ межъ двухъ объемистыхъ сосенъ, и слѣдить оттуда, какъ звѣренышъ, за гомономъ этого новаго и чуждаго міра.

Ученикъ, съ вздернутымъ носомъ и шаловливыми глазами, увильнетъ, бывало, отъ шумливой ватаги, подойдетъ къ качелямъ и качнетъ ихъ разъ и два. Качели двигаются тихо-тихо, и Ганя, счастливая, раскачивается силой толчка взадъ и впередъ. Качели замедляются и останавливаются, и тогда Ганя, требуетъ и молить, сперва робко и стыдливо, а затѣмъ настойчиво и съ какой-то страстной дерзостью:

— Еще!...

Тогда мальчикъ напрягаетъ остатокъ своихъ силъ и кидаетъ качели. Ганя летитъ въ воздухъ и добирается почти до верхушекъ сосенъ, а оттуда она глядитъ далеко-далеко, надъ рощей и полемъ, въ сторону города, — глядитъ своими красивыми, влажными глазами, которые сверкнули вотъ сейчасъ, какъ голубоватые жучки — въ ту минуту, когда они расправляютъ свои крылышки, чтобы вспорхнуть...

Четыре года спустя, когда Ганя попала въ кривой переулочекъ, что на краю города, потянуло тамъ вдругъ лѣснымъ ароматомъ. Освѣжился сразу отвратительный и душачій воздухъ, будто незримое дерево — дерево широколиственное — стало тутъ шелестѣть надъ головой. По ночамъ стали оттуда призывно мигать и воровать красные фонари, и надорванные, меланхолическія мелодіи, носившіяся черезъ раскрытыя окна, стали теперь до того сладостными, что жаль становилось, когда изъ-за упрасиваній и приставаній къ прохожимъ онѣ обрывались посрединѣ. Смѣялась Ганя смѣхомъ ликующимъ, сочнымъ, ея дыханіе было тяжело и благоуханно, а отъ ея глубокихъ укусовъ, которыми она впивалась въ верхнюю часть плеча, — будто бурливыя волны вина колыхали затѣмъ весь слѣдующій день, уносили все дальше и дальше, опять въ тотъ кривой переулочекъ съ его страннымъ, тяжелымъ и приманивающимъ воздухомъ.

Нетерпѣливо блестя на фабрикахъ распаленные глаза жапоченныхъ лицъ — осіянные пламенемъ мѣховъ. Цѣлыми толпами тянулись горемыки всю ночь, идя и напѣвая, идя и горлана

въ порывѣ необузданнаго разгула, — туда, все туда, и на порогѣ дома уже дрожалъ вопросъ:

Гдѣ Ганька?

И отвѣтъ былъ каждый разъ кратокъ и мучителенъ: —

«Занята!»...

Обжорство ограбленныхъ жизнью и удушенныхъ городомъ, жестокое обжорство, не вѣдающее насыщенія, кинулось на прекрасное твореніе, полевой ростокъ, безпрестанно высасывало его сокъ, требовало и молило со страстной дерзостью:

— Еще!...

Умерла Ганя нѣсколько лѣтъ спустя скоростижно на разсвѣтѣ. Лежала она поперекъ кровати, и лицо ея приняло выраженіе той дѣтской мольбы о жалости, которая была разлита на немъ издавна, еще тогда, въ тѣ лѣтніе вечера, въ домѣ ся отца, когда она, истомленная, засыпала, бывало, на голомъ диванѣ, а прусаки быстро сѣменили по полу. Глаза ея были чуть пріоткрыты — видны были лишь краешки голубоватыхъ крылышекъ, когда они засверкаютъ, чтобы вспорхнуть...

Хозяинъ «дома», съ синимъ носомъ и толстымъ брюхомъ, прикрикнулъ на жену:

— Охота бабѣ держать всегда дохлыхъ!

И тутъ же промолвилъ:

— Дай мнѣ бѣлья! Иду въ баню.

Въ банѣ, какъ всегда, теръ и скребъ ему тѣло изо всѣхъ силъ высокій банщикъ съ бѣльмомъ въ одномъ глазу. Хозяинъ «дома» лежалъ на спинѣ на умывальной доскѣ, что сбоку полки, и протягивалъ банщику то одну руку, то другую.

Его выхолщенное и жирное тѣло поблескивало въ сѣроватомъ туманѣ. Кромѣ ихъ обоихъ, не было сейчасъ никого. Потолокъ былъ черенъ, она съ желѣзными рѣшетками — закопчены, и пахло вѣнникомъ. Поверхъ большихъ, желтыхъ и мокрыхъ камней, чернѣла пустота печи — будто гигантская раскрытая пасть. Брызгало, хлюпало и плескало водой, и трещалъ кузнечикъ.

II НА ПОСТУ

Рѣчка, протекавшая между городомъ Б. и лагеремъ, раскинувшись по всему предмѣстью, была мутна и невзрачна, и пить изъ нея было строго запрещено солдатамъ. Поэтому воду на весь лагерь брали изъ единственнаго колодца съ желѣзнымъ насосомъ, который солдаты сами вырыли для себя. По распоряженію командира полка возлѣ колодца былъ поставленъ караулъ, какъ и возлѣ всего остального полкового имуществва. Когда фельдфебель отправлялъ караулъ, онъ предостерегалъ «дневальнаго», назначеннаго охранять колодець:

— Жидамъ изъ города не давать воды ни подѣ какимъ видомъ!

Въ тотъ разъ, когда дневальнымъ былъ Абрамъ Дыхно, фельдфебель поспѣшно прибавилъ:

— Слышишь ты, жидъ?

Но тотчасъ улыбнулся еврею ласковой, игривой улыбкой, словно говорившей: «тебя-то мы все-таки любимъ».

Дыхно былъ еврей съ Волыни, изъ деревни, рыжеватый и широкоплечій.

Онъ быстро свылся съ атмосферой военной службы, сдѣлался первокласснымъ стрѣлкомъ, а по лѣстницѣ взбирался до самой крыши казармы. Въ полевой гимнастикѣ онъ былъ однимъ изъ немногихъ счастливцевъ, которымъ удавалось перескочить черезъ широкую «волчью яму», и ротный командиръ, капитанъ Ушковъ, смотрѣлъ на него съ затаеннымъ удовольствіемъ, какъ отецъ, любящійся сыномъ... Когда прибывали новобранцы, тотъ же капитанъ обращался къ евреямъ, бывшимъ въ ихъ числѣ:

— Будьте молодцами, хоть вы и евреи. Будьте, вотъ, какъ нашъ Дыхно!

И онъ указывалъ пальцемъ на Дыхно, который возился съ чисткою ружья, вскидывая его вверхъ и однимъ глазомъ смотря въ дуло на свѣтъ...

Дыхно особенно любилъ свое ружье, то и дѣло чистилъ его и смазывалъ масломъ, чтобы ружье, сохрани Богъ, не заржавѣло. Любилъ онъ и свои «казенные» сапоги съ широкими носами, по всѣмъ правиламъ надѣвалъ «набрюшникъ» и стригъ волосы на головѣ до самаго черепа. Когда порой молодые солдаты подметали казарму подѣ его наблюденіемъ, онъ понукалъ и торопилъ ихъ, словно «напралъ», бралъ самъ въ руки метлу, подметалъ и ворчалъ:

— Вот как метуть! Вот! Чтoбъ не оставалось пыли! Работать «вѣрой и правдой!» Не учили словесности? Сѣрье!

«Вѣрой и правдой» служилъ онъ самъ. На посту, напримѣръ, онъ ни разу не задремалъ. Всѣ два часа своего караула онъ безъ усталы ходилъ вокругъ зданія и, лишь завидитъ тѣнь человѣка, тотчасъ кричалъ:

— Кто идетъ?

И теперь, въ одиннадцатомъ часу вечера, теплаго лѣтняго вечера, стоя у колодца, онъ былъ особенно бдителенъ и смотрѣлъ впередъ, по направленію къ городу. За нимъ спалъ лагерь со своими палатками, сараями и «бараками», въ которыхъ жили офицеры. Только иногда оттуда доносились запоздалые приказы, которые громко передавали другъ другу часовые по «линии». Приказы относились къ учебной стрѣльбѣ, которая должна быть завтра на разсвѣтѣ, стрѣльбѣ на разстояніе 1500 шаговъ, въ которой немногимъ удастся попадать въ цѣль. Дыхно вспомнилъ, какъ въ прошломъ году онъ не промахнулся въ этой стрѣльбѣ ни разу, и онъ воображалъ себѣ фразу, которую онъ самъ выкрикнетъ по окончаніи ея:

— Дыхно всѣ пятьдесятъ пуль всадила, ваше высокоблагородіе!

— Молодецъ! — слышится ему въ воображеніи голосъ капитана изъ палатки.

Теплая волна гордости словно подхватила его и понесла въ высоту, и оттуда онъ смотрѣлъ теперь на лежавшей передъ нимъ городъ. Тамъ понемногу погасали огни, слышался стукъ запираемыхъ дверей, отрывистые голоса. Гдѣ-то по-близости закричала еврейка:

— Ай-ай-ай, какіе дорогіе гости! Мендель, ставь самоваръ!

Дыхно преисполнился презрѣнія къ этой убогой жизни, отъ которой онъ сталъ такъ далекъ за два года службы, къ этой жизни, въ которой нѣтъ ни малѣйшаго понятія объ искусствѣ стрѣльбы, о красотѣ «церемоніальнаго марша», о чудесахъ гимнастики, къ этой жизни безъ отваги, безъ хожденія въ ногу, безъ «присяги»...

Послышались шаги по мосту, сопровождаемые лязгомъ желѣзныхъ ведеръ. Какой-то еврей изъ города, навѣрно, идетъ сюда за водой. Дыхно пощупалъ штыкъ и насторожился.

— Кто идетъ? — закричалъ онъ по русски.

— Дай, солдатикъ, зачерпнуть воды! — попросилъ подошедшій человѣкъ, не зная, какъ видно, что передъ нимъ — еврей.

Покорный тонъ подошедшаго чѣмъ то задѣлъ Дыхно, и онъ отвѣтилъ:

— Не велѣно. Не дамъ!
— Только на самоваръ...
— Нѣтъ, нѣтъ!
Тотъ повернулся и пошелъ прочь съ отчаяніемъ:
— Капли воды ему жалко...
— Ну, ну, много тутъ не разговаривай, — закричалъ Дыхно
ему вслѣдъ, — жидъ!

III

У ДОРОГИ

Декабрьскій день склонялся къ вечеру. Стекла низкихъ оконъ, въ полдень оттаявшія было отъ солнца, снова затянулись морозными узорами, тонкими и красивыми; на желтой досчатой перегородкѣ лежали красныя четырехугольники свѣта. Съ улицы, издалека, доносился вечерній благовѣстъ, а въ сѣняхъ блясла коза. Холодъ усиливался съ приближеніемъ вечера.

Старал хозяйка, съ прищуренными глазами, потерявшая въ началѣ прошлой зимы своего мужа — меламеда, по обыкновенію, сидѣла у печки и вязала чулокъ. Очнувшись отъ своего молчанія, она сказала:

— Коза кричитъ, надо ей рѣдкыя нарубить.

И, помолчавъ немного, продолжала:

— Шлойме высокога не видать вотъ уже съ Пасхи. Навѣрно, ужъ умеръ.

Ея единственный сынъ, Мордхай, человекъ лѣтъ тридцати пяти, слегка сутулый, съ маленькой черной бородкой, прямымъ острымъ носомъ и темными, влажными глазами, потянулся къ перекладинѣ, проходившей по досчатой перегородкѣ, и положилъ на нее большой молитвенникъ, который только что кончилъ переплетать. Постоявъ, по обыкновенію, съ четверть часа неподвижно, онъ, наконецъ, очнулся:

— А? Шлойме высокій? О! черти бъ его взяли...

Прошло еще нѣсколько минутъ.

— Что это нынче весь день не слышать собаки Трихмана? — снова вспомнила старуха.

— А? Собаки? Собака больна — мнѣ Трихманъ говорилъ — и сколько дней уже не лаетъ. Надо теперь ея остерегаться, какъ бы не сбѣсилась.

На старомъ, скрипучемъ диванѣ были разложены туго набитыя, холодныя котомки. Это были котомки нищаго ребѣ Нисона, который ходилъ по-міру и уже съ незапамятныхъ времянь поселился въ этомъ домѣ, стоявшемъ на окраинѣ города, при дорогѣ, ведущей къ его мѣстечку, Дубровну.

Снаружи послышалось хрустѣнье утопаннаго снѣга. Тѣнь прошла по окнамъ, выходявшимъ на востокъ, и по блѣдной выбѣленной стѣнѣ напротивъ. Открылась дверь, и старый, высокій человѣкъ вошелъ въ домъ, согнувшись подъ своимъ узломъ. Съ палкой въ рукѣ, быстрыми шагами онъ перешелъ комнату, мимоходомъ проговоривъ «добрый день» и, нагнувшись спиной къ дивану, сбросилъ узелъ и выпрямился во весь ростъ.

— Ну, вотъ и Шлойме высокій, — сказали старуха и Мордхай въ одинъ голосъ. — А мы было думали, что ты уже умеръ.

Шлойме высокій по привычкѣ потеръ одну руку о другую, подошелъ къ Мордхаю, оставилъ на него смѣющіеся глаза и обмерзшую бороду и сталъ пальцами щекотать его подъ мышками, подталкивать его и таскать его за руки взадъ и впередъ, приговаривая со смѣхомъ:

— Какъ поживаешь, Моткеле, Моткеле?...

Мордхай пытался сопротивляться, хватая старика за холодныя, дрожашія, но сильныя руки, и устало отвѣтилъ:

— Экій сильный, какъ дубъ. Чѣмъ больше старѣеть, то больше у него силы.

Улыбка исчезла съ губъ Шлойме высокаго, и онъ отсталъ отъ Мордхая.

— А эти котомки чьи?

— Ребѣ Нисона. Онъ тоже здѣсь. Вѣрно, сейчасъ придетъ.

Снаружи свѣжій иней покрывалъ плетень, тянувшійся отъ дома Мордхая до сосѣдней избы мужика Трихмана. На кольяхъ плетня были развѣшаны опрокинутые горшки. Направо изъ дымовыхъ трубъ поднимаются и стелются синіе столбы дыма, запахъ котораго разносится вдаль, и вырисовываются на южной сторонѣ неба, красноватой отъ холоднаго свѣта заходящаго солнца; а налѣво, за заборомъ, тянутся до сѣвернаго горизонта, окутаннаго полумракомъ, пустыя, широкіе огороды, а за ними поля, покрытыя ровной и гладкой пеленой чистаго синеватаго снѣга; одинокіе клочки прошлогодней травы сиротливо торчатъ изъ нея, и снѣжная крупа волнами перекатывается по гладкой поверхности, гонимая завывающимъ вѣтромъ, скользится, рассыпается, набивается въ кучи и

сглаживает маленькія ямки — слѣды волковъ, разгуливающихъ тутъ по ночамъ. На сѣверо-восточной сторонѣ виднѣется пустынная дорога, ведущая въ Дубровну, съ рядомъ высокихъ тополей и гудящими телеграфными столбами. Снѣгъ вокругъ принимаетъ голубоватый вечерній отблескъ, тамъ и сямъ извиваются пробитыя борозды — слѣды саней, стѣны домовъ трещатъ отъ мороза, воробьи безшумно выпархиваютъ изъ-подъ крышъ. Шаги скрипятъ, морозъ щиплетъ уши и щеки, застилаетъ глаза и опушаетъ рѣсницы инеемъ, а внутри носа какъ будто стелется паутина.

— Морозъ съ вѣтромъ, — воскликнулъ ребъ Нисонъ, ввалившись въ домъ вмѣстѣ съ клубами бѣлаго пара.

Съ приходомъ чужихъ въ подавленной, унылой атмосферѣ дома людямъ стало какъ-то веселѣе, но это веселье мало прибавило пріятнаго, оно было холодно, какъ котомки на диванѣ.

Старуха принялась топить печку. Она выбивается изъ силъ, раздувая огонь, не разгорающійся въ сырыхъ дровахъ, открываетъ печную трубу, стучитъ въ ней вьюшками, и наконецъ огонь загорается и вспыхиваетъ въ печкѣ, пѣна выступаетъ на концахъ полѣньевъ, и по темнымъ стѣнамъ прыгаютъ большія пятна свѣта.

Зажгли маленькую лампочку и поставили на столъ. Пятна на стѣнахъ пропали.

Нишіе молча берутся съ котомками. Каждый вытаскиваетъ изъ своей котомки куски, полученные въ подаяніе, и собирается ужинать. Они жуютъ, аппетитно разрѣзаютъ хлѣбъ маленькими ножичками, а Мордхай тѣмъ временемъ вертитъ во всѣ стороны палку Шлойме высокога, и спрашиваетъ:

— А гдѣ же та палка?

— Изъ рукъ украли — отвѣчаетъ Шлойме высокога.

— А-а-а, — соболѣзнуетъ Мордхай. — Чудная была палка.

Онъ ставитъ палку на мѣсто, и на глаза ему попадается корявая яблоневая палка ребъ Нисона.

Онъ беретъ и ее.

— Давайте, ребъ Нисонъ, помѣняемся палками: вы инѣ дадите эту, а я вамъ дамъ за нее черную палку, кривую, дубовую.

— Я не цыганъ — отвѣчаетъ ребъ Нисонъ своимъ сухимъ отрывистымъ голосомъ.

Мордхай начинаетъ разсуждать про себя:

— Безъ палки вѣдъ невозможно ходить по дорогамъ. Однажды, — обращается онъ къ нищимъ, — иду я по дорогѣ ночью и про-

хожу мимо одного двора, и вотъ, кабы не черная палка, собаки разорвали бы меня въ клочки.

Онъ беретъ ножичекъ Шлойме высокога и спрашиваетъ:

— Во что вамъ обошелся этотъ ножикъ? У меня вчера мой ножикъ украли. «Гой» одинъ приходилъ сюда ночевать. Всякую ночь онъ приходитъ, и всегда пьяный, а ты выходи раздѣтый и отворилъ ему. А потомъ онъ жуужжить въ уши и не даетъ спать. Вчера додумался и украсть мой ножикъ. И теперь я, какъ безъ рукъ: печѣмъ обрывать книгу и печѣмъ обрѣзать пергаментъ. Конецъ. Больше не отпру ему.

— Что новаго въ городѣ? — спрашиваетъ ребъ Нисонъ.

Спустя нѣсколько минутъ, Мордхай собирается отвѣтить:

— А? Новаго? Какія новости?... Абрамъ Кабалкинъ умеръ.

— «Десница его, какъ тѣнь проходящая» — вздыхаетъ ребъ Нисонъ.

— Лучше ѣсть хлѣбъ съ сыромъ, чѣмъ умереть, — тихонько смѣется Шлойме высокій.

Послѣ ужина нищѣ вытаскиваютъ свои большіе кошельки и высыпаютъ на двухъ концахъ стола, — Шлойме высокій на одномъ, а ребъ Нисонъ на другомъ, — по кучѣ мѣдяковъ: они перебираютъ и переворачиваютъ монеты, не торопясь, а Мордхай, дѣлая видъ, что не смотритъ въ сторону нищихъ, стоитъ въ отдаленіи. Что это будетъ, что будетъ?! Полѣзай опять на печку и снова на печку... Три мѣсяца кряду онъ возится съ переплетомъ одного молитвенника, а «мезузы»*, которые онъ за это время написалъ, всѣ испорчены. Правда, и онъ иногда беретъ за умъ, бросаетъ домашнюю работу, беретъ кривую черную палку и бродитъ «по міру» годъ-другой, но всякій разъ, возвращаясь изъ странствованія, онъ приносить съ собой только цѣлую пачку махорки и четыре гроша. Не больше.

Придется не спать всю ночь и написать хотя бы одну «мезузу» — рѣшаетъ онъ.

Въ комнатѣ холодно, несмотря на топящуюся печку; стужа проникаетъ снѣговъ трещины рамъ и щели въ стѣнахъ, и при каждомъ сказанномъ словѣ изо рта выходитъ бѣлый паръ. Огонь въ печкѣ мало-по-малу уменьшается, пока не превращается въ груды тлѣющихъ углей. Старуха закрываетъ дымовую трубу и говоритъ:

* Маленькій пергаментный свитокъ съ молитвеннымъ текстомъ, приписанный къ двернымъ косякамъ.

— Боюсь, какъ бы угару не было.

Ребѣ Нисонѣ достаетъ табакерку, бѣлую костяную табакерку, и, прислонившись къ стѣнѣ, съ наслажденіемъ нюхаетъ табакъ, а Шлойме высокій, который не курить и не нюхаетъ, расхаживаетъ по комнатѣ, легко ступая ногами, обутыми въ туфли и чулки, засунувъ руки за поясъ, и тихо напѣваетъ глухимъ голосомъ какіето обрывки напѣвовъ, которые катятся, словно бревна съ горы.

— Сколько лѣтъ было твоему отцу, когда онъ умеръ? — обращается ребѣ Нисонѣ къ Мордхая.

— Пятидесяти восьми не исполнилось.

И по комнатѣ словно проносится образъ отца Мордхая, покойнаго ребѣ Юсифа меламеда, съ тонкими, отчетливыми чертами лица и красивыми, ласковыми сѣрыми глазами. Всякій разъ онъ, бывало, самъ постлалъ нищимъ бродягамъ постель, а потомъ долго заспживался одинъ надъ «Мишной», услаждая ихъ сонъ чудными тихими напѣвами, переплетавшимися съ завываніемъ вѣтра на улицѣ, съ дребезжаніемъ стеколъ, съ колотушкой ночного сторожа...

— Еще можно бы ему жить и жить... — вздохнулъ ребѣ Нисонѣ.

Спустя нѣкоторое время оба нищихъ одинъ за другимъ влѣзаютъ на печку и пропадаютъ въ черномъ пространствѣ. Старуха уходитъ къ себѣ въ темную каморку, спрашиваетъ оттуда Мордхая, заперъ ли онъ дверь въ сѣняхъ и тоже ложится.

А Мордхай разстилаетъ на голомъ столѣ кусокъ матеріи, кладетъ на него пергаментъ, разставляетъ перо и чернильницу, садится и принимается писать «мезузу» лѣвой рукой: онъ — лѣвшя.

Написавъ три первыя строчки, онъ начинаетъ чувствовать, что у него горятъ кончики ушей и холодѣютъ колѣни и ступни: его охватываетъ трепеть творчества. Буквы выходятъ изящныя, и слова выходятъ живыми и четкими, а длинное слово въ концѣ третьей строчки на этотъ разъ умѣстилось вполнѣ свободно, что ему очень рѣдко удается. Его «мезузы» вообще всегда бываютъ испорчены, благодаря разсѣянности, овладѣвающей имъ во время писанія, и на чердакѣ валяются въ пескѣ, среди старыхъ, покрывшихся пятнами бутылокъ, множество испорченныхъ, не доконченныхъ «мезузъ», въ которыхъ буквы скорчены и скомканы. Онъ страхнулъ чернила съ пера, постучавъ имъ объ уголъ стола, взялъ перо въ зубы и сталъ потирать пальцы, улыбаясь по обыкновенію.

Его гигантская тѣнь растянулась зади него по досчатой перегородкѣ и дотянулась до половины потолка. На оштукатуренной

стѣнѣ передъ нимъ вылѣзли изъ щелей тараканы и остановились, не шевелясь. За печкой трещаль сверчокъ. Окна побѣлѣли отъ пелены инея, которая все плотнѣе затягивала ихъ. Снаружи доносился прерывистый стукъ колотушки ночного сторожа, а далеко-далеко, за Днѣпромъ, раздавались свистки желѣзной дороги, далекіе свистки, обрывистые, мимолетные и грустно — рѣзвые...

Перо, съ трудомъ двигаясь по шероховатому пергаменту, скрипѣло. До ушей Мордхая долетѣлъ бой городскихъ часовъ.

— Разъ, два, три... — началъ онъ считать вслухъ.

Но вдругъ его прервалъ хриплый женскій голосъ, залившійся дикою пѣсней невдалекѣ отъ дома. Это пьяная Аक्सинья направляется теперь изъ шинка домой къ домику, стоящему на скатѣ горы надъ рѣкой. Пѣсня разливалась, удалялась, замирая, пока не закончилась послѣдней тягучей нотой, — той нотой, что вызываетъ воспоминаніе о снѣгахъ и вѣтрахъ прошлыхъ зимъ, о дѣтскихъ годахъ, о крышахъ, заборахъ, огородахъ, тополяхъ, рассказываемыхъ вѣтромъ надъ Днѣпромъ...

— Моткеле, принеси мнѣ немножко воды, — попросилъ Шлойме высокій съ печи.

Мордхай лѣниво поднялся, взялъ ковшикъ, зачерпнулъ воды, подернутой льдинками, и подалъ Шлоймѣ.

— Какая холодная вода. Даже въ вискахъ отдааетъ.

Снаружи заскрипѣли шаги, сопровождаемые невнятнымъ борманьемъ. Мордхай узналъ голосъ и сказалъ:

— Вонъ «гой» идетъ...

Раздался глухіе удары въ двери стѣней.

— От-во-ри-те.

— Н-нѣтъ... Сказалъ «нѣтъ», — такъ нѣтъ.

— Отворите, добрые люди, добрые люди, откройте же.

— Стучи хоть до утра...

Стукъ прекратился. «Гой» перешелъ отъ двери къ восточному окну, и лицо его выглянуло изъ-за стекло, затянутыхъ инеемъ; послышался придушенный умоляющій голосъ, сопровождаемый сильными ударами по рамѣ окна.

— Отворите, добрые люди, а то — замерзну.

Старуха проснулась и вышла изъ своей каморки въ одной рубашкѣ, и, ставъ посреди комнаты, заворчала:

— А что же будетъ? Онъ сидитъ до полуночи. Лампа горитъ. Пьяные со всего свѣта приходятъ сюда стучаться. Потуши оголь, онъ и уйдетъ.

— Потуши огонь, — повторилъ Шлойме высокій съ печи.

— Откройте, откройте, я замерзаю...

— Ступай себѣ съ своимъ, — говоритъ Мордхай черезъ стекло. «Гой» заплакалъ, и трудно было разобрать, настоящий ли это плачь, или притворный.

Мордхай погасилъ лампу, и тотъ умолкъ.

Послышалось какое-то царапанье по стѣнѣ снаружи и постукиванье палкой, слабое, словно печальное постукиванье по нижнимъ бревнамъ избы. Повидимому, «гой» нагнулся и растянулся на землѣ.

При наступившей въ домѣ темнотѣ сверкала бѣлизна снѣга на улицѣ. Одно изъ южныхъ оконъ заискрилось узорами инея, и на досчатой перегородкѣ появились свѣтлыя пятна. Это былъ свѣтъ, падавшій изъ дома Тимохи насупротивъ, и оттуда доносились одинъ за другимъ глухіе удары. Это толкли крупу.

Мордхай подошелъ къ восточному окну и выглянулъ въ щелочку, не затянутую инеемъ. Онъ увидѣлъ валенки «гоя» и пеструю собаку.

Спустя нѣкоторое время Мордхай принялся бродить по темной комнатѣ взадъ и впередъ, пока не собрался съ духомъ и влѣзъ на печку. Печка была высоко, почти подъ потолкомъ, не то теплая, не то холодная, полная тряпокъ, пыли, клоповъ. Тутъ былъ непроглядный мракъ. Сперва Мордхай не видалъ ничего, и только мало-помалу сталъ различать ребъ Нисона, лежавшаго у южной стѣны, Шлойме высокаго, раскинувшагося навзничъ посреди печки, бревна стѣны, паклю, шевелившуюся отъ наружнаго вѣтра... Вѣтеръ завывалъ въ печной трубѣ и стучалъ вьюшками.

Мордхай сидѣлъ на краю печки, закинувъ ногу на ногу, закурилъ папиросу, и, выкуривъ ее, зѣвнулъ. Потомъ онъ откашлялся и прочистилъ голосъ.

Какъ всегда, онъ сталъ напѣвать грустнымъ, страннымъ, необычнымъ напѣвомъ.

Въ темной и холодной пустотѣ пронеслось дыханіе осени, и зашло яблоками. Уличная грязь блеститъ при свѣтѣ фонарей, а въ подвалахъ при тускломъ свѣтѣ лампочки виднѣются красныя яблоки, разложенныя на доскахъ, усланныхъ соломой. Крики напоресъ* слышатся въ ночной темнотѣ сквозь туманъ. «Юмъ-Кипуръ» ясный

* Капоресъ — птица, зарѣзываемая, по обычаю, въ канунъ дня всепрощенія, какъ замѣна искупительной жертвы.

и спокойный, широкие желтые листья валются и шуршат от легкого вѣтра по бѣднымъ дорогамъ, а въ домахъ только одинъ ребѣта... Ясные дни, солнце пригрѣваетъ щеки, а въ затылокъ дуетъ холодный вѣтеръ; бѣлыя паутинки прилипаютъ къ лицу и щекочутъ его, небо бѣдное, и бумажный змѣй плаваетъ въ немъ... Сѣрые дни, тусклая завѣса тучъ, бабы въ огородахъ выкапываютъ изъ грядъ послѣднюю картошку, задираютъ головы къверху и смотрятъ на дикихъ гусей, летящихъ прямой линіей на югъ и кричащихъ въ облачномъ небѣ.

Мордхай пѣлъ молитвы «о царствахъ», «я вспоминаю тебѣ милость твоей юности», «какъ пастухъ, обходящій свое стадо» и «человѣкъ — его основа во прахѣ»; послѣдній синагогальный гимнъ онъ самъ переложилъ на мотивъ Аксиньи.

Вотъ первый снѣгъ. Мужикія телѣги нагружены кочными капусты. Гуси гогочутъ... Холодный, унылый вѣтеръ дуетъ въ сумеречномъ воздухѣ; пробуждается желаніе прижаться къ отцу, къ его зимней шубѣ. Начинаетъ чувствоваться странный, тлжелый запахъ, запахъ отчаянья, словно тотъ запахъ, что распространяли прошлой осенью склянки съ лекарствами, пузырь, набитый льдомъ, тотъ запахъ, что носился въ домѣ всѣ тридцать дней, пока миньянъ* собирался на заупокойную молитву.

Повѣяло запахомъ смерти.

И туманная безконечность, слѣдующая за смертью, смотрѣла снаружи въ окна вмѣстѣ съ бѣлизной снѣга... Чувствовалось, какъ жизнь убываетъ съ каждымъ вздохомъ. Вотъ еще немного... еще немного... еще немного... Кисти рукъ нѣмѣютъ и сжимаются въ кулаки, на минуту является желаніе ухватиться за край трубы.

— «И какъ сонъ, развѣтается»... — поетъ Мордхай, вытягивая ту же послѣднюю ноту, напоминающую снѣга и вѣтеръ прошлыхъ зимъ, дѣтскихъ лѣтъ, крыши, заборы огородовъ, тополи, качающіеся отъ вѣтра надъ Днѣпромъ...

Шлойме, высокой, проснулся и сказалъ:

— Сумасшедшій остается сумасшедшимъ. Коли весь міръ что-нибудь рѣшаетъ, стало быть, онъ знаетъ, что рѣшать. Сперва онъ сидитъ до полуночи, огонь горитъ, «гои» стучатся, а потомъ онъ распѣваетъ въ потемкахъ. Пока отецъ былъ живъ, по крайней мѣрѣ, боялся немного. Теперь...

* Десять человѣкъ, количество необходимое для публичнаго богослуженія.

Мордхай разстилаетъ свою тощую постель на краю печки, раздѣвается, ложится головой къ трубѣ и накрывается своимъ «скрутокомъ», съ продраннымъ бокомъ. Дыра мало-по-малу расплзается, и стужей вѣетъ изъ щелей потолка и стѣнъ. Надо было бы собраться съ духомъ, встать, покрыться еще чѣмънибудь, не дырчатымъ, надо бы выйти къ «гою» . . . Но онъ все лежитъ и не двигается.

Какъ будто Шлойме высокій стоитъ надъ нимъ, и все еще бранится и сердится. Но эти крики и брань въ одно и то же время и близки и далеки, и нисколько не тревожатъ Мордхая, а наоборотъ, навѣваютъ на него какой-то сладкій покой, разливающийся по всѣмъ членамъ, убаюкивающий и усыпляющій . . .

А за стѣнами, на дворѣ, трещали отъ мороза стволы деревьевъ и стѣны амбаровъ, выль вѣтеръ, сгоняя сухой снѣгъ, холодныя, веселыя звѣзды мигали на темномъ небѣ, лаяли собаки, вдали и вблизи, и волки бродили по пустыннымъ огородамъ, покрытымъ глубокимъ снѣгомъ, пересѣкая ихъ наискось.

Перевела Е. Жиркова.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

БИБЛІЯ

БИБЛІЯ

О, книга-книгъ! Кто не извѣдалъ,
Въ своей измѣнчивой судьбѣ,
Какъ ты цѣлишь того, кто предалъ
Свой утомленный духъ — тебѣ!

Въ чредѣ видѣній неизмѣнныхъ,
Какъ совершенна и чиста
Твоихъ страницъ проникновенныхъ
Младенческая простота!

Не меркнуть образы святые,
Однажды вызваны тобой:
Предъ Евой — искушенье змѣя,
Съ голубкой возвращенной — Ной!

Все, — въ страшный часъ въ горахъ, застыли
Отецъ и сынъ, костеръ сложивъ;
Живъ обликъ женственной Рахили,
Израиль — богоборецъ — живъ!

И кто, житейское отбросивъ,
Не плакалъ въ дѣтствѣ, прочитавъ,
Какъ братьевъ обнималъ Иосифъ,
На высотѣ честей и славы!

Кто проникалъ, не пламенѣя,
Вѣковъ таинственную даль,
Познавъ сіянье Моисея,
Съ горы несущаго скрижаль!

Рѣзецъ, и карандашъ, и кисти,
И струны, и пѣвучій стихъ —
Еще свѣтлѣй, еще лучистѣй
Творять рядъ образовъ твоихъ.

Какой поэтъ, какой художникъ
Къ тебѣ не приходилъ, любя?
Еврей, христiанинъ, безбожникъ,
Всѣ, всѣ учились у тебя!

И сколько мыслей гениальныхъ
Съ тобой невидимо слиты:
Сквозь блескъ твоихъ страницъ кристальныхъ
Намъ свѣтлятъ гениевъ мечты.

Ты вѣчно новой, вѣкъ за вѣкомъ,
За годомъ годъ, за мигомъ мигъ,
Всташь, — алтарь предъ человѣкомъ,
О Библія! о, книга-книгъ!

Ты — правда тайны сокровенной,
Ты — откровенье, ты — завѣтъ,
Всевышнимъ данный всей вселенной —
Для прошлыхъ и грядущихъ лѣтъ!

1918.

★

Х. Н. ВЯЛИКЪ

ПОДЪ ОБОЛОЧКОЙ ЯЗЫКА

★

ПОДЪ ОБОЛОЧКОЙ ЯЗЫКА

Люди изо дня въ день, намѣренно и непроизвольно, бросаютъ на вѣтеръ цѣлыя груды словъ и ихъ различныя сочтанія и только немногіе знаютъ или отдають себѣ отчетъ, чѣмъ были эти слова въ пору ихъ мощи. Многія изъ этихъ словъ рождались въ тяжелыхъ и долгихъ мукахъ многихъ поколѣній. Многія изъ нихъ внезапно вспыхивали молніями и единымъ взлетомъ освѣщали цѣлыя міры. Черезъ многія изъ нихъ тянулись и проходили сонмы живыхъ душъ — душа приходила и душа уходила и каждая оставляла за собою тѣнь и аромат. Многія изъ нихъ служили оболочками для очень тонкаго и сложнаго механизма глубокихъ мыслей и возвышенныхъ чувствъ въ ихъ наиболѣе поразительныхъ сочетаніяхъ. Есть слова — горы Божіи и слова — бездна великая. Бываетъ, въ одномъ маломъ словѣ скрыта вся сущность, все безсмертіе глубокой философской системы, итогъ цѣлаго міросозерцанія. Есть слова, которыя въ свое время покоряли народы и земли, низвергали царей съ ихъ престоловъ, потрясали основы земли и неба. Но наступалъ день, и эти слова теряли свое величіе и были, выброшены въ будни жизни, и теперь люди роняютъ ихъ въ легкой бесѣдѣ, какъ горошины чечевицы.

Слѣдуетъ ли удивляться всему этому? Безцѣльны жалобы на законы природы. Таковъ порядокъ міра, — слова возвеличиваются и слова низвергаются и становятся будничными. И важнѣе всего: вѣдь нѣтъ въ языкѣ ни одного слова, какъ бы легковѣсно оно ни было, которое въ часъ своего рожденія не являлось бы могущественнымъ и потрясающимъ душевнымъ откровеніемъ, великой и возвышенной побѣдой духа. Въ тотъ часъ, когда, наприимѣръ, первый человѣкъ былъ потрясенъ раскатомъ грома — «Гласъ Божій въ мощи, гласъ Божій въ величіи» — и когда онъ повергся ницъ, пораженный изумленіемъ и объятый Божественнымъ трепетомъ, изъ его устъ само собой вырвалось какъ бы въ подражаніе звукамъ при-

роды нѣчто вродѣ дикаго выкрика, вродѣ з близкое звуку рр, который встрѣчается въ н многочисленныхъ языкахъ, — развѣ этотъ д ись великаго освобожденія его потрясенной д крикѣ — отголоскѣ души, всколыхнутой до проявилось меньше творческой мощи и менъ нія творческой побѣды, чѣмъ въ «удачномъ возвышеннаго смысла, вырывающемся изъ ус въ часъ душевнаго воспаренія? Развѣ въ э слогѣ, зернѣ будущаго слова, не заключены чальныхъ переживаній, переживаній могуш свѣжести и величавыхъ по своей дикости, — страха и изумленія, подчиненія, восторга, и щитѣ и т. п. И если это такъ, то развѣ и п мгновеніе не являлся художникомъ и возвы интуитивно творющимъ звукъ, необычайно в по крайней мѣрѣ для него самого — самая г душевныя содраганія? Какъ много глубокой божественнаго откровенія, — какъ это уже о тель, — было въ незначительномъ словѣ «я», вымъ человѣкомъ?

При всемъ этомъ мы все же видимъ, что э гія, подобныя имъ, являются неотъемлемой даже не замѣчаемъ ихъ. Душа почти не зат содержаніе поглощено, ихъ душевная сила в затаена гдѣ-то далеко, и только ихъ оболоч единичнаго владѣнія во всеобщее пользова языкѣ и вяло несутъ для насъ рефлексивную ныхъ предѣлахъ логики и общественныхъ с виѣшнихъ знаковъ и абстракцій для вещей и того, что человѣческій языкъ сталъ какъ бы которыхъ каждый утверждаетъ себя разру одной стороны, языкъ внутренній, языкъ ду себя, въ которомъ основой, какъ въ музыкѣ въ сферѣ поэзіи; съ другой стороны, языкъ вн цій и обобщеній, въ которомъ основой, какъ ется «что» — въ области логики. Кто знаетъ лучше для человѣка, что онъ наследуетъ об содержанія. Этимъ онъ каждый разъ получа стоятельно наполнять эту оболочку содер

вать это содержаніе и проникать ее своимъ собственнымъ душевнымъ свѣтомъ. Человѣкъ стремится къ самопроявленію, и если бѣ изрекаемое слово навсегда сохранило полноту своей силы и свой первоначальный блескъ, если бѣ его вездѣ сопровождалъ весь сомнѣ переживаній и мыслей, которыя были связаны съ нимъ во дни его расцвѣта, — тогда, можетъ-быть, никакое глаголющее, существо никогда не достигло бы выявленія своей сущности и своего собственного душевнаго свѣта. Въ концѣ-концовъ, порожній сосудъ открыть для вмѣщенія, а наполненный сосудъ закрыть для вмѣщенія, и если лишенное содержанія слово порабощаетъ, тѣмъ болѣе наполненное имъ.

Больше всего тутъ поражаетъ то чувство увѣренности и спокойствія, которыя сопутствуютъ человѣку въ его рѣчи, словно онъ дѣйствительно ведетъ свою изрекаемую мысль или чувство по тихимъ водамъ и по желѣзному мосту, и онъ самъ не подозреваетъ, насколько шатокъ этотъ мостъ, сооруженный изъ словъ, насколько глубока и мрачна зіяющая подъ нимъ бездна и какимъ чудомъ является каждый благополучный шагъ, совершаемый имъ.

Вѣдь ясно, что языкъ во всѣхъ его сочетаніяхъ совершенно не вводитъ насъ во внутренній мѣръ, въ абсолютную сущность вещей, но, наоборотъ, онъ самъ заграждаетъ намъ путь къ нимъ. Внѣ ограды языка, за его завѣсой, духъ человѣка, обнаженный отъ своей словесной оболочки, вѣчно блуждаетъ и млтется. Нѣтъ реченія и словъ, но есть вѣчное *блужданіе*, вѣчное «что», застывшее на устахъ. Въ дѣйствительности тутъ нѣтъ мѣста даже для этого «что», ибо въ самомъ смыслѣ «что» таится уже надежда на отвѣтъ. Остается только «Ничто — уздой замкни свои уста».

Если все же человѣкъ достигъ дара рѣчи и находитъ въ немъ успокоеніе, это вытекаетъ изъ его великаго страха остаться на мгновеніе наединѣ, лицомъ къ лицу, съ тѣмъ мрачнымъ хаосомъ, съ тѣмъ «ничто», безъ отдѣляющей завѣсы. «Да не увидитъ меня человѣкъ и останется живъ», — говоритъ хаосъ, и каждое реченіе, каждое колебаніе слова является нѣкоторымъ покровомъ надъ клочкомъ «ничто», является оболочкой, замыкающей въ себѣ мрачную каплю вѣчнаго «не знаю». Ни одно слово не уничтожаетъ нѣблизкомъ какой-либо вопросъ; оно его только сокрываетъ подъ своей оболочкой. Безразлично, что представляетъ собою это слово. Забудьте его другимъ, лишь бы въ данный моментъ оно послужило достаточной завѣсой и сокрытіемъ.

Двѣ сестры-соперницы, находящіяся на двухъ различныхъ по-

люсахъ, нѣмая музыка и говорящая знаками математика, одинаково свидѣтельствуяютъ, что не въ томъ или иномъ словѣ дѣло, что слово это только своего рода клочекъ ткани изъ хаоса. Подобно тому, какъ тѣла становятся ощутительными для глаза и ограниченными въ своихъ предѣлахъ тѣмъ, что они на занимаемомъ ими пространствахъ заслоняютъ собою свѣтъ, такъ и слово получаетъ свое существованіе только благодаря тому, что оно закрываетъ собою небольшое отверстіе въ этомъ хаосѣ и заслоняетъ собою его мракъ, не давая ему прорваться и затушевывать границы слова. Одинокъ стоящій во тьмѣ и мракѣ ночи и дрожащій отъ страха издаетъ звуки, читаетъ «шема» или насвистываетъ губами. Зачѣмъ? Этимъ средствомъ онъ пользуется для того, чтобы отвлечь свое вниманіе и разсѣять свой страхъ. Такимъ образомъ, сила изрекаемаго слова — или цѣлой системы словъ — также не въ его опредѣленномъ содержаніи, если вообще есть таковое, но въ *отвлеченіи вниманія*, связанномъ съ этимъ изрекаемымъ словомъ. Закрывать глаза въ концѣ-концовъ, — наиболѣе легкое и пріятное, хотя и воображаемое, убѣжище отъ опасности. И тѣмъ вѣрнѣе это убѣжище, если и сама опасность таится въ раскрываніи глазъ. Хорошо поступилъ Моисей тѣмъ, что «скрылъ свое лицо». Кто знаетъ, можетъ-быть изначальное слово было изречено не въ обществѣ двоихъ, въ ихъ взаимномъ общеніи съ чисто служебной цѣлью, но оно именно вырвалось изъ устъ человѣка, сидящаго одиноко, въ его общеніи съ самимъ собою, какъ самоцѣль, какъ результатъ душевной потребности, ибо «духъ мой изумляется во мнѣ и съ сердцемъ моимъ я говорю». Не успокоился первый человѣкъ, пока не далъ внять себя ушамъ своимъ. Но тотъ же изначальный голосъ, который вознесъ человѣческое сознаніе изъ пучины хаоса, самъ всталъ внезапно, какъ отдѣляющая стѣна между человѣкомъ и потустороннимъ, словно говоря: отнынѣ, человѣкъ, да будетъ направлено лицо твое къ посястороннему. Позади себя не гляди и въ таинственное не заглядывай и если заглянешь, то тщетно проникнешь туда твой взоръ, ибо не дано человѣку видѣть «хаосъ» лицомъ къ лицу и остаться въ живыхъ. Забытый сонъ — не вспомнится больше. Къ «хаосу» твое влеченіе, и слово будетъ владычествовать надъ тобою.

Въ дѣйствительности «мысль и слово» имѣютъ силу лишь въ «посястороннемъ», въ тѣсныхъ предѣлахъ пространства и времени. Лишь въ ихъ тѣни ходитъ человѣкъ, и чѣмъ болѣе онъ приближается къ воображаемому свѣту, что *впереди его*, тѣмъ болѣе сгущается тѣнь *позади его*, и мракъ вокругъ него такимъ образомъ не

разрѣкается. Въ поюстороннемъ можно, можетъ быть, объяснить многое съ большимъ или меньшимъ трудомъ, но можно объяснить. Главное то, чтобы полное пространство мысли человѣка ни на одно мгновеніе не осталось пустымъ, безъ словъ, тѣспящихся и расположенныхъ другъ возлѣ друга, — на подобіе чешуи панциря, — такъ чтобы между ними не осталось ни малѣйшаго промежутка.

Свѣточъ мысли и слова — головки и пламени — вовѣки не угасаетъ. Но что, въ концѣ-концовъ, значить это пространство поюсторонняго, находящагося въ предѣлахъ воображаемаго свѣта, въ сравненіи съ безконечнымъ моремъ вѣчнаго мрака, который все еще остается и навсегда останется неизвѣ. Въ концѣ-концовъ именно этотъ вѣчный мракъ, наводящій такой ужасъ, — вѣдь онъ самъ всегда влечетъ къ себѣ втайнѣ сердце человѣка, пробуждаетъ въ немъ скрытое томленіе — на мгновеніе заглянуть въ этотъ мракъ. Всѣ боятся этого мрака и всѣ влекутся къ нему. Устами нашими мы воздвигаемъ надъ нимъ завѣсы многочисленныхъ словъ и системъ для того, чтобы скрыть его отъ глазъ, и тотчасъ же ногтями нашими стараемся процарапать и продырявить эти завѣсы, для того, чтобы открыть въ нихъ небольшое отверстіе, хоть какую нибудь щель, и черезъ нее на одно мгновеніе заглянуть въ потустороннее. Но, увы, тщетно усилие человѣка. Въ тотъ моментъ, когда щель, казалось бы, раскрылась, — уже другая завѣса въ видѣ слова или новой системы внезапно становится на мѣсто старой и снова заволакиваетъ глаза.

Такъ тянется до безконечности. Слово приходитъ и слово уходитъ. Система восходитъ и система заходитъ. Древнее и вѣчное «не знаю» стоитъ непоколебимо, не измѣняясь и не уменьшаясь.

Выдача векселя или отмѣта долга въ книгѣ не есть еще уплата долга. Это значить лишь временно разгрузить память отъ ея ноши, но не больше. То же самое относится къ сознательно изрекаемому слову, т.-е., къ обозначенію имени, къ установленію порядковъ и предѣловъ для явленій и ихъ сочетаній. Слово само по себѣ еще не заключаетъ какого либо отвѣта на вопросъ о сущности вещей и явленій. Даже слово точнаго отвѣта на самомъ дѣлѣ есть только другой вариантъ самого вопроса. Вопросительный знакъ замѣняется восклицательнымъ, сокрывающее выраженіе является на мѣсто раскрывающаго. Если бъ мы хотѣли извлечь конечную суть всѣхъ словъ и системъ, то въ концѣ-концовъ, послѣднѣяго извлеченія мы получимъ только всеобъемлющее слово, состоящее изъ трехъ буквъ. Передъ нами снова страшное «что», за ко-

торымъ стоитъ нѣкій, еще болѣе страшный «иксъ» — «ничто». Но человѣкъ предпочитаетъ раскroшить свой долгъ на мелкія частицы, въ тщетной надеждѣ облегчить такимъ образомъ уплату долга. Когда надежда не сбывается, онъ замѣняетъ одно слово другимъ, одну систему другой, т.-е., онъ даетъ новый вексель вмѣсто стараго и отсрочиваетъ или разсрочиваетъ для себя время погашенія долга. Такъ или иначе — но долгъ никогда не взыскивается.

Слово или система низвергается, такимъ образомъ, съ высотой своего величія и уступаетъ свое мѣсто другому, не потому что оно не обладаетъ больше достаточной силой освѣщать, цѣликомъ или частично уничтожить это вѣчное «не знаю», но какъ разъ наоборотъ: благодаря тому, что слово или система истерты отъ долгаго употребленія и трепанія, въ нихъ нѣтъ больше способности для полнаго сокрытія и заслоненія, и само собой нѣтъ въ нихъ больше временнаго отвлеченія вниманія. Человѣкъ на время заглядываетъ въ открывшуюся трещину, и къ своему великому страху онъ снова видитъ передъ собою ужасающій «хаосъ». Онъ спѣшитъ немедленно закрыть трещину новымъ словомъ, т.-е. онъ прибѣгаетъ къ испытанному имъ на прежнемъ словѣ средству, отвлекающему на время вниманіе, и онъ спасенъ отъ страха. И не удивляйтесь. Это средство помогаетъ вѣрющимъ въ него, ибо сама вѣра есть не что иное, какъ отвлеченіе вниманія.

Развѣ мы не встрѣчаемся съ подобнымъ явленіемъ и по отношенію къ самому человѣку?

Пока человѣкъ живетъ, стремится, движется и дѣйствуетъ, онъ какъ бы заполняетъ пространство.

Весь потокъ жизни, все ея содержаніе, это только постоянное стремленіе, непрерывное усиліе къ отвлеченію вниманія. Каждое мгновеніе «погони за» есть въ то же время «бѣгство отъ». Последнее и только оно — все воздаяніе за первое.

Бѣгство — воздаяніе за погоню. Гонимая за чѣмънибудь, человѣкъ ежеминутно находитъ временное удовлетвореніе не въ томъ, что онъ въ погонѣ настигаетъ, но въ томъ, что онъ отъ чего-то спасается. Это даетъ ему тѣнь успокоенія и временное чувство увѣренности. «Ибо тотъ, кто примѣнится ко всей жизни, у того есть увѣренность». Но вотъ человѣкъ умеръ, и пространство опустѣло. Нѣтъ ничего, что отвлекаетъ вниманіе, и завѣса исчезла. Все вдругъ становится непонятнымъ. Невѣдомое снова появляется передъ нами во всемъ ужасѣ своего величія и мы сидимъ передъ нимъ на землѣ, окутанные тьмой, скорбные и нѣмые, какъ камни. Но лишь

одно мгновеніе. Ибо ангелъ жизни преуготовилъ для насъ исцѣленіе раньше, чѣмъ поразить насъ: онъ тотчасъ же дастъ намъ новое средство, отвлекающее наше вниманіе и разсѣивающее нашъ страхъ. Еще прахъ не покрылъ мертвое тѣло, и опустѣвшее пространство снова оказывается замкнутымъ какимъ нибудь словомъ, — надгробной жалобы, утѣшенія, философіи или вѣры въ безсмертіе души и т. п. Самое опасное мгновеніе — какъ въ словѣ, такъ и въ жизни — это промежутокъ времени между однимъ сокрытіемъ и другимъ, когда хаосъ выглядываетъ изъ бездны. Но подобныя мгновенія не многочисленны и въ обычномъ теченіи языка и въ обычномъ ходѣ жизни. Люди большей частью перескакиваютъ черезъ эти мгновенія и не чувствуютъ ихъ. Господь хранитъ довѣрчивыхъ душой.

*

*

Изъ всего вынесказаннаго вытекаетъ то большое различіе, которое существуетъ между языкомъ прозаиковъ и языкомъ поэтовъ. Первые опираются на общее и сходное въ явленіяхъ и словахъ, — на устойчивое и установленное въ языкѣ, на общепринятый стиль — и поэтому они увѣренно совершаютъ свой путь въ мірѣ языка.

Кому они подобны? Тому, кто проходитъ черезъ рѣку по окаменѣвшему и какъ бы скованному изъ одного куска льду. Онъ въ правѣ и въ состояніи совершенно отвлечь свое вниманіе отъ скрытой пучины, kloкочущей подъ его ногами. Другіе же, поэты, — чья область — намекъ, тайна, символъ, всегда охвачены стремленіемъ къ индивидуальному началу въ вещахъ, къ одинокому и единственному, къ тому, что превращаетъ явленія, — и соответствующія имъ сочетанія языка — въ единичное и вѣрки неповторяемое, стремленіемъ къ самобытной особенности и душѣ вещей, какъ онѣ въ опредѣленное мгновеніе запечатлѣлись въ душѣ тѣхъ, кто ихъ созерцаетъ. Послѣдніе поэты — вынуждены вслѣдствіе этого бѣжать отъ устойчиваго и застывшаго въ языкѣ, какъ противорѣчащаго ихъ цѣли, и искать того, что въ немъ постоянно живетъ и движется. При этомъ имъ самимъ приходится каждое мгновеніе вносить въ языкъ съ помощью вѣренныхъ имъ ключей — безпрерывное движеніе, новыя сочетанія и соединенія. Слова трепещутъ подъ ихъ руками. Гаснутъ и зажигаются, заходятъ и восходятъ, какъ драгоценный камень на священническомъ одѣяніи, опустошаются и снова наполняются, лишаются души и снова приобретаютъ душу.

Благодаря этому въ матеріалѣ языка происходитъ смѣна ролей и мѣстъ. Одинъ штрихъ, одна іота — и старья слова озаряются новымъ свѣтомъ. Будничное освящается и священное становится будничнымъ. Подобныя опредѣленные слова мгновение за мгновение освобождаются отъ своихъ оправъ и мѣняются другъ съ другомъ мѣстами. А въ промежуткѣ, незакрытомъ словами, зіяеть бездна, и въ этомъ тайна великой силы языка поэзіи. Въ немъ искушеніе дерзанія, сладкій страхъ противостоянія испытанію. Кому подобны тѣ, которые пользуются этимъ языкомъ? Тому, кто проходитъ рѣку въ часъ ледохода, по плавающимъ и колеблющимся льдинамъ. Сохрани Богъ слишкомъ долго задержать свою ногу на одной льдинѣ, больше чѣмъ требуется для того, чтобы перескочить съ одной льдины на другую. Между льдинами глядять бездна, нога скользить — опасность близка. Но все же и тутъ есть такіе, которые благополучно достигаютъ другого берега. Не однихъ только довѣрчивыхъ душой хранить Господь.

Таковъ языкъ словъ. Но, кромѣ него, есть еще у Господа языкъ безъ словъ: пѣніе, плачь, смѣхъ. И всѣхъ ихъ сподобилось глаголющее существо. Этотъ языкъ начинается тамъ, гдѣ кончается слово. Приходитъ онъ не для того, чтобы сокрывать, но для того, чтобы раскрывать. Онъ нарастаетъ и поднимается изъ бездны. Онъ — восхожденіе самой бездны. Бываетъ, поэтому, что этотъ языкъ безъ словъ захлестываетъ и уноситъ насъ напоромъ своихъ волей и никто не въ силахъ противостоятъ ему, поэтому онъ приводитъ иногда человѣка къ безумію или даже къ гибели. Всякое твореніе духа, въ которомъ нѣтъ отголоска одного изъ видовъ этого языка, лишено подлинной жизни и существованію его нѣтъ оправданія.

★

Л. ЯФФЕ

СТИХОТВОРЕНІЯ

★

EREZ ISRAEL

Мой край, отрѣзанный морями
Кипящей крови и огня,
Въ моей душѣ горюшь лучами
Неугасающаго дня.

Моя душа благоуханьемъ
Твоимъ всегда напоена
Съ тѣхъ поръ какъ Библии дыханьемъ
Была обвѣяна она.

И гордый кедръ твой на Ливанѣ,
Твой каждый холмъ и каждый долъ
Мнѣ были ближе и желаннѣй
Страны, гдѣ юность я провелъ.

Тебѣ, страна моя родная,
Порывы юношескихъ силъ,
Въ восторгѣ творческомъ рыдалъ,
Я безраздѣльно приносилъ.

Тоской и радостью томимый
Къ мечтѣ далекой взоръ воздѣвъ,
Тебѣ, не женщиной любимой,
Сложилъ я первый свой напѣвъ.

Ты въ скорби вдовьей и священной,
Всегда печальна и свѣтла,
Въ моей душѣ устало — плѣнной,
Какъ мать — страдальница жила

Ты вновь цвѣла благоуханнѣй,
Ты вновь сіяла мнѣ свѣтлѣй
Въ зеленой и расцвѣтшей тнани
Твоихъ воскреснувшихъ полей.

И въ дни, когда война сурово
Испепеляющимъ перстомъ
Коснулась нашей нивы новой,
Прошла надъ нашимъ очагомъ,

Ты стала мнѣ еще дороже,
За каждый стебель твой дрожу,
Въ благоговѣйной страстной дрожи
Я имя свѣтлое твержу.

Москва, 1918.

II

ВЪ ОМАРОВОЙ МЕЧЕТИ

Въ оградѣ храмовой затихли гулы дня.
Мы подошли къ священному порогу.
Мы, обувь снявъ, вошли. Молчаніе храня,
Намъ старый шейхъ показывалъ дорогу.

Ворвался день въ просвѣтъ узорнаго стекла,
Блеснулъ лампадь неугасимый пламень.
Подъ круглымъ куполомъ гранитная скала, —
Алтарь нашъ древній, первозаданный Камень.

Вѣковъ исчезнувшихъ открылась глубина.
На камнѣ стертый слѣдъ тысячелѣтій.
На нишахъ и окнѣ Корана письма
Причудливо играютъ въ полусвѣтѣ.

Сюда въ былые дни лишь разъ въ году входилъ
Молись за свой народъ Первосвященникъ.
Я здѣсь стою теперь безъ радости и силъ,
Чужихъ святыхъ и чуждой жизни плѣнникъ.

Въ большую душу свѣтъ развѣянныхъ временъ,
Какъ свѣтъ надгробный, куполь льетъ узорный.
Въ мерцаніи лампадь у мраморныхъ колоннъ
Перебираетъ четки дервишъ черный,

Недоумѣнный взоръ полузакрытыхъ глазъ
Покоится на гостѣ — иновѣрцѣ...
Бродили долго мы по храму... Въ этотъ часъ
Послѣдней кровью исходило сердце...

III

ВЪ ДОЛИНѢ САРОНА

Съ холма я вижу ширь Сарона
Луговъ сверкающей уборъ
И моря солнечное лоно,
И выси Иудейскихъ горъ.

Вокругъ — минувшаго обломки,
Безмолвье мрачное могилъ,
А рядомъ — радости и громки
Расцвѣтъ и трепеть новыхъ силъ.

Въ сѣяньи утреннемъ деревни
Лучемъ пронизаны насквозь;
Здѣсь въ каждомъ камнѣ, въ глыбѣ древней
Съ былымъ грядущее слилось.

Поля, долины и курганы
Свой тяжкій сбрасываютъ плѣнь...
Мой свѣтлый край, мой край желанный,
Вовѣки будь благословень!...

★

С. ДУБНОВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ АБРАМОВИЧЪ
МЕНДЕЛЕ-МОХЕРЪ-СФОРИМЪ

★

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ АБРАМОВИЧЪ

I

Онъ пришелъ въ міръ въ мрачныя времена царя Николая I и ушелъ въ первые дни большевистскаго переворота. Онъ былъ питомцемъ хедера и іешивы на Литвѣ въ тѣ годы, когда его сверстниковъ «ловили» и отправляли въ отряды малолѣтнихъ кантонистовъ. Онъ объѣзжалъ мѣстечки Волыни въ телѣгѣ Авремеле Хромого во времена «разрядовъ и «пойманниковъ», когда — по его выраженію — «битые били своихъ же, истерзанные терзали другъ друга». Онъ сталъ учителемъ казенной еврейской школы въ Каменецъ-Подольскѣ въ началѣ царствованія Александра II, когда и ему казалось, что въ учительской головѣ подъ казенной фуражкой кроется тайна спасенія русскаго еврея. Эпоху «гаскалы» онъ продѣлалъ въ Бердичевѣ и Житомирѣ, принимая дѣятельное участіе въ кипѣвшей кругомъ борьбѣ между просвѣщенными и обскурантами. Въ ассимилированной Одессѣ онъ пережилъ погромы и тяжкій гнетъ Александра III и Николая II, движеніе палестинофильства, сіонизма, націонализма, социализма. Уже наполовину парализованный дожилъ онъ до февральской революціи 1917 года и почти безъ сознанія лежалъ въ октябрьскіе дни. Съ Абрамовичемъ отошло въ вѣчность столѣтіе нашей исторіи. Онъ покинулъ насъ на порогѣ совершенно новой исторической эпохи, имѣющей наступить послѣ нынѣшняго всемірнаго потопа.

Три поколѣнія прошли передъ его глазами, глубоко проникшими въ души людей. Образы этихъ трехъ поколѣній отразились въ его произведеніяхъ, сдѣлавшихъ его подлѣ концъ «дѣдушкою» еврейской литературы. Его талантъ, какъ извѣстно, выросъ въ послѣдній періодъ его литературной дѣятельности настолько, что онъ переработалъ заново большую часть своихъ раннихъ произведеній. Въ этотъ періодъ онъ создалъ свой собственный стиль

на двухъ языкахъ — національномъ и народномъ, свой методъ изображенія жизни, и не могъ уже признать дѣтми своего духа произведенія, написанныя въ молодости подъ вліяніемъ окружающей среды. Каждый писатель долженъ въ первые годы своей дѣятельности сидѣть на чужихъ хлѣбахъ (*auf Kost sitzen*), питаться и кормить другихъ готовыми мыслями и облекать ихъ въ готовые, допускаемая литературною модою формы: но признакъ истиннаго писателя въ томъ, что онъ съ теченіемъ времени отходитъ отъ общепринятыхъ образцовъ, начинаетъ творить свое содержаніе и свой стиль, становится индивидуальнымъ и дѣлается самъ образцомъ для другихъ. Такое переходное время переживалъ С. М. Абрамовичъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, превращаясь въ самобытнаго Менделе Мохеръ-Сфоримъ.

Къ концу этой переходной эпохи въ творчествѣ С. М. Абрамовича, когда его талантъ поднялся до высоты лучшей эпопеи еврейской жизни — «*Wünschfingerl*», познакомился я съ нимъ. Тринадцать лѣтъ былъ я затѣмъ близокъ съ нимъ и видѣлъ, какъ въ старѣющемъ писателѣ изъ года въ годъ все сильнѣе разгорался огонь творчества, какъ углублялся его взглядъ на жизнь въ ея индивидуальныхъ и коллективныхъ проявленіяхъ. На немъ лишний разъ подтвердилась психологическая вѣрность изреченія Талмуда, что низшія природы духовно дряхлѣютъ въ старости, а высшія крѣпнутъ. До послѣдняго года жизни 85-лѣтній старецъ сохранилъ крѣпость и ростъ духа.

То было поздней осенью 1890 года. Я только что переѣхалъ изъ Петербурга въ Одессу и находился еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ появившейся въ томъ году (въ «Библиотекѣ» Шаломъ-Алейхема) 2-й части «*Wünschfingerl*». За два мѣсяца до моего пріѣзда въ Одессу, я высказалъ свой взглядъ на это произведеніе въ очередномъ литературномъ обзорѣ «Восхода» («Народная и протонародная литература», кн. 9), гдѣ сравнивалъ замѣчательную эпопею Абрамовича по ея типу и стилю — смѣсь эпоса и лирики — съ «Мертвыми душами» Гоголя. Въ сѣрый ноябрьскій вечеръ я впервые посѣтилъ дотолѣ лично незнакомаго миѣ Менделе. Изъ моей квартиры на томъ концѣ Базарной улицы, который примыкаетъ къ приморскому парку, я отправился на другой конецъ, гдѣ улица, перерѣзывая Старый Базаръ, уходитъ въ бѣдные кварталы, около «Толчка», и приближается къ Молдаванкѣ. Здѣсь, въ старомъ большомъ домѣ, рядомъ съ солдатскими казармами, занимала тогда цѣлый этажъ извѣстная реформированная Талмудъ-Тора, о которой пи-

саль еще гуманность Пироговъ. Этажемъ выше была расположена квартира завѣдующаго этимъ училищемъ, Соломона Моиссевича Абрамовича. Эту должность Менделе занялъ лѣтъ за десять до моего прїѣзда и на первыхъ порахъ былъ счастливъ тѣмъ, что послѣ долгихъ лѣтъ матеріальной нужды въ Житомирѣ добился вѣрнаго куска хлѣба и возможности спокойно отдаваться литературному творчеству въ часы, свободные отъ педагогической дѣятельности.

Я вошелъ въ кабинетъ старообразной, съ невысокими потолками, квартиры. Высокій стройный человѣкъ, съ просьбю въ небольшой бородкѣ и черной волнѣ волосъ на головѣ, встрѣтилъ меня прївѣтливо, какъ стараго знакомаго. Началась оживленная бесѣда о литературѣ, политикѣ, Петербургѣ, Одессѣ, о его послѣдней незаконченной повѣсти и планѣ слѣдующихъ ея частей. Менделе любилъ говорить, но онъ рѣдко утомлялъ вдумчиваго собеседника, а, напротивъ, все болѣе увлекалъ его въ кругъ своихъ мыслей: такъ оригинальны, хотя часто и парадоксальны, были его мысли, выраженія манера доказывать. Все тутъ было свое, не заимствованное изъ ходячихъ бесѣдъ на модныя темы или изъ книгъ и газетъ, эти мысли и выраженія тутъ же творились въ процессѣ бесѣды, и напряженіе работающей мысли сказывалось при этомъ въ наморщенномъ лбу, въ глубоко ушедшемъ внутрь взглядѣ, въ жестикуляціи пальцами, какъ въ іешивѣ при объясненіи труднаго мѣста Талмуда. Мы оба не замѣтили, какъ бесѣда затянулась до поздняго вечера, и когда мы посмотрѣли на часы, мы оба разсмѣялись: мы просидѣли часовъ пять. «Вотъ — говоритъ Менделе — вы спѣшили домой (я сначала заявилъ, что пришелъ не надолго и не хочу ему мѣшать), нѣтъ, отъ меня такъ скоро не отдѣлываются, ничего, мы еще поговоримъ»... И онъ меня еще порядочно продержалъ въ передней, какъ будто ему нужно было кончить важное дѣло.

Поздно, около полуночи, возвращался я домой. Порошилъ первый снѣжокъ, осыпая бѣлыми пушинками гладкую мостовую пустынной улицы, и я думалъ о юномъ старикѣ, говорившемъ съ такимъ жаромъ, такъ умно и своеобразно, хотя и не все въ желательномъ миѣ духѣ, — думалъ объ этомъ глубокоомъ родникѣ думъ и образовъ, откуда вышли философія «Клячи», эпосъ «Фишки Хромого» и «Волшебнаго кольца».

С. М. Абрамовичу было тогда 55 лѣтъ, по официальному счету въ его биографіи, написанной Л. Винштокомъ къ его 25-лѣтнему

литературному юбилею въ 1885 г. Но у одесситовъ были большія сомнѣнія относительно точности этого счета: всѣ полагали, что «дѣдушка» на нѣсколько лѣтъ старше, чѣмъ это указано въ его литературной метричкѣ. Самъ Менделѣ не любилъ пускаться въ разсужденія на эту тему, въ силу какого-то предразсудка, мѣшающаго патриархальнымъ старцамъ открывать тайну своего возраста. Когда у него собирались гости въ годовщину его рожденія, 20 декабря, случилось, что кто нибудь изъ неопытныхъ гостей спрашивалъ его о лѣтахъ, — но «именинникъ» уклонялся отъ отвѣта, указывая на меня со словами: «не знаю; воть спросите историка: онъ обязанъ знать хронологію». И я, конечно, долженъ былъ исходить изъ официальной даты 1835 года, — года рожденія Абрамовича, — со ссылкой на первоисточникъ, Бинштока, не подвергая его на мѣстѣ критическому разбору. Менделѣ не любилъ также, когда его въ тѣ годы, съ легкой руки Шаломъ-Алейхема, величали «дѣдушкою», такъ какъ и въ понятіи «литературный дѣдушка» заключался намекъ на старость. И дѣйствительно, онъ тогда и значительно позже былъ свѣжъ, бодръ и подвиженъ, часто бодрѣе, чѣмъ иные изъ его «внуковъ».

Скоро у насъ образовался маленькій литературный кружокъ. Первоначально туда вошли, кромѣ насъ двоихъ, старые одесскіе пріатели Менделѣ — Бенъ - Ами и Равницкій, а позже къ нему примкнули еще нѣкоторые писатели и представители интеллигенціи. Въ нашихъ собраніяхъ горячо дебатировались преимущественно литературные вопросы, а нерѣдко и высшія проблемы философіи и религіи. Но весной 1891 года насъ больше волновали политическія дѣла. Это было въ пасхальные дни рокового года, въ дни изгнанія евреевъ изъ Москвы и зловѣщихъ слуховъ о готовящихся еще правительственныхъ погромахъ, придуманныхъ Александромъ III и его сподвижниками какъ бы въ ознаменованіе десятилѣтія уличныхъ погромовъ 1881 года. Мы всѣ были охвачены чувствами скорби и возмущенія и въ горячихъ спорахъ доказывали каждый свой взглядъ на задачи политическаго момента: одинъ видѣлъ спасеніе въ усиленной колонизаціи Палестины, предпринятой тогда одесскимъ Палестинскимъ Обществомъ; другіе говорили объ урегулированіи эмиграціи въ Америку, принявшей вскорѣ грандіозные размѣры; третьи проектировали агитационную поѣздку по Европѣ съ цѣлью поднять западныхъ политическихъ дѣятелей противъ русскаго правительства (мое предложеніе). Одинъ только Менделѣ не становился на опредѣлен-

ную точку зрѣнія и каждый разъ высказывался «какъ Богъ на душу положить», по настроенію данного момента. Мнѣнія у него поэтому были довольно разнообразны, и часто онъ съ жаромъ доказывалъ явные парадоксы; но все было остроумно, оригинально и толкало собесѣдниковъ къ углубленію вопроса. Въ тѣ пасхальные дни мы ждали погрома и въ Одессѣ, и я помню, какъ во время прогулки Абрамовичъ какъ-то сказалъ мнѣ: у моей жены вещи уже запакованы въ сундукахъ на колесахъ, для быстрой эвакуаціи на случай нападенія.

Поэтически-грустное лѣто послѣдовало за той бурною весною. Я поселился въ нѣмецкой колоніи Люстдорфъ, на чудномъ берегу Чернаго моря, въ двухъ часахъ ѣзды отъ Одессы. Недалеко отъ меня поселился Шаломъ-Алейхемъ, который тогда вернулся въ Одессу изъ-за границы, куда «бѣжалъ» послѣ своего финансоваго банкротства въ Кіевѣ; онъ жилъ въ пригородной дачѣ на Большомъ Фонтанѣ, и по дорогѣ въ Люстдорфъ. Посреди лѣта къ намъ пріѣхалъ и С. Г. Фругъ, мой старый петербургскій пріятель, котораго полиція лишила права жительства въ столицѣ, и онъ все лѣто скитался между Одессою и Люстдорфомъ.* Рядомъ съ нами поселился Бенъ-Ами. «Дѣдушка» съ своимъ вѣрнымъ спутникомъ Равницкимъ нерѣдко наѣзжали къ намъ изъ города, забирал по пути «внука», Шаломъ-Алейхема. Трудно забыть то лѣто. Каждому изъ насъ было нелегко на душѣ: много было и личного, и общаго горя; но именно это и привязывало насъ другъ къ другу. Вотъ растянулись мы всѣ на бѣломъ пескѣ на берегу моря, часами смотримъ въ безбрежную морскую даль, уходящую на лучезарный Босфоръ, и бесѣдуемъ. Менделе особенно хорошо настроенъ, сыплеть остротами, анекдотами, истинно-художественными рассказами о разныхъ встрѣчахъ въ жизни: о житомирскомъ кружкѣ учителей равнинскаго училища, о Цвейфелѣ, Готлоберѣ, Лернерѣ, Слонимскомъ, Сухоставерѣ, давая блестящія — большею частью сатирическія — характеристики каждаго. Вотъ ходимъ мы по скатамъ и обрываамъ высокаго берега, и Менделе въ нужныхъ мѣстахъ ловко лазить и дѣлаетъ своими длинными ногами прыжки не хуже любого изъ молодыхъ. Входимъ въ большой садъ съ виноградникомъ на окраинѣ нѣмецкой колоніи, прославленный «садъ Шульце», пьемъ чай и вино, ѣдимъ только что сорванный виноградъ и фрукты, — и бесѣда длится до вечернихъ сумерекъ.

* См. мои воспоминанія о Шаломъ-Алейхемѣ и Фругѣ въ «Еврейской Старинѣ» 1916 года.

Помню одну прекрасную лѣтнюю ночь послѣ такой прогулки, во дворѣ моей дачи. Мы всѣ сидѣли въ бесѣдкѣ, при свѣтѣ августовскихъ звѣздъ, и пѣли народныя пѣсни. Фругъ прелестно спѣлъ «хасидскую» пѣсню: «Wos wet sain, wen moschiach wet kumen» съ такими ужимками истаго хасида, что трудно было догадаться, что это — пародія «миснагида».

Di Boid wet sain fun Parmet, un di Röder fun azei goifer, un di Baitsch wet sain Zizes zugebunden zu a Schoifer — разливалась полная тоски и блаженства пѣсенка въ ночной тишинѣ, надъ спящей колоніей, надъ ближними полями и огородами. Въ состояніе настоящаго экстаза привела насъ хасидская мелодія безъ словъ, спѣтая Бень-Ами. Всѣ подхватили этотъ сердце шемящій грустный мотивъ, хоромъ подтягивая пѣвцу, продѣлывая полагающіеся при этомъ выразительные жесты, закатывая глаза къ небу и пристукивая пальцами. И неслись звуки пѣсенъ восторженныхъ рыцарей хасидизма на часъ, — какъ бы вѣтромъ занесенные сюда изъ лѣсовъ и полей Волини или Подоли, и море что-то издали отвѣчало... Менделе потомъ сидѣлъ задумавшись: можетъ быть, ему вспомнились «буда» Авремеле, въ которой объѣзжалъ Волинь бѣдный мальчикъ изъ Копыля, миссія «гаскалы» и борьба съ хасидами въ Каменцѣ-Подольскомъ и Бердичевѣ... Больше четверти вѣка прошло со времени этого поэтического сна въ лѣтнюю ночь, и только послѣдніе два года вырвали изъ нашихъ рядовъ трехъ участниковъ нашего люстдорфскаго кружка: Шаломъ-Алейхема, Фруга, Абрамовича.

II

Нашъ одесскій кружокъ съ Абрамовичемъ во главѣ собирался регулярно нѣсколько лѣтъ, между 1891 и 1897 годомъ. Гости кружка разѣхались въ разныя стороны: Фругъ — въ Петербургъ, Шаломъ-Алейхемъ — въ Кіевъ, а въ Одессѣ осталось съ полдюжины «дѣйствительныхъ членовъ», къ которымъ по временамъ примыкали люди со стороны. Нашъ маленькій кружокъ былъ чисто-литературнымъ, безпартійнымъ, и въ этомъ заключалось отличие его отъ «массонскаго» кружка Ахадъ-Гаама — «Бне-Моше», одновременно существовавшаго въ Одессѣ. Тамъ участвовали палестинцы, «Ховева Ціонъ», принявшіе лозунгъ Ахадъ-Гаама: безъ духовнаго возрожденія націи не можетъ быть возрожденія земли.

«Бне-Моше» (или «di roite jüdlach»), какъ шутливо называлъ ихъ Менделе, намекая на названіе кружка и рыжіе волосы нѣкоторыхъ выдающихся его членовъ) собирались еженедѣльно по пятницамъ вечеромъ въ квартирѣ своего лидера, допуская въ свою среду и постороннихъ, еще непосвященныхъ. Наши же собирались въ субботніе вечера. Кажется, одинъ Равницкій бывалъ въ обоихъ кружкахъ регулярно, и Менделе въ шутку называлъ его «соглядатаемъ съ того берега Самбатіона». Сначала мы большею частью собирались въ новой, обширной и свѣтлой квартирѣ Абрамовича, отведенной завѣдующему во вновь выстроенномъ большомъ домѣ на Дегтярной улицѣ; но потомъ мы стали собираться поочередно и въ квартирахъ другихъ участниковъ — у меня, Бень-Ами, покойнаго славнаго доктора Михельсона. Сверхъ субботнихъ собраній бывали еще чрезвычайныя встрѣчи: на семейныхъ вечерахъ, въ праздничные дни и въ вечеръ на гражданскій новый годъ. Разговорнымъ языкомъ въ кружкѣ былъ, какъ водится въ Одессѣ, русскій, разумѣется — съ большою примѣсью еврейскихъ «Wörtlechen». Русская рѣчь Менделе не была свободна отъ ошибокъ, но мы это мало замѣчали: до того была она богата оригинальными выраженіями, живой образностью, и часто пересыпалась блестками народной нашей рѣчи.

Если среди насъ былъ человѣкъ, стоявшій внѣ какихъ бы то ни было партій или программъ, то это былъ Менделе. Онъ былъ безпартійнымъ не по внѣшнимъ причинамъ, или потому, что не умѣщался въ рамкахъ существующихъ партій, а потому что онъ по природѣ не могъ быть человѣкомъ опредѣленнаго идейнаго направленія въ вопросахъ общественныхъ, не могъ признавать какую-либо программу обязательною или какую-нибудь систему принциповъ окончательно установленною. Онъ былъ по природѣ «ди-кимъ» въ смыслѣ социальномъ и политическомъ: въ этой области у него были настроенія, симпатіи и антипатіи, но не твердые принципы, а настроенія у него часто мѣнялись въ зависимости отъ личныхъ, субъективныхъ впечатлѣній, напримѣръ отъ взгляда на личности представителей той или другой партіи. Онъ не любилъ слишкомъ модныхъ и шумныхъ политическихъ движеній, ибо чѣмъ больше приверженцевъ имѣло данное движеніе, тѣмъ чаще онъ имѣлъ возможность наблюдать *въ лицахъ* смѣшныя или отрицательныя его стороны, вырожденіе идеи въ примкнувшихъ къ ней малосознательныхъ людяхъ, а онъ, какъ художникъ быта, въ своей оцѣнкѣ исходилъ отъ лицъ къ идеямъ, а не наоборотъ. Такъ, онъ не

примкнулъ къ официальному палестинофильству («сионизма» до 1897 г. еще не было), которое имѣло въ Одессѣ свой органъ — палестинскій комитетъ, хотя очень сочувствовалъ идеѣ колонизаціи Палестины и лично высоко цѣнилъ одного изъ вождей партіи, д-ра Пинскера. Старый «маскиль» изъ житомирскаго кружка раввинскаго училища, другъ юности М. Г. Моргулиса, Абрамовичъ однако не входилъ въ то общество ассимилированныхъ или ассимиляторовъ, у которыхъ высшимъ авторитетомъ была гуманность Моргулиса, пріятный учитель, не требовавшій отъ своихъ адептовъ никакихъ обязательствъ по отношенію къ націи, кромѣ одного: теоретически признавать превосходство іуданства и его этики. Менделе не любилъ ассимиляціи (по крайней мѣрѣ, въ одесскій періодъ его жизни), но бороться съ нею вмѣстѣ съ націоналистами, хотя бы въ области школы и культуры, онъ не считалъ необходимымъ, ибо не признавалъ опредѣленной положительной системы націонализма, ни политическаго, ни культурноавтономистскаго. Онъ былъ и свободомыслящимъ, и религіознымъ: придавалъ важное значеніе главнымъ обрядамъ, особенно публичнымъ (въ качествѣ завѣдующаго Талмудъ-Торой онъ и официально долженъ былъ соблюдать субботу, праздники, кошеръ и т. п.), и относился терпимо къ вольнодумству въ области догматической. Однако, и здѣсь терпимость его простиралась до извѣстной границы, и онъ не могъ переносить ни задорнаго отрицанія основъ вѣры, ни слишкомъ крайнихъ выводовъ библейской критики, насколько это проявлялось въ конкретной формѣ (объ этомъ будетъ рассказано дальше). Тутъ онъ былъ твердъ, или точнѣе — становился все тверже по мѣрѣ приближенія къ глубокой старости. Во всѣхъ же другихъ областяхъ онъ былъ поистинѣ «свободнымъ художникомъ» въ творествѣ возрѣній. Я не разъ говорилъ ему лично и въ присутствіи другихъ: вы, какъ художникъ, конкурируете съ Богомъ, который, по агадической легендѣ, забавляется тѣмъ, что строить міры и разрушаетъ ихъ для перестройки: вы строите міросозерцаніе и затѣмъ разрушаете его. Часто было наслажденіемъ бесѣдовать съ Менделе наединѣ или въ маленькомъ кружкѣ: такъ онъ углублялъ мысль даже своими отступленіями отъ темы и парадоксами; но въ собраніи, гдѣ идеологическія пренія должны привести къ принятію опредѣленнаго тезиса или рѣшенія, онъ могъ только мѣшать, какъ воплощеніе антитезиса, и самъ онъ избѣгалъ такихъ собраній.

Въ наши субботніе вечера Абрамовичъ часто читалъ намъ от-

рывки из своих только что написанных произведений. В ту пору он перестал писать для печати на разговорном языке и вернулся к древне-еврейскому, точнее — к созданию нового германского стиля. Причина была случайная: Шалом-Алейхем, лишившийся своих прежних финансовых ресурсов, прекратил издание «Volksbibliothek», и «дядушк» негдѣ было печатать продолжение своего «Волшебного кольца». Порядочных издателей для книг на родном языке тогда еще не было (потом появились издательства «Ахисаф» и другие для книг на древне-еврейском языке), и Менделе забросил свою лучшую и крупнейшую повесть, сколько я его ни убеждал, чтобы он продолжал работу для будущего. Он обыкновенно писал, когда редакторы или издатель подталкивали, требуя рассказа для сборника или журнала. В то время член нашего кружка Равницкий издавал весьма приличный литературный сборник «Пардес», и Менделе обязательно должен был давать для каждого тома один или два рассказа. Загѣм он еще писал для ежегодных альманахов «Ахисафа» в Варшавѣ. При мнѣ написаны были и почти целиком прочитаны нам автором в рукописи рассказы из современной жизни: «Yuemei hataasch», «Yueschiwa vchel mata», вступление к «Vajashim ha'em». В них нашли отзвук горячій пренія, которая велась в субботних собраніях нашего кружка о палестинфильствѣ, американской эмиграціи, объ оцѣнкѣ эпохи «гаскалы» и т. п. Изображая «бурные дни» новаго національнаго движенія, Менделе мѣтко охарактеризовал свое положеніе между борющимися партіями одной фразой: «и столкнулись въ нутрѣ моемъ два Менделе». Это идеологическое «wajisgrozaz», колебаніе между различными общественными теченіями или отрицаніе всѣх — было характерно для художника, но это только дало ему возможность подмѣтить въ названныхъ рассказахъ слабыя стороны всѣхъ теченій.

Въ 1896 г. Менделе начал переводить свое «Волшебное кольцо» на древне-еврейскій языкъ (подъ заглавіемъ «Beemek habacha») для журнала «Гашилоахъ», который тогда стал издавать Ахадъ-Гаамъ. Это был не простой переводъ, а новая художественная переработка съ обновленнымъ содержаніемъ и чудесно воскрешенными формами національнаго языка. Авторъ подолгу сидѣлъ надъ каждою строкою, и рукопись, которую онъ мнѣ читалъ почти при каждомъ посѣщеніи, была испещрена помарками и поправками. Когда кончился печатный «жаргонный» текстъ и нужно было пи-

сать дальнѣйшія главы прямо по древне-еврейски, авторъ облегалъ себѣ работу слѣдующимъ приѣмомъ: каждую часть повѣсти онъ писалъ сначала на разговорномъ языкѣ, а затѣмъ переводилъ на древній. «Такъ мнѣ легче — говорилъ онъ: творить содержаніе, бытовыя картины на языкѣ этого быта, а потомъ уже готовые образы ридить въ классическій національный костюмъ» (не ручаюсь за точность выраженій, но мысль была такова). Характеренъ еще случай, переданный мнѣ кѣмъ-то изъ литературныхъ «внуковъ» Менделе. Входитъ этотъ «внукъ» къ «дѣдушкѣ» и, заставъ его за письменнымъ столомъ, спрашиваетъ: что вы пишете, дѣдушка? — «Я не пишу, а только отгоняю мухъ» — отвѣчаетъ Менделе. — Что это значить? — «Видите-ли, — говоритъ Менделе, — когда я пишу по древне-еврейски, на меня нападаютъ всѣ библейскіе пророки и поэты — Иешая, Иеремія, авторы Пѣсни Пѣсней и псалмовъ, и каждый предлагаетъ взять для даннаго выраженія готовый «посукъ», готовую фразу, именно у него. Чтобы написать что-либо не по готовому шаблону, я долженъ раньше отогнать всѣхъ этихъ мухъ». Чтобы освободиться отъ тисковъ «мелицы», въ которую пуристы втискивали живую современную мысль, Абрамовичъ привлекъ въ свою лабораторію богатый матеріалъ позднѣйшихъ діалектовъ Мишны и Мидраша, и все-таки находилъ болѣе естественнымъ изображать современный бытъ на живомъ языкѣ этого быта.

Обновленный національный языкъ ожилъ подѣ перомъ Менделе еще потому, что онъ приспособилъ его къ стилю народнаго языка русскихъ евреевъ. Но для пониманія и оцѣнки красоты новаго менделевского стиля необходимо, чтобы самъ читатель былъ знакомъ съ тѣми источниками средневѣковой нашей письменности, откуда нашъ художникъ черпалъ свои богатства. Это — языкъ духовной аристократіи, знатоковъ еврейской литературы всѣхъ вѣковъ и всѣхъ діалектовъ. Я нѣсколько разъ развивалъ эту мысль въ бесѣдахъ съ старымъ другомъ и говорилъ, что очень скоро придется издавать его книги съ глоссаріемъ, для объясненія архаическихъ выраженій, какъ издаются произведенія Шекспира и Раблэ, или съ комментаріями, какими у насъ сопровождаются тексты Иегуды Галеви и Ибнъ-Эзры. Будущія поколѣнія, не прошедшія черезъ хедеръ и талмудическую школу, не поймутъ тѣхъ спеціальныхъ оборотовъ рѣчи, которые насъ, знакомыхъ съ ихъ источниками, приводятъ въ восторгъ. Менделе этого не отрицалъ, и при этомъ намъ обоимъ становилось безконечно грустно...

Сколько вечеров просиживалъ я съ Менделе за чтеніемъ этихъ только-что написанныхъ главъ «Долины плача» и обсужденіемъ прочитаннаго... Вотъ надвигаются уже вечернія сумерки. Я кончаю свою работу и направляюсь по Успенской улицѣ, къ зданію Талмудъ-Торы. Вхожу. Миѣ открываетъ дверь жена или одна изъ дочерей покойнаго (не помню, чтобы въ этой семьѣ была прислуга). Тихо и скучно въ большихъ комнатахъ квартиры завѣдующаго училищемъ, и гдѣ-то въ дальней комнатѣ сидитъ Менделе, согбенный надъ своей рукописью. Едва поздоровавшись, онъ часто радостно восклицаетъ: «А я предчувствовалъ, что вы придете! Хотѣлось поговорить съ вами. Знаете, о чемъ я сейчасъ думалъ»?... И начинается длинный разговоръ обо всемъ. Видно, что молчащему цѣлый день въ пустыхъ покояхъ хочется наговориться, свалить грузъ мыслей, вѣчно ровнившихся въ этой удивительной головѣ, увѣчанной серебряной короной волосъ. Затѣмъ идетъ чтеніе главъ, написанныхъ со времени нашего послѣдняго свиданія. Менделе, нагнувъ очки на лобъ, подноситъ къ близорукимъ глазамъ большой листъ бумаги, густо исписанный его мелкимъ бисернымъ почеркомъ, и читаетъ. Показывая миѣ листъ дешевой бумаги, онъ съ улыбкою говоритъ: «На этомъ листѣ помѣстится цѣлый разсказъ, который миѣ обходится въ грошъ — стоимостью листа бумаги въ сосѣдней лавочкѣ». Однако испещренный поправками черновикъ потомъ переписывался на новомъ листѣ, съ весьма существенными передѣлками. Читаетъ Менделе мастерски, отмѣчая всѣ изгибы текста. Въ лирическихъ мѣстахъ, особенно въ описаніяхъ природы и тихой поэзіи «мѣстечка», въ голосѣ его слышится тоска, какъ бы плачь о юныхъ годахъ, о быломъ патриархальномъ мірѣ. Вотъ читаетъ онъ миѣ такой, напримѣръ, лирической отрывокъ (беру наугадъ пару фразъ изъ первой главы второй книги «Вешек habascha»): «Тихо-тихо въ лѣсу въ первые дни селихотъ, какъ въ Кабцанскѣ въ субботу послѣ обѣда, когда всѣ предаются дневному сну, и тишина эта наводитъ глубокое уныніе. Деревья стоятъ задумчивыя, озабоченныя. Шведелятъ вѣтвями, какъ будто руки ломають; въ ихъ шелестѣ — горькій плачь, вздохъ, стонъ любящей матери, покидаемой дѣтьми, одинокой»... И миѣ чудится, будто въ нашей комнатѣ слышенъ этотъ унылый шумъ лѣса ранней осенью, занесенный откуда-то изъ окаймленнаго лѣсами мѣстечка, и я внемлю чтенію грустныхъ селихотъ въ семьѣ деревьевъ. У самого Менделе чтеніе такихъ лирическихъ отрывковъ выходило, какъ декламация селихотъ на дорогихъ далекихъ могилахъ.

Не разъ говорилъ онъ мнѣ: «Я тоже историкъ, но въ другомъ стилѣ. Когда вы дойдете до исторіи 19-го вѣка, вамъ придется пользоваться моими сочиненіями для изложенія бытовой исторіи тогдашнихъ поколѣній».

Часто рассказывалъ онъ мнѣ эпизоды изъ своей личной жизни: о тѣхъ годахъ юности, когда онъ учился въ виленской іешивѣ Рамайлесь и зимою спалъ тамъ, за недостаткомъ скамей, на холодномъ подоконникѣ; о времени, проведенномъ въ Каменцѣ съ Готтлоберомъ, въ кругу «казенныхъ» учителей и франтовъ-акцизниковъ изъ мѣстной откупной конторы барона Гинцбурга. Не могу забыть его разсказа объ острой нуждѣ, которую онъ испытывалъ въ Житомирѣ въ послѣдніе годы предъ отъѣздомъ въ Одессу (1879—80 г.): «Расходы были большіе; семья — семь душъ; дохода съ моихъ изданій не хватало даже на квартирную плату; виленскіе и варшавскіе книгопродавцы меня грабили: тайно перепечатывали мои «Тансу», «Клячу», «Klein Menschele», воровскимъ способомъ продавали другъ другу стереотипы моихъ книгъ. Я дошелъ до того, что не былъ обезпеченъ обѣдомъ на завтрашній день и ужиномъ на сегодняшній. Въ то бѣдственное время выручилъ меня баронъ Гораціи Гинцбургъ, знавшій меня въ молодости еще изъ Каменца. Отъ петербургскихъ друзей онъ узналъ о моей нуждѣ и сталъ высылать мнѣ опредѣленную ежемѣсячную сумму (кажется до ста рублей)».

Менделѣ любилъ вспоминать о своей поѣздкѣ въ Петербургъ въ тѣ годы, когда среди еврейской ассимилированной интеллигенціи пробудился интересъ къ народу и были основаны еженедѣльники «Разсвѣтъ», «Русскій еврей» и журналъ «Восходъ». Первые его приняли какъ родного въ семью литературной аристократіи, какою тогда считалась группа евреевъ, причастныхъ къ русской литературѣ. Самъ Абрамовичъ тогда и еще долго спустя ставилъ очень высоко миссію еврейской литературы на русскомъ языкѣ и радовался, когда его переводили на русскій языкъ. Къ писателямъ-гебраистамъ въ Петербургѣ онъ относился холодно. Онъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, о своей встрѣчѣ съ поэтомъ Л. Гордономъ. Абрамовичъ былъ почему-то лично недоволенъ Гордономъ, какъ секретаремъ Общества просвѣщенія евреевъ. «Однажды — говоритъ онъ — хожу съ знакомыми по Петербургу и встрѣчаю Гордона. Насъ тутъ же представили другъ друга. Онъ бросился обнимать меня, но я выставилъ обѣ руки впередъ, какъ отстраняя его, и потомъ холодно подаль ему руку. Онъ сму-

тился, поблѣднѣлъ... Послѣ я сожалѣлъ объ этомъ пріемѣ». Надо сказать, что слишкомъ субъективная, пристрастная оцѣнка людей была однимъ изъ главныхъ недостатковъ Абрамовича. Онъ умѣлъ слишкомъ ненавидѣть на основаніи ничтожнѣйшихъ личныхъ мотивовъ, и въ разговорахъ съ пріятелями часто изливалъ свой гнѣвъ на многихъ людей, близкихъ и дальнихъ. Я иногда упрекалъ его за такое отношеніе къ людямъ, въ которыхъ вообще ему всегда бросались въ глаза отрицательныя, а не положительныя черты. Отсюда — его рѣзкое отношеніе къ большинству крупнѣйшихъ еврейскихъ писателей изъ современниковъ.

Но Менделѣ былъ строгъ и къ самому себѣ, къ собственнымъ произведеніямъ. Свои работы онъ непрестанно «шлифовалъ», передѣлывая ихъ каждый разъ при перепечаткахъ или переводѣ съ одного еврейскаго языка на другой. Онъ никогда не былъ доволенъ тѣмъ, что написано имъ въ былые годы, и многіе его рассказы въ передѣлкѣ имѣютъ мало общаго съ первоначальнымъ текстомъ. Это свидѣтельствовало о непрерывномъ ростѣ большого, сильнаго ума, умѣющаго критиковать себя въ предыдущихъ фазисахъ развитія. Въ этой непрерывной жаждѣ совершенствованія — признакъ истиннаго творчества.

III

1897 годъ — критическій годъ въ исторіи нашей общественности — внесъ свѣжую струю въ жизнь нашихъ одесскихъ кружковъ. Миновало глухое, унылое время. Зашевелилось, зашумѣло все кругомъ. Новые сіонисты, герцлисты, только-что принявшіе Тору съ базельскаго Синая, старые палестинцы, культурные сіонисты изъ послѣдователей Ахадъ-Гаама, націоналисты, полные или частичные ассимиляторы изъ гнѣзда мѣстнаго Общества просвѣщенія, — все это сплелось въ одинъ клубокъ, который съ оглушительнымъ шумомъ катился по еврейской улицѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Когда я возвратился изъ своей заграничной поѣздки, осенью 1897 года, нашъ одесскій кружокъ преобразился: мы учредили новый кружокъ, подъ именемъ «Историко-литературная Комиссія» при мѣстномъ Обществѣ просвѣщенія евреевъ. Общество просвѣщенія не было, конечно, вывѣскою нашей идеологіи, но просто шитомъ противъ полицейскихъ стѣсненій, чтобы мы могли сами

свободно собираться под покровом легального учреждения и кое-когда созывать большія собрания для докладовъ и лекцій. Въ составъ «комисси» вошли: представитель Общества просвѣщенія М. Г. Моргулисъ и его вѣрный оруженосецъ въ еврейскихъ дѣлахъ Л. Я. Сакеръ (недавно умершій въ Петербургѣ), С. М. Абрамовичъ, Ахадъ-Гаамъ и я. Люди различныхъ направленій, и среди нихъ одинъ безъ всякаго направленія, — Менделе, разумѣется, — мы собирались для дискусси по основнымъ проблемамъ еврейства, въ надеждѣ такимъ путемъ найти какой-нибудь общій путь и создать базисъ для объединенной національной работы. Въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ (до 1901 г.) собирались мы въ опредѣленные вечера, разъ въ недѣлю или двѣ, въ помещеніи комитета Общества просвѣщенія, въ богатой квартирѣ его предсѣдателя Г. Э. Вейнштейна на Надеждинской улицѣ, а потомъ на Николаевскомъ бульварѣ. Тутъ уже были у насъ правильныя засѣданія, съ предсѣдателемъ (Моргулисъ), секретаремъ и составителемъ протоколовъ (Сакеръ), съ систематическими преніями, — вообще съ опредѣленною дисциплиною, которая сберегала много времени, но крайне стѣсняла нашего «днаго» Менделе.

Предметами нашего обсужденія были преимущественно вопросы дня: политическій и духовный сіонизмъ, націонализмъ и автономизмъ, культурное возрожденіе, проблема іудаизма. Каждый развивалъ свою систему, освѣщалъ обсуждаемый вопросъ съ своей точки зрѣнія. Моргулисъ развивалъ свою туманную теорію о космополитическомъ естествѣ еврейской національной идеи, о нашей іудантической или этической мисси, а Сакеръ перелагалъ его слова на болѣе ясный языкъ европейской философіи и социологін; я излагалъ основы той еще новой тогда системы автономизма и «национальныхъ правъ», которую въ тѣ годы началъ разрабатывать въ «письмахъ о еврействѣ»; Ахадъ-Гаамъ больше занимался критикою чужихъ взглядовъ, чѣмъ изложеніемъ своихъ, и путемъ тонкаго анализа ставилъ противника въ необходимость подойти ближе къ идеѣ духовнаго сіонизма. Только одинъ Менделе отвергалъ всѣ мнѣнія, въ данныхъ въ данномъ засѣданіи, каждый разъ выдвигалъ какую-нибудь новую, тутъ же придуманную, теорію. Вотъ сидитъ онъ, подперевъ рукою голову, и какъ-будто внимательно прислушивается къ преніямъ, но мы знаемъ, что слушаетъ онъ очень мало изъ того, что кругомъ говорятъ, а въ его головѣ зрѣетъ какая-нибудь новая теорія или красивый парадоксъ. Вотъ очередь доходить до него. Онъ начинаеть гово-

речь не по существу вопроса, а беретъ одинъ какой-нибудь пунктъ его, одну мысль изъ всѣхъ высказанныхъ, иногда второстепенную, и разбираетъ ее, глубоко расканываетъ, раскрываетъ въ ней совершенно новыя стороны, углубляетъ ее, — а когда онъ кончаетъ, оказывается, что онъ увелъ насъ далеко отъ предмета дискуссиіи. Ему замѣчаютъ это, но онъ не понимаетъ упрёка: онъ иначе не можетъ, не можетъ идти въ упряжь; онъ идетъ своимъ путемъ поэта, «туда, куда влечетъ его свободный умъ».

Бывали и курьезы. Открывается засѣданіе, секретарь читаетъ протоколъ предыдущаго засѣданія, гдѣ подробно и обыкновенно точно излагались наши пренія. Каждый подтверждаетъ записи или вноситъ въ нее небольшія поправки. Абрамовичъ же заявляетъ, что онъ вовсе не сказалъ того, что записано. Секретарь протестуетъ, другіе подтверждаютъ вѣрность протокола, а онъ, прижатый къ стѣнѣ, восклицаетъ: развѣ я обязанъ помнить все, что я сказалъ въ прошломъ засѣданіи?... И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли запомнить импровизацію, когда на смѣну имѣется уже новая? — Иногда доходило до рѣзкихъ пререканій. Своими парадоксами Менделѣ тормозилъ ходъ дискуссиіи, и ему доставалось отъ насъ. Потомъ онъ жаловался мнѣ: на какого чорта намъ эта коммиссія съ преніями и протоколами? Куда лучше было, когда мы собирались въ нашемъ субботнемъ домашнемъ кружкѣ и говорили по душѣ о чемъ хотѣлось. Намъ только портятъ тамъ «семейное согласіе» (*Men macht uns an a beis Leben*), — прибавлялъ онъ, обращаясь къ моей женѣ и указывая на меня, какъ на соучастника преступленія.

Нейтральная позиція Абрамовича стала особенно тяжела послѣ того, когда идейная объединительная цѣль Литературной Комиссиіи не была достигнута и наши пренія вынесены были на публичную арену, въ многояюдныхъ общихъ собраніяхъ Общества просвѣщенія, гдѣ съ 1900 года страстно дебатировался вопросъ о національномъ воспитаніи. Здѣсь, на конкретной почвѣ школьной реформы, столкнулись націоналисты съ полу-ассимиляторами изъ комитета Общества просвѣщенія. Первые требовали усиленія еврейскаго элемента въ программѣ народныхъ школъ, а комитетчики стояли на утилитарной точкѣ зрѣнія и тѣмъ поддерживали руссификаторскую тенденцію правительства въ еврейской школѣ. Въ городѣ образовался (нелегально, разумѣется) «Комитетъ націонализаціи» для борьбы съ ассимиляціей во всѣхъ учрежденіяхъ. Въ комитетъ вошли, кромѣ меня и Ахадъ-Гаама, еще много об-

чественныхъ дѣателей и писателей (Дизенгофъ, Левинскій, Бяликъ, Равницкій, С. Пэнъ, д-ръ Ландесманъ и др.); «просвѣщенцы» организовались подъ руководствомъ Моргулиса, а нашъ Менделе остался ни въ сихъ, ни въ оныхъ. Къ нашей національной оппозиціи онъ не могъ примкнуть частію вслѣдствіе своего официальнаго положенія завѣдующаго Талмудъ-Торой, находившейся подъ полицейскимъ надзоромъ начальства учебнаго округа, насквозь пропитаннаго руссификаторствомъ, — а нашъ Менделе сильно боялся начальства. Пристать же къ партіи Моргулиса и одесскихъ «гвировъ» онъ не хотѣлъ. И его нейтралитетъ обрекалъ его на идейное одиночество. Въ такіе дни онъ изливалъ свою досаду на всѣхъ. Помню тяжелую сцену. Сидитъ онъ въ яркій весенній день въ моемъ кабинетѣ, въ загородномъ Стурдзовскомъ переулкѣ; мы пьемъ кофе и бесѣдуемъ о послѣдней стычкѣ партій въ какомъ-то собраніи. Я ставлю ему вопросъ, — вѣроятно, не впервые: какъ можетъ онъ не примкнуть къ числу борцовъ противъ опасности ассимиляціи молодого поколѣнія? Я, можетъ быть, при этомъ употребилъ нѣсколько рѣзкое выраженіе. Менделе разсердился. Взволнованный, поднялся онъ съ мѣста, чашка кофе дрожала въ его рукѣ, и онъ воскликнулъ: «Значить, я плохой еврей, потому что не числюсь среди націоналистовъ! Нѣтъ, вы всѣ — евреи съ ярлыками: націоналисты, сіонисты, палестинцы, а я просто еврей (glat a Jüd), но изъ такихъ простыхъ евреевъ состоитъ весь народъ». Что могъ я сказать обиженному другу? Конечно, Менделе органически лучшей, болѣе подлинный еврей, чѣмъ мы всѣ; но въ національно-политической борьбѣ интеллигенціи онъ по своей натурѣ обреченъ стоять въ сторонѣ: онъ служить націи своимъ литературнымъ творчествомъ, и этого достаточно.

Здѣсь нужно замѣтить, что вопросъ о языкѣ школы — тогда еще не обострившійся въ такой степени, какъ послѣ 1905 года — мало занималъ Абрамовича. Онъ немногаго ожидалъ отъ модныхъ тогда образцовыхъ хедеровъ, питомниковъ маленькихъ гебраистовъ, и подшучивалъ надъ попытками сдѣлать древне-еврейскій языкъ разговорнымъ. Но и «идишъ» не представлялся ему въ школѣ важнымъ факторомъ воспитанія. Принципъ обученія на родномъ языкѣ былъ тогда только «мессіанской теоріей», ибо при царскомъ режимѣ, еще до конституціи, о преподаваніи на жаргонѣ въ нормальной школѣ не могло быть и рѣчи. Если-бы Абрамовичу суждено было дожить до полной автономіи еврейской школы, то онъ несомнѣнно стоялъ бы за «идишъ», какъ за языкъ преподаванія

въ начальной школѣ, но при гарантіи основательнаго изученія государственнаго языка, которому онъ придавалъ большое значеніе. Что же касается школьной программы, то онъ настаивалъ бы на изученіи древне-еврейскаго языка, Библіи и религіозныхъ основъ іудаизма, при гарантіи хорошей постановки преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ.

Библия была для него святыней. Онъ допускалъ нѣкоторыя умѣренные гипотезы библейской критики, и самъ часто дѣлился со мною своими оригинальными толкованіями библейскаго текста, близкими къ воззрѣніямъ критической школы. Но допуская библейскую критику, какъ источникъ остроумныхъ догадокъ, о которыхъ можно вести частную бесѣду, онъ въ ужасѣ отступалъ передъ ея рѣшительными выводами, проповѣдуемыми публично. Особенно возмущалъ его выводъ о мнѳическомъ элементѣ въ личности Моисея. Былъ такой случай. Весною 1903 года Ахадъ-Гаамъ читалъ въ еврейскомъ клубѣ «Бесѣда» рефератъ о Моисеѣ. Онъ ясно развилъ ту мысль, что намъ вовсе не важно знать, существовалъ ли Моисей или нѣтъ, потому что реальный Моисей есть именно тотъ, который живетъ въ народной легендѣ, въ умахъ сотенъ поколѣній, какъ дѣйственная историческая сила; тотъ же Моисей, который создается въ лабораторіяхъ ученыхъ критиковъ, есть реальность лишь для небольшой группы археологовъ, изслѣдователей, но не является реальнымъ народнымъ героемъ, движущей силой націи. Послѣ реферата, во время перерыва, я подошелъ къ Менделе и увидѣлъ его задумчиво сидящимъ гдѣ-то въ углу большаго зала, по которому шумно двигалась публика. Я спросилъ его, что онъ думаетъ о рефератѣ. Онъ взглянулъ на меня и сердито сказалъ: «Въ Торѣ сказано, что мѣсто погребенія Моисея никому неизвѣстно, а я сейчасъ открылъ это мѣсто: Моисей только что похороненъ въ клубѣ «Бесѣда» руками Ахадъ-Гаама. Только оскорбленное религіозное чувство могло продиктовать эти суровыя слова. Я старался ему доказать, что онъ не вникъ въ основную мысль доклада, что референтъ, напротивъ, провозгласилъ традиціоннаго Моисея реальностью, какъ живой образъ, сотканный съ народнымъ сознаніемъ, и что это во всякомъ случаѣ важный контривъ къ крайнимъ выводамъ библейской критики. Но Менделе и слушать не хотѣлъ: онъ не допускалъ даже условнаго сомнѣнія въ подлинности библейскаго Моисея, какъ личности, жившей въ дѣйствительности, а не только въ народныхъ предствленіяхъ, и видѣлъ въ подобныхъ разсужденіяхъ подкупъ подъ дорожую ему святыню.

И тѣмъ не менѣе, при всѣхъ разногласіяхъ, мы были сильно привязаны другъ къ другу. Въ послѣдній годъ передъ моимъ переселеніемъ изъ Одессы на сѣверъ, мы обыкновенно встрѣчались уже не въ кружкахъ или засѣданіяхъ, а за письменнымъ столомъ въ нашихъ кабинетахъ. Бывало, долго не вижу старика, хочу его посѣтить, но досуга нѣтъ: вѣдь зайдешь къ нему, — онъ раньше чѣмъ черезъ три-четыре часа не отпустить. И все-таки я при первой возможности иду изъ моего приморскаго уголка, мимо тихихъ виллъ, на Успенскую, туда, гдѣ эта улица, поворачивая на Дегтярную, упирается въ гущу еврейскихъ кварталовъ. Вотъ трехэтажное зданіе Талмудъ-Торы, господствующее надъ сосѣдними невысокими домами. Вхожу въ пустынный дворъ, поднимаюсь въ верхній этажъ, прохожу анфиладу большихъ комнатъ и застаю Менделе гдѣ-то въ уголку, часто за столикомъ въ спальнѣ, отдѣленной занавѣсомъ отъ кабинета. Онъ морщитъ высокій лобъ и пишетъ, пишетъ... «Ахъ, какъ хорошо, — привѣтствуетъ онъ меня. Вотъ сядемте тутъ возлѣ печки, какъ добрые іешиботники, и давайте говорить... И тянется длинная бесѣда обо всемъ, продолженіе нашей 12-лѣтней бесѣды, какъ будто-бы не прерывавшейся. Не обходилось, конечно, и безъ чтенія отрывковъ изъ рукописи. Въ то время Менделе писалъ свою автобіографическую повѣсть — «Schlojmo reb-Chaims», одно изъ лучшихъ его произведеній. До сихъ поръ чувствую еще обаяніе тѣхъ чтеній: незабвенные образы еврейской деревенской семьи, мѣстечка въ осенніе «страшные дни», кухни въ вечеръ съ четверга на пятницу, хедерныхъ мальчиковъ, которые еще не выѣзжали за черту родного мѣстечка, но уже побывали съ своимъ «ребемъ» въ Арамъ-Нагараймъ, Мицраимъ и Ханаанъ и знаютъ, что дѣлалось три тысячи лѣтъ тому назадъ... Прислушиваюсь къ вѣчной мелодіи «мѣстечка», звучащей въ нашей литературѣ отъ «дѣдушки» до «внука», Шалома Аша, къ этой дивной музыкѣ, чарующей и бодрящей, открывающей просвѣтъ въ душу поколѣній, вводящей въ живую легенду вѣковъ... Кончается долгая бесѣда. Я прощаюсь и выхожу въ переднюю. Менделе провожаетъ и еще продолжаетъ разговоръ, держа меня «за пуговицу» (это уже былъ техническій терминъ для такихъ заключительныхъ бесѣд). Въ лѣтнее время онъ, бывало, выходитъ со мною, провожаетъ меня полпути, не прерывая разговора, затѣмъ я его немного провожаю, и такъ мы иногда шатаемся до полуночи.

Трудна была наша разлука лѣтомъ 1903 года, спустя два мѣсяца послѣ кишиневскаго погрома, когда я изъ теплой Одессы пе-

ресселился на «сѣверъ далекой, угрюмый, холодный, но сердцу родной». Глубокая грусть звучала въ рѣчи стараго друга, на прощальномъ банкетѣ, устроенномъ мнѣ друзьями предъ отъѣздомъ въ залѣ Симона. Менделе напомнилъ о субботнихъ вечерахъ въ нашемъ маленькомъ кружкѣ, объ уютномъ литературномъ уголкѣ, который мы создали въ Одессѣ... Я чувствовалъ, что стою на межѣ ушедшей полосы жизни, въ которой Менделе игралъ немало-важную роль.

Еще два раза видѣлся я съ Абрамовичемъ: въ концѣ 1909 и 1913 г., когда я проводилъ пару недѣль въ Одессѣ. При первомъ свиданіи «дѣдушка» находился еще всецѣло подъ впечатлѣніемъ своего триумфальнаго лѣтняго путешествія по городамъ Литвы и Польши, гдѣ его повсюду шумно чествовали. Въ послѣдній разъ мы возобновили старыя бесѣды въ декабрьскіе дни 1913 года. На время какъ будто воскресло бывшее. Былъ шумный хануковскій литературно-музыкальный вечеръ, гдѣ сошлось много старыхъ друзей. Еще разъ собралась мы въ вечеръ 20 декабря на квартирѣ дѣдушки-именниника, выглядѣвшего еще всецѣмъ бодрымъ, несмотря на свои 80 лѣтъ. Еще одинъ банкетъ въ честь гостя состоялся въ залѣ Симона, гдѣ собралась вся литературная семья старой и новой Одессы. Я сидѣлъ за столомъ между Абрамовичемъ и Фругомъ, и надъ нами какъ будто витала тѣнь чарующей лѣтней ночи въ Люстдорфѣ 1891 года... Въ началѣ января 1914 г. мы простились — навѣки. Черезъ полгода начался всемірный потопъ — мировая война. Первымъ ушелъ изъ міра товарищъ юныхъ лѣтъ, Фругъ, а подъ конецъ Менделе, съ которымъ связанъ одесскій періодъ моей жизни.

Съ каждымъ уходящимъ въ вѣчность другомъ уходитъ часть нашей собственной жизни. Надъ этими обломками жизни мы ставимъ по пути памятники, въ формѣ воспоминаній. Такой надгробный памятникъ я ставлю теперь здѣсь, къ тридцатому дню кончины незабвеннаго друга*.

* Эти воспоминанія были написаны по еврейски въ концѣ перваго траурнаго мѣсяца послѣ смерти Абрамовича, но не были опубликованы. Составилъ ихъ теперь, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, для сборника «Сафругъ», я внесъ въ нихъ нѣкоторые дополненія. — Авторъ.

★

С. МАРШАКЪ
ІЕРУСАЛИМЪ

★

ІЕРУСАЛИМЪ

По горной царственной дорогѣ
Вхожу въ родной Іерусалимъ
И на святомъ его порогѣ
Стою смущенъ и недвижимъ.

Меня встрѣчаетъ гуль знакомый
На площадяхъ обычный торгъ
Ведеть толпа. Она здѣсь дома
И чуждѣ ей путника восторгъ.

Шумять открытыя харчевни,
Звучать напѣвы чуждыхъ странъ,
Идетъ, качаясь, въ городъ древній
За караваномъ караванъ.

Но пусть видѣнья жизни бренной
Закрыли прошлое, какъ дымъ, —
Тысячелѣтья неизмѣнны
Твои холмы, Іерусалимъ!

И будутъ склоны и долины
Хранить здѣсь память старины,
Когда послѣднія руины
Падутъ, вѣками сметены.

Во всѣ вѣка, въ любой одеждѣ
Родной, святой Іерусалимъ
Пребудетъ тотъ же, что и прежде, —
Какъ твердь небесная надъ нимъ!

★

Х. ТАДИРЪ

МЕССИЯ – ОТСТУПНИКЪ

КЪ ИСТОРИИ САБВАТИАНСКАГО
ДВИЖЕНІЯ

★

МЕССИЯ — ОТСТУПНИКЪ КЪ ИСТОРИИ САББАТИАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

I

... Чѣмъ объяснить отступничество Саббатая-Цеви? Какъ это случилось, что тотъ, кто считалъ себя избавителемъ Израиля, Божьимъ помазанникомъ и предвѣстникомъ вселенскаго переворота, склонилъ свою голову передъ придворнымъ муфтіемъ, надѣлъ на нее турецкій тюрбанъ и принялъ имя Магомета?

Вопросъ о переходѣ смиренскаго лжемессіи въ исламъ, широко использованномъ его противниками для внушенія народнымъ массамъ отвращенія къ его памяти*, комментировался въ свое время самими саббатіанцами на разные лады. Большинство сторонниковъ Саббатая-Цеви изъ простонародія долгое время, какъ извѣстно, отказывались вѣрить въ подлинность этого факта. Спасая свою вѣру отъ опасности окончательнаго крушенія, балканскіе саббатіанцы внушили себѣ представленіе, что въ адрианопольскомъ дворцѣ произошло исключительное по своему значенію чудо: отъ Саббатая-Цеви отдѣлилась тѣнь, которая совершила обрядъ перехода, сама же Мессія незамѣтно исчезъ изъ дворца и былъ вознесенъ на небо**. Болѣе рационалистически настроенные изъ массовыхъ поклонниковъ Саббатая-Цеви допускали, правда, возможность его формальнаго отреченія отъ еврейства, но усматривали въ этомъ реально-политическія соображенія: такъ-какъ Саббатая-Цеви долженъ былъ вскорѣ стать властителемъ возстановленной Иудеи, то

* Характерно, что и понинѣ во многихъ мѣстностяхъ «черты», особенно же на югѣ, ханику и лицемѣтра евреи именуютъ «Schabssezwinik'омъ».

** См. Давида Кагана: «Toldot hamekubalim, haschabteim w'hachassidim» Одесса, 1913. Стр. 76.

онъ сознательно и намѣренно принялъ мусульманство, дабы получить такимъ путемъ доступъ въ султанскій дворецъ и государственныя учрежденія, и научиться тамъ искусству государственнаго управленія.

Ближайшіе же ученики и «оруженосцы» Саббатая-Цеви никогда, повидимому, и не пытались отрицать фактъ его отступничества. Съ другой стороны, они были слишкомъ уже погружены въ свои каббалистическія видѣнія, чтобы они могли себѣ объяснить столь исключительное явленіе въ жизни Мессіи какими-либо земными, чисто утилитарными соображеніями. Воспитанные на луріанско-виталевскомъ мистицизмѣ, они должны были найти соответствующее мистическое объясненіе загадочному поступку своего повелителя. Такое объясненіе они и нашли, и дали ему въ цѣломъ рядѣ своихъ посланій весьма широкое распространеніе.

Витавшій въ теченіе столѣтій передъ воображеніемъ еврейскаго народа образъ Мессіи въ видѣ «нищаго, ѣдущаго верхомъ на ослѣ», получилъ въ устахъ апостоловъ саббатіанства своеобразное толкованіе. Такъ, Натанъ Азати, игравшій столь выдающуюся роль въ саббатіанскомъ движеніи, объявилъ въ самой категорической формѣ, что слово «нищій» слѣдуетъ тутъ понимать не въ его буквальномъ, а въ переносномъ смыслѣ: Мессія долженъ, по его мнѣнію, находиться нѣкоторое время въ состояніи *духовнаго* нищаго; онъ не можетъ выполнить своей миссіи, пока онъ не проживетъ нѣкоторый періодъ времени въ полномъ воздержаніи отъ добрыхъ дѣяній—«*szizwot*». Во имя такого, свыше предписаннаго, воздержанія Саббатай-Цеви и перешелъ въ исламъ. На помощь Натану Азати пришло и имѣющееся въ «Зогарѣ» представленіе, по которому Мессія долженъ быть «прекраснымъ внутри и некрасивымъ извнѣ». Понятіе «извнѣ» слѣдуетъ отнести, по мнѣнію Натана, въ первую голову, къ одеждѣ, а отсюда уже прямое указаніе на тотъ турецкій тюрбанъ, который Саббатай-Цеви надѣлъ на голову въ присутствіи сунтана. Это свое убѣжденіе въ томъ, что Мессія обязательно долженъ пробыть нѣкоторое время въ атмосферѣ религіозной «скверны», Натанъ Азати подкрѣплялъ ссылкой на Эсѡиръ, которая сподобилась стать

избавительницей Израиля лишь послѣ того, какъ она прошла черезъ нечистъ гарема персидскаго царя. Въ другомъ мѣстѣ, газскій пророкъ, оставшійся вѣрнымъ своему «владыкѣ» до самой кончины послѣдняго, значительно углубляетъ свой взглядъ на значеніе отреченія Саббатая-Цеви и подводитъ подъ этотъ взглядъ болѣе прочный философско-мистическій фундаментъ. Такъ какъ элементы добра и зла, святости и порока, недостаточно отдѣлены другъ отъ друга въ земной жизни, а спасеніе міра можетъ наступить лишь послѣ полнаго отдѣленія однихъ элементовъ отъ другихъ, то на Мессіи лежитъ долгъ — погрузиться въ глубины «скверны» и порока, и извлечь оттуда тѣ отдѣльныя *искры* («*mezotzot*») добра и святости, которыя тамъ заключены и жаждутъ избавленія*. Саббатай-Цеви, такимъ образомъ, не капитулировалъ передъ земными властями своимъ формальнымъ отреченіемъ отъ еврейства. Само отреченіе есть славный подвигъ Божьяго помазанника. Подобно своимъ праотцамъ — Аврааму, женившемуся на Агари, Іакову, женившемуся на дочеряхъ иноплеменика — Лавана, и Моисею, взявшему себя въ жены дочь иновѣрнаго жреца Іитро — онъ отправился въ побѣдоносный походъ противъ міра зла и скверны, насильственно заключившаго въ свои нѣдра отдѣльныя искры святости, нынѣ скорбящей и томящейся по избавленію.

Наряду съ этимъ, многіе изъ усердныхъ сторонниковъ Саббатай-Цеви вѣрили, что пребываніе въ лопѣ мусульманской церкви есть высшая мѣра земныхъ страданій, предопредѣленная Мессіи Провидѣніемъ. Надо думать, что этотъ взглядъ на значеніе отступничества Саббатай-Цеви былъ особенно популяренъ среди многочисленныхъ въ XVII вѣкѣ на всемъ Ближнемъ Востокѣ маррановъ, бѣжавшихъ изъ Испаніи и Португаліи, а также изъ ватиканскихъ областей Италіи. Воспитанные на догмахъ и представленіяхъ католической церкви, они и послѣ своего возвращенія въ еврейство безсознательно тяготѣли къ извѣстнымъ — особенно, художественно-

* См. Jnjenei Schabtai—Zwi, изд. о-ва «Mekizei Nirdamin», Берлинъ, 14 г. Стр. 59—60, а также объясненіе Баруха бенъ-Гершона Марици, со словъ Натана Азати, въ «Sikaron libnei Jisrael», стр. 58.

поэтическимъ — элементамъ ихъ прежняго воспитанія, тѣмъ болѣе, что среди нихъ насчитывалось много такихъ, которые *родились* уже въ христіанствѣ. Среди этихъ именно элементовъ, которымъ не могло быть чуждо представленіе о «страстяхъ Господнихъ», культъ страждущаго Мессіи долженъ былъ найти для себя особенно благоприятную почву. Въ средѣ маррановъ, какъ позволяютъ думать нѣкоторые изъ дошедшихъ до насъ историческихъ документовъ, и упрочилась увѣренность въ томъ, что пребываніе въ мусульманствѣ, дѣлающее Саббатая-Цеви мишенью для жестокихъ нападокъ, презрѣнія и издѣвательства — и является тѣми «страстями мессіанскими», о которыхъ говорится въ священныхъ книгахъ и которыя, съ другой стороны, столь близко напоминаютъ страданія Христа. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся представителей вернувшихся въ еврейство маррановъ, каббалистъ Авраамъ-Михаилъ Кордозо, такъ далеко зашелъ въ этомъ толкованіи поступка Саббатая-Цеви, что въ своемъ знаменитомъ посланіи, получившемъ широкое распространеніе во всемъ еврейскомъ разсѣянніи, онъ позволилъ себѣ развитъ взглядъ, по которому исходъ изъ изгнанія будетъ невозможенъ, пока *вся евреи* не будутъ насильственно обращены въ чужую вѣру, пока они не начнутъ вопіять къ небу изъ глубины своего позора и моральнаго униженія*...

Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ объясненія, которыя давались сторонниками Саббатая-Цеви, поскольку мы можемъ судить о нихъ по немногимъ, дошедшимъ до насъ, документамъ. Что же касается до его противниковъ, или до тѣхъ саббатіанцевъ, которые успѣли во-время отрезвиться отъ своего мессіанскаго опьяненія съ тѣмъ, чтобы направить свои мстительныя стрѣлы противъ того, кто привелъ ихъ къ столь горькому разочарованію, то большинство изъ нихъ объясняло отреченіе Саббатая-Цеви низменностью его натуры. Они увѣрили, что у смиренскаго «самозванца» съ самаго начала не было другихъ цѣлей, кромѣ совращенія еврейства съ истиннаго пути, что онъ сознательно пользовался легковѣріемъ народа въ сво-

* См. статью «Od letoldot Schabtai—Zewi» въ сборникѣ статей С. Гурвича «Mea'in u'lesain», Берлинъ, 1914. Стр. 275—277.

ихъ личныхъ, корыстныхъ интересахъ, и что въ тотъ моментъ, когда ему стала угрожать прѣмая опасность со стороны турецкихъ властей, онъ, безъ всякихъ душевныхъ мукъ и колебаній, рѣшилъ спасти свою жизнь и благополучіе отреченіемъ отъ еврейства, нисколько не заботясь о судьбѣ тѣхъ сотенъ тысячъ евреевъ, которыхъ онъ прежде заставлялъ слѣпо слѣдовать за собою. Нашлись среди антисаббатіанцевъ и такіе, которые, возвышаясь до большей объективности, пытались оправдать его поступокъ ссылкой на Маймонида, указавшемъ въ своей «іеменитской грамотѣ» на то, что обязанность жертвовать своей жизнью «въ освященіе имени Божьяго» при попыткѣ насильственного обращенія въ чужую вѣру не распространяется на исламъ, монотеистическія представленія котораго сближаютъ его съ іудаизмомъ. Одинъ лишь Яковъ Эмденъ, который, при всей своей самоотверженной борьбѣ за искорененіе остатковъ саббатіанства въ нѣмецкихъ и западно-славянскихъ земляхъ, все же обнаружилъ извѣстное безпристрастіе въ оцѣнкѣ стимуловъ месіанскаго движенія, склонялся къ мысли, что Саббатай-Цеви рѣшился на переходъ въ исламъ лишь послѣ того, какъ лейбъ-медикъ султана Дидонъ указалъ ему на опасность, грозящую всему турецкому еврейству, если онъ не искупитъ своей вины передъ султаномъ принятіемъ господствующей религіи*. Эти намеки Якова Эмдена были, однако, столь слабо выражены (можетъ быть, изъ чрезвычайной осторожности, къ которой онъ былъ вынужденъ его знаменитой борьбой съ заподозрѣннымъ въ саббатіанствѣ Іонатаномъ Эйбешютцемъ?), что еврейскіе историки новаго времени, изучавшіе исторію саббатіанскаго движенія, главнымъ образомъ, по его книгѣ «Торат хакапааутъ», почти не останавливаются на этомъ толкованіи отступничества Саббатай-Цеви. Такъ, по изложенію Гретца получается, что Саббатай-Цеви принялъ рѣшеніе о переходѣ въ исламъ послѣ того, какъ упомянутый Дидонъ объявилъ ему, что, въ случаѣ упорства, «къ его тѣлу привяжутъ горящіе факелы, его будутъ волочить по улицамъ и бичевать розгами», причемъ авторъ оставляетъ открытымъ вопросъ о томъ, «перезживалъ ли Саббатай-Цеви внутрен-

* См. «Торат хакапааутъ», Стр. 18—19, 26—30.

нюю борьбу прежде, чѣмъ онъ рѣшилъ послѣдовать совѣту ренегата-врача»*. Съ такимъ же, приблизительно, отношеніемъ къ Саббатаю-Цеви мы встрѣчаемся и у Дубнова: «Дидонъ такъ застрашилъ его предстоящими пытками и позорною казнью, что тотъ совершенно растерялся. *Инстинктъ самосохраненія* подсказалъ мнимому Мессіи, что нужно рѣшиться на переходъ въ исламъ**.

II

Какъ казуистическія объясненія учениковъ Саббатая-Цеви, такъ и тѣ упрощенныя объясненія, которыя давались его противниками и которыя, слѣдуетъ признать, подчинили своему вліянію и еврейскихъ историковъ новаго времени, представляются намъ, однако, мало состоятельными.

Не останавливаясь на тѣхъ представленіяхъ, которыя сложились у широкой толпы саббатіанцевъ, упорно не желавшей допустить мысль о паденіи своего героя, и переходя къ толкованіямъ наиболѣе близкихъ учениковъ и сподвижниковъ Саббатая-Цеви — Натана Азати и А.-М. Кордозо — къ которымъ, повидимому, склоняется и современный апологетъ «лжемессіи», С. Гурвичъ***, у насъ не можетъ не возникнуть пѣлаго ряда весьма существенныхъ сомнѣній, значительно ослабляющихъ убѣдительность этихъ толкованій. Дѣло въ томъ, что за всю свою жизнь, до самаго момента отреченія отъ еврейства, Саббатай-Цеви ни разу не намекнулъ даже на возможность перехода въ исламъ или въ иную вѣру ради избавленія порабощенныхъ въ «сквернѣ» искръ святости (*nizozot hakeduschah*). Ни Натанъ Азати, ни Кордозо въ своихъ разъяснительныхъ по этому поводу посланіяхъ не подкрѣпляютъ своихъ утвержденій ссылками на слова самого Саббатая-Цеви, несмотря на то, что такого рода ссылки могли бы оказаться очень полезными для той миссіи «обо-

* Цитирую по еврейскому изданію Гретца, т. 8-й. Стр. 260.

** См. «Всеобщая исторія евреевъ». Книга III. Петербургъ 1906. Стр. 179.

*** См. его «Ketaim l'kollet Schabtai — Z'wi» въ упомянутомъ сборникѣ его статей, стр. 263.

дренія смятенныхъ сердець», которую они взяли на себя тотчасъ послѣ того, какъ стало извѣстнымъ все происшедшее въ адрианопольскомъ дворцѣ. Переходъ «короля Иудей» въ мусульманство былъ, повидимому, полной неожиданностью для ближайшихъ его соратниковъ, а также, надо думать, и для его предателя Неемія Когана, къ которому онъ относился съ исключительнымъ довѣріемъ. Если бы онъ посвятилъ пріѣхавшаго къ нему на поклоненіе и разочаровавшагося въ немъ польскаго каббалиста въ свое намѣреніе обратиться въ исламъ для спасенія «искръ», то послѣдній или дѣйствительно увѣровалъ бы въ его мессіанское призваніе*, или же, рѣшившись разоблачить «самозванца» и предать его въ руки властей, сообщилъ бы султану и объ этомъ намѣреніи Саббатай-Цеви для того, чтобы пресѣчь въ корнѣ его преступный замыселъ и предохранить еврейство отъ новыхъ разочарованій. То обстоятельство, что Саббатай-Цеви *впослѣдствіи*, черезъ нѣкоторое время *послѣ* «обращенія», наскаль на свою миссію спасенія «искръ», не мѣняетъ положенія вопроса: *впослѣдствіи* ослабѣвшій «гипнотизеръ» могъ самъ стать жертвой внушенія со стороны собственныхъ учениковъ...

Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что если бы у Саббатай-Цеви дѣйствительно было предварительное намѣреніе перейти временно въ исламъ для цѣлей, приписываемыхъ ему его учениками, то онъ это сдѣлалъ бы нѣсколько раньше и добровольно, не дожидаясь созданія такой обстановки, въ которой его переходъ могъ быть истолкованъ, какъ трусливая уступка угрозамъ и насилію. Кромѣ того, всѣ его приготовленія къ свиданію съ султаномъ — какъ дѣлежъ земли и коронъ среди 26 его послѣдователей передъ послѣднимъ отъѣздомъ изъ Смирны, — и все его поведеніе за время пребыванія въ галлипольской крѣпости** свидѣлствуютъ о томъ,

* Тѣмъ болѣе, что самъ Неемія Когенъ, искренность котораго не вызываетъ никакихъ сомнѣній, счелъ для себя возможнымъ принять временно мусульманство въ интересахъ спасенія еврейства.

** Интересная подробность, характеризующія повышено бодрое и оптимистическое состояніе духа Саббатай-Цеви въ послѣдніе дни его пребыванія въ галлипольской крѣпости, приведены въ упомянутой уже книгѣ Давида Кагана, стр. 95.

что онъ смотрѣлъ на это свиданіе, какъ на моментъ триумфальнаго завершения своей мисси, и ужъ, во всякомъ случаѣ, не какъ на новый и тягчайшій этапъ по пути своей мисси.

Еще менѣе убѣдительнымъ представляется то упрощенное толкованіе со стороны явныхъ и мстительныхъ противниковъ Саббата-Цеви, которое сводится къ «низменности его натуры». Лживая и корыстолюбивая въ какомъ-либо отношеніи натура не могла бы никоимъ образомъ вызвать столь грандіознаго по своимъ размѣрамъ движенія, какое вызвалъ смиренскій «самозванецъ» на всемъ обширномъ пространствѣ тогдашняго еврейскаго разсѣянія — отъ Газы и Иерусалима до Гамбурга, Амстердама и Венеціи. Стоитъ только вспомнить полный глубочайшаго благоговѣнія актъ миропомазанія Саббата-Цеви, который имѣлъ мѣсто въ газской синагогѣ, энтузіазмъ всей еврейской общины при провозглашеніи его Мессіей въ Смирнѣ, тѣ гимны и молитвы, которые распѣвались въ его честь по субботамъ почти во всѣхъ европейскихъ синагогахъ, ту волну паломничества, которая катилась изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ трехъ материковъ къ абидосскому замку во время его заточенія, чтобы понять всю непримѣнимость такой оцѣнки по отношенію къ Саббатаю-Цеви. Единственный «талантъ», которымъ обладалъ Саббата-Цеви — это именно его искренность и глубокая вѣра въ свое призваніе. И если десятки тысячъ евреевъ съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ превращали, по его приказанію, освященные вѣнками еврейскіе посты въ дни пиршествъ и плясокъ; если сотни тысячъ евреевъ молились на него, распродавали свое имущество, готовились къ скорому переселенію въ Палестину; если сотни честнѣйшихъ раввиновъ, ученыхъ, каббалистовъ и руководителей общинъ искренно видѣли въ немъ ниспосланнаго избавителя — то, помимо своеобразныхъ запросовъ и новыхъ жизненныхъ стимуловъ, которыми жило поколѣніе той трагической эпохи, это можно объяснить упомянутымъ «талантомъ» Саббата-Цеви. «Толпа» нуждалась въ своемъ «героѣ», въ центральной личности, въ которой отразились бы, какъ въ фокусѣ, всѣ ея исканія и роковыя дерзновенія, и отъ «героя» она требовала болѣе всего искренности и вѣры. Если бы Саббата-

Цеви не соответствовали этой глубокой и вѣками обострявшейся потребности — если бы онъ былъ лишенъ той искренности и вѣры, того непрерывно молитвеннаго состоянія, котораго сотни тысячъ евреевъ ждали отъ своего героя — то, не подлежить никакому сомнѣнію, что еврейство выдвинуло бы въ ту эпоху, рядомъ съ «самозванцемъ» своего «истиннаго» Мессію. Поскольку въ еврействѣ были сильны тогда мессіанскія вожделѣнія, они всецѣло удовлетворялись Саббатаемъ-Цеви, и никому даже въ голову не могло придти о томъ, чтобы оспаривать его мессіанскія права въ свою пользу. Тотъ фактъ, что въ эпоху столь глубокихъ потрясеній и незаглушимой потребности въ живомъ Мессіи наряду съ Саббатаемъ-Цеви никто не выдвигалъ себя, что никто, слѣдовательно, не могъ бы утолять тоску и жажду еврейства въ такой степени, въ какой утолялъ ихъ Саббатай-Цеви, — этотъ фактъ является наиболѣе краснорѣчивымъ доказательствомъ его глубокой вѣры въ свою миссію. Въ такіе эпохи ничто такъ не плодитъ самозванства, какъ наличность перваго самозванца. Отсутствие соперниковъ у Саббатая-Цеви убѣдительно все свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ не былъ «самозванцемъ», что *субъективно* онъ и былъ подлиннымъ, Божьей милостью, Мессіей...

Отступничество Саббатая-Цеви приходится объяснять однимъ изъ тѣхъ «внезапныхъ» кризисовъ, которые часто наблюдаются въ жизни особенно экстаическихъ, эмоционально взвинченныхъ натуръ. Надо думать, что его переходъ въ исламъ явился полной неожиданностью не только для его многочисленныхъ послѣдователей, но и для него самого. Весьма возможно, что за какіе-нибудь полчаса до того, какъ онъ предсталъ передъ султаномъ, или до его предварительной бесѣды съ лейбъ-медикомъ Дидономъ, онъ счелъ бы еще для себя абсолютно невозможнымъ тотъ роковой шагъ, который онъ совершилъ со столь жутко-молчаливой рѣшительностью.

Несомнѣнно, что въ жизни Саббатая-Цеви произошла тутъ одна изъ тѣхъ «неожиданностей», которая дремлетъ въ зачаточномъ состояніи за порогомъ сознанія въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ бы ожидая соответствующихъ условій для своего виѣшне-катастрофиче-

саго, но фактически давно подготовлявшагося рожденія. Стоя въ адріанопольскомъ дворцѣ передъ султаномъ и его свитой, онъ оказался во властѣ одной изъ тѣхъ мыслей, которыя наносятъ молниеносно быстрые, покорительные удары въ неподготовленный мозгъ и заставляютъ его принимать рѣшенія, не имѣющія видимой причинной связи съ предыдущей работой сознанія, но, тѣмъ не менѣе, обезоруживающія своей внутренней убѣдительностью. Такого рода «стихійныя» рѣшенія рождаются или въ минуты кульминаціоннаго повышенія вѣры въ мощь своего собственнаго «я», или же въ минуты полнаго крушенія лучшихъ надеждъ и упованій. Въ томъ и другомъ случаѣ — какъ въ минуты высочайшаго подъема, такъ и въ минуты глубочайшаго паденія — рождаются лишь тѣ «безумныя» рѣшенія, которыя имѣютъ свою глубокую внутреннюю логику.

Такая глубокая внутренняя логика заключалась и въ роковомъ рѣшеніи Саббатая-Цеви. То героическое устремленіе къ созданію новаго міра, которое выдѣляетъ его фигуру въ еврейской исторической галлерей послѣднихъ вѣковъ, заключало въ себѣ съ самаго начала зачатіе такого рѣшенія. Ибо мессіанизмъ Саббатая-Цеви, въ которомъ проявлялось столь мощное *утвержденіе* еврейства, таилъ въ себѣ одновременно и не менѣе рѣшительное его *отрицаніе*. Его мессіанизмъ былъ бунтомъ той непокорной воли, которая не пріемлетъ уже срединной плоскости, для которой существуетъ лишь или возделѣнная вершина, или демонически влекущая пропасть. Абсолютное непріятіе голуса во всѣхъ его проявленіяхъ, отказъ отъ пассивнаго выжиданія, жестоковольное нежеланіе мириться съ обрекающей на прозябаніе еврейской дѣйствительностью — таковы были психологическіе моменты, изъ которыхъ слагалось мессіанское движеніе, таковы были и пружины, двигавшія Саббатаемъ-Цеви. Онъ заявилъ голусу свое абсолютное «не пріемлю», онъ вызвалъ рокъ на состязаніе, и въ этомъ вызовѣ уже заключалась готовность никогда болѣе не возвращаться къ прежнему состоянію: онъ долженъ очутиться *надъ* рокомъ или *подъ* рокомъ, но онъ больше не желаетъ стоять *передъ лицомъ* рока. Голусъ долженъ быть преодолѣнъ полнымъ освобожденіемъ еврейства или же

полнымъ его уничтоженіемъ — таково было несознанное, но глубоко коренившееся стремленіе Саббатая-Цеви, таково было его незблемое внутреннее рѣшеніе.

И этимъ именно рѣшеніемъ — независимо отъ того, жило ли оно въ немъ въ качествѣ яснаго, отчетливаго сознанія, или же въ качествѣ основного тона его безсознательной душевной жизни — слѣдуетъ, какъ намъ представляется, объяснить и фактъ его отступничества. Саббатіанское движеніе было наиболѣе яркимъ во всей исторіи еврейской діаспоры проявленіемъ протеста противъ психологич. приспособленія, покорности и терпѣнія, и если вспомнить при этомъ ту исключительную, хотя и понинѣ еще недостаточно оцѣненную роль, которую игралъ въ этомъ движеніи марранскій элементъ, то намъ станетъ еще понятнѣе и яснѣе, что непріятіе голуса должно было неминуемо привести къ такимъ эксцессамъ, какимъ является отступничество Саббатая-Цеви, повлекшее за собою переходъ въ исламъ и значительнаго числа его сторонниковъ. Марраны внесли въ саббатіанское движеніе особую страстность; ихъ тоска по національномъ освобожденіи была, естественно, несравненно глубже и острѣе, чѣмъ у всего остального еврейства, не только потому, что они извѣдали свою особую боль и въ ихъ жизни страданія за еврейство достигли кульминаціоннаго пункта, но и по другимъ еще, болѣе глубокимъ, психологическимъ причинамъ. Пребываніе въ марранствѣ, съ одной стороны, воспитало въ нихъ болѣзненную тоску по еврействѣ, но, съ другой стороны, оно обострило въ нихъ и стремленіе къ нормализаціи еврейской жизни. Какъ бы неискренне ни было то христіанство, которое марраны «исповѣдывали», они все же жили уже нѣкоторое время въ близкомъ общеніи съ болѣе счастливыми и нормальными народами, и это общеніе не могло не отразиться на повышеніи ихъ человѣческихъ потребностей и, запросовъ. На фонѣ той новой жизни, въ которую они были вовлечены, еврейскій голусъ долженъ былъ казаться особенно уродливымъ, и, вернувшись въ еврейство, марраны привнесли въ него и ощущеніе новыхъ, непримиримыхъ съ голусомъ, потребностей, особенно рѣшительное непріятіе голуса. Тотъ же Уріель Аюста,

который сорвал съ себя цѣпи католической инквизиціи и вернулся въ еврейство, — очутившись въ амстердамскомъ гетто, — почувствовалъ внутреннюю необходимость разорвать и цѣпи голуснаго раввинизма и гетто. Непрїятїемъ гетто (въ широкомъ и символическомъ значенїи этого слова) и объясняется тотъ, на первый взглядъ, странный фактъ, что многіе марраны, возвращавшіеся въ еврейство, черезъ нѣкоторое время снова и добровольно его покидали. Мессіанское движеніе XVII-го вѣка, стремившееся къ уничтоженію гетто во всѣхъ его проявленїяхъ, должно было, поэтому, вызвать въ средѣ маррановъ особенно глубокой энтузіазмъ, и нѣтъ сомнѣнїя, что они вносили въ это движеніе элементъ крайней непримиримости и страстно-фанатическаго отрицанїя голуса. Въ ихъ средѣ Саббатай-Цеви находилъ наиболѣе экзальтированныхъ поклонниковъ, которые, въ свою очередь, не могли не вліять и на своего вождя въ смыслѣ обостренїя въ немъ того антиголуснаго начала, которое и безъ того глубоко коренилось во всей его натурѣ. Въ этомъ отношенїи чрезвычайно характернымъ является предсказаніе упомянутаго уже маррана-каббалиста А.-М. Кордозо, по которому избавленіе не можетъ наступить, пока всѣ евреи не будутъ обращены въ чужую вѣру: въ этомъ предсказанїи проявляется въ глухой и смутной формѣ то эксцессивное антиголусное броженіе, которое приходило въ марранскихъ кругахъ, заражало собою и другіе элементы еврейства и углубляло въ «героѣ» того времени, Саббатай-Цеви, стремленіе къ преодолѣнїю голуса если не возрожденїемъ еврейства, то какой-нибудь мучительной и гибельной для послѣдняго операцией.

Саббатай-Цеви готовился всю жизнь къ «исходу» изъ голуса. Онъ былъ увѣренъ, что есть *надземный* выходъ изъ голуса, и всѣ его мистическія прїуготовленїя имѣли цѣлью найти ключи къ этому выходу. Когда же ему стало до очевидности ясно, что надземный выходъ наглухо закрытъ и всѣ его прїуготовленїя остались безрезультатными, онъ бросился къ *подземному* выходу, ведущему въ раскрытую пропасть національнаго самоуничтоженїя, но также приносящему избавленіе отъ голуса. Въ тотъ моментъ, когда Саб-

батая-Цеви надѣвалъ на свою голову турецкій тюрбанъ, онъ совершалъ, такимъ образомъ, то же преодоленіе голуса, что и за всѣ годы его упражненій въ практической каббалистикѣ, обѣщавшей возложить на его голову корону короля Сіона...

Лишь полное разочарованіе въ собственныхъ силахъ, лишь глубокое душевное банкротство могло привести Саббатая-Цеви къ переходу въ исламъ. И если рабби Яковъ Эмденъ приводитъ въ своей, выше уже цитированной, книгѣ то толкованіе, по которому Саббатай-Цеви рѣшился на отреченіе отъ еврейства ради спасенія оттоманскихъ евреевъ отъ угрожавшей имъ, по его вѣнѣ, опасности, то и это объясненіе доказываетъ лишь то, что въ моментъ отступничества онъ уже болѣе не вѣрилъ въ свое мессіанское призваніе. Ибо, если бы онъ и тогда продолжалъ вѣрить въ свои сверхъестественныя силы, способныя открыть еврейству надземный выходъ изъ голуса, то никакія угрозы со стороны турецкихъ властей не могли бы смутить его духъ: его экзальтированное воображеніе подсказало бы ему въ тотъ моментъ какой-нибудь другой путь спасенія, который соотвѣтствовалъ бы глубокому мистицизму его души.

То, что свершилось въ адрианопольскомъ дворцѣ, могло наступить лишь какъ результатъ гибели той, казалось, несокрушимой вѣры въ свое великое призваніе, которой Саббатай-Цеви жилъ, начиная съ нѣжнаго отроческаго возраста, и которая годами укрѣплялась въ немъ экзальтированными массаами. Почему и какимъ образомъ эта вѣра въ немъ погибла — это составляетъ самостоятельный психологическій вопросъ, на который при скудости матеріаловъ и документовъ, относящихся къ саббатіанскому движенію, врядъ ли удалось бы найти удовлетворительный и болѣе или менѣе исчерпывающій отвѣтъ. Весьма возможно, что вѣра была въ немъ подточена его предателемъ, Нееміей Когеномъ, — этимъ, можетъ быть, единственнымъ въ то время каббалистомъ и провозвѣстникомъ мессіанскихъ временъ, который не увѣровалъ въ призваніе Саббатая-Цеви. О той бесѣдѣ, которая велась въ теченіе трехъ сутокъ между Саббатаемъ-Цеви и Нееміей Когеномъ въ галлипольской крѣпости, за нѣсколько дней до того, какъ первый былъ уве-

зень въ Адріанополь, мы знаємъ лишь то, что она причинила неисчислимья испытанія Саббатаю-Цеви безчисленными разоблачительными доказательствами его «самозванства». Весьма возможно, что именно эта бесѣда и поколебала, а затѣмъ и погубила въ немъ вѣру въ самого себя. Прибытія Нееміи Когена изъ Польши галлипольскій узникъ ждалъ съ исключительнымъ трепетомъ, онъ возлагалъ на этого популярнаго въ еврействѣ каббалиста самую широкія надежды и говорилъ своимъ приближеннымъ, что Неемія Когенъ будетъ шествовать передъ нимъ и расчищать для него дорогу къ великой славѣ. И именно онъ-то, Неемія Когенъ, оказался тѣмъ, кто въ обстановкѣ, накаленной вѣрой и энтузіазмомъ, рѣшился бросить ему въ лицо свое категорическое «не вѣрю». Надо потому думать, что въ гибели вѣры Саббатая-Цеви не послѣднюю роль сыгралъ Неемія Когенъ, почему-то не поддавшійся общему гипнозу. Ясно, однако, то, что, по тѣмъ ли, по другимъ ли причинамъ, Саббатай-Цеви передъ отступничествомъ пережилъ критическій моментъ пробужденія отъ тѣхъ чарующихъ сновъ и видѣній, которыя когда-то имъ овладѣли. Онъ пережилъ моментъ *отрезвленія* и передъ его глазами сталъ разстилаться во всей своей непривѣтливости тотъ міръ *дѣйствительности*, котораго онъ ранѣе, не зналъ и не признавалъ. Онъ посмотрѣлъ въ лицо дѣйствительности и сразу постигъ все свое безсиліе, всю невозможность того восхожденія, къ которому онъ порывался всю жизнь. Для него раскрылись два пути: вялый, безконечный путь голуса, и путь, ведущій къ раскрытой пасти бездны. Какой путь онъ могъ и долженъ былъ избрать? На путь голуса онъ заклалъ себя никогда не возвращаться — и онъ избралъ второй путь.

Адріанопольскіе царедворцы видѣли предъ собою жалкаго человѣка, склоняющаго голову передъ султаномъ и ученымъ муфтіемъ Ванни. Они не знали, что въ этотъ моментъ Саббатай-Цеви, подобно его предшественнику, Іосифу де-ла-Рейна, молчаливо совершаетъ сатанинское таинство мщенія жестокому Богу Израиля...

★

АНДРЕЙ СОВОЛЬ
ВСТАНЬ И ИДИ

★

ВСТАНЬ И ИДИ

I

Какъ зовутъ его на самомъ дѣлѣ никто не зналъ, также не знали, гдѣ онъ родился и чѣмъ занимался въ Россіи до своего пріѣзда за границу. Въ Парижѣ его звали Яковомъ Балцаномъ, въ Швейцаріи онъ жилъ подъ именемъ «господинъ Сурайскій», а когда я съ нимъ встрѣтился въ Италіи — онъ уже назывался Александромъ Гомельскимъ. Въ Италіи онъ купилъ ослика, телѣжку, задешево приобрѣлъ старую шарманку, которая шипѣла, какъ шиняты иногда разозлившіяся дряхлыя кошки, шарманку уложилъ на телѣжку, ослика разукрасилъ разноцвѣтными лентами — и такъ обошелъ всю Италію. А ослика онъ прозвалъ «товарищемъ Михаиломъ».

Встрѣтились мы въ маленькой деревушкѣ на берегу моря неподалеку отъ большого почтоваго города. Я жилъ въ этой деревушкѣ, а онъ направлялся на югъ. Я его сразу узналъ, хотя въ Парижѣ онъ носилъ бороду, а тутъ былъ бритъ и до смѣшного похожъ на ксендза изъ Литвы — высокій, худой, жилистый, длинноногій; былъ онъ въ шляпѣ съ огромными полями, въ коричневой бархатной курткѣ, а на шеѣ красовался ослѣпительно-голубой платокъ-галстухъ.

Онъ не сразу остановился, когда я его окликнулъ, но потомъ все же обернулся и, протягивая мнѣ руку, коротко сказалъ:

— А, это вы! — и схватилъ ослика за уши. — Товарищъ Михаилъ, назадъ.

Онъ переночевалъ у меня; за ужиномъ пилъ много, но не пьянѣлъ и мало, скупно говорилъ, только изрѣдка кидалъ два-три слова нехоти, туго.

— Славно тутъ... Хорошо отдохнуть... Говорятъ, евреи не любятъ выпить. Ерунда, клевета. Не вѣрьте. Ваше здорovie! Французскія вина тоньше, итальянскія грубѣе, а женщины наобороть...

Завести французскій погребуъ и жениться на итальянкѣ — это не дурно. Въ антрактахъ можно фаршированную рыбу. Ваше здоровье!

Темнѣло медленно, и медленно тонулъ въ сумеркахъ его фантастическій голубой галстухъ съ развѣвающимися концами; загорались свѣтляки; въ вечерней дымкѣ таяла бѣлая колокольня Санта-Кроче. Было тихо и грустно.

А утромъ, когда подь жгучимъ солнцемъ море покрылось молочно-бѣлыми пятнами, онъ ушелъ такъ же молча, какъ и пришелъ, погоняя ослика. Осликъ покорно поплелся впередъ; пестрѣли разноцвѣтныя ленточки, дребезжала тележка, кряхтѣли колеса, а Гомельскій шелъ позади — и скоро все это пропало тамъ, гдѣ отъ красной церкви расходились три дороги: на югъ, въ горы и къ портовому городу.

А часа три спустя горничная, прибирая комнату, гдѣ ночевалъ гость, нашла подь кроватью небольшую записную книжку. Я спряталъ ее и все ждалъ: а вдругъ Александръ Гомельскій придетъ за своей книжкой и все поглядывалъ: не покажется-ли маленькій, потѣшный осликъ съ грустными умными глазами, невѣдомо почему прозванный «товарищемъ Михаиломъ».

Но день за днемъ тянулся, а онъ все не появлялся. Потомъ пожелтѣли виноградники, потемнѣло море — и пришла тягостная дождливая осень, скучная, какъ надоѣдливый гость.

Море шумитъ глухо-глухо. За балкономъ съѣтъ дождевыхъ брызгъ, подь окномъ мокнетъ крохотная деревушка, а вечеромъ, когда море, небо и берегъ сливаются вмѣстѣ и тонуть въ темнотѣ и только изрѣдка шурится огонь маяка на мысѣ Porto, я беру истрепанную записную книжку гдѣ на первой страницѣ древне-еврейская фраза «лехъ-лейхо», встань и иди — и цифры — «1908 — 1914 г.» — и читаю: вѣдь, я одинъ и неужели тотъ, ушедшій, одинокій, не проститъ мнѣ, тоже одинокому?

II

«Все очень просто, нѣтъ ничего страшнаго на свѣтѣ — и все, все нечаянно и все случайно. Не страшно, когда любимая жена говоритъ тебѣ «уходи, я тебя разлюбила» — тогда открываютъ дверь, уходятъ во мракъ, во тьму навсегда, ибо нѣтъ возврата, ибо нѣтъ любви вѣчной и единой, но когда любимая, тѣло которой было твоимъ, глаза которой принадлежали только тебѣ, говорить тебѣ «жидъ»

и злобно отталкивает тебя — тогда что? Гдѣ тогда сознание: все очень просто? И какъ забыть, какими словами оправдать, какимъ гнѣвомъ иссушить себя?

Бѣжать, бѣжать надо! Но куда и какъ уйти отъ сознанія безповоротнаго и какъ устоять на ногахъ послѣ того, какъ ударили тебя, послѣ того, какъ ты ушалъ на землю и увидѣлъ, что неба нѣтъ надъ тобой, нѣтъ звѣздъ и нѣтъ радости?

Надо чуть чуть успокоиться и надо... бѣжать, бѣжать!

Я отвелъ ея руку и отвѣтилъ:

— Да, я жидъ, но развѣ ты объ этомъ раньше не знала?

Я сказалъ спокойно и даже закурилъ, отвѣчая. Я не люблю лишнихъ тѣлодвиженій.

Вечеромъ она стучалась ко мнѣ и просила:

— Впусти меня,пусти. Слушай, слушай, ты не понялъ меня, я нечаянно. Ты меня разозлилъ, ты былъ упрямъ, ну, я и потеряла голову. Слушай,пусти, ты поймешь, что я не нарочно.

А я всѣмъ тѣломъ навалился на дверь; потомъ я слушалъ, какъ жена плачетъ и глядѣлъ, какъ свѣжинки кружатся вокругъ фонаря.

Ночью я перечелъ всѣ ея письма — въ прочитанныхъ мною рассказахъ всѣ обманутые, разочарованные, оскорбленные и проч. мужья такъ поступали — и въ каждой строкѣ я находилъ то, что мнѣ нужно было, чего я раньше не видалъ: начало сегодняшняго конца. Потомъ я разорвалъ письма, поздравилъ себя и вспомнилъ священника, который меня крестилъ и крестную мать свою и вѣнчаніе наше. Мы вѣнчались на югѣ. Тогда цвѣли мимозы — за церковной оградой ихъ было много. Идя изъ церкви я говорилъ своей женѣ: ты нѣжная, ты нѣжная, какъ мимоза и ты пахнешь, какъ мимоза.

Да, нѣжная. Но развѣ долженъ и смѣть чертополохъ подходить къ мимозѣ? Тогда мимоза сворачиветъ свои листья, трепещетъ: *pop me tangere* и кричить... Да, да, я знаю: нечаянно.

Когда она заснула, я осторожно подошелъ къ ея постели. О, мы народъ безъ сантиментовъ — это была послѣдняя вспышка сентиментальности. Я подошелъ, поглядѣлъ на нее, не помню, сколько я простоялъ, не знаю, минута промелькнула или часъ прошелъ, но, когда я вернулся въ свою комнату, я уже зналъ, что прошлое умерло, что возврата нѣтъ и не будетъ, что все лучшее въ душѣ затоптано и что пора проснуться. Уже свѣтало, потомъ показалось солнце — но глазамъ было больно отъ свѣта и меня всего пе-

редергивало отъ скрипа снѣга, отъ бодрого гула идущаго новаго дня. Человѣкъ всегда пугается, когда его будятъ внезапно, даже, когда ему за тридцать лѣтъ, даже, когда онъ аналитикъ и знаетъ, что неизбѣжно и живо старое велѣніе: «лехъ лехо», — встань и иди. Куда?

Къ обѣду явился Михаилъ, братъ жены. Онъ широкоплечій, плотный. У него волосы подстрижены бобрикомъ, онъ очень видный кооператоръ, у него всегда великолѣпные жилеты, а у меня борода и волосы въ беспорядкѣ, и я до сихъ поръ не знаю, какаѧ разница между коопераціей и акціонернымъ обществомъ, но мы работаемъ въ одной газетѣ, очень радикальной, такъ что мы какъ бы товарищи или, какъ онъ любитъ говорить, стоимъ на одной платформѣ.

Жена не вышла къ обѣду, Михаилъ почувствовалъ неладное, ушелъ къ своей женѣ, а, когда онъ вернулся и быстрымъ шагомъ направился ко мнѣ, смущенно и преувеличенно-громко зовя меня, уже на порогѣ держа наготовѣ протянутую руку, я догадался, о чемъ онъ хочетъ сказать, отвернулся и ушелъ съ нашей «общей платформы».

Ба, вѣдь мы люди безъ сантиментовъ и, если намъ не по себѣ на одной платформѣ — то переходимъ на другую.

Итакъ, въ путь. Я говорю себѣ:

— Вѣдь бродили же твои предки! (крестная мать, къ вамъ это не относится). Поброди и ты.

У меня въ рукахъ письмо Михаила. Я знаю, онъ поглаживалъ одной рукой свой бобрикъ, а другой писалъ мнѣ, что нельзя же, нельзя одно нечаянно вырвавшееся слово возводить въ нѣчто огромное, это уже черемърная болѣзненная чувствительность. Что жъ подѣлаешь, товарищ Михаилъ, я ужъ изъ такого тѣста и — на всѣхъ перронахъ вокзаловъ всего міра я буду рекламировать свою боль.

III

Куда итти, какому Богу молиться, какія молитвы шептать, когда глаза дороги не видятъ, когда уши глухи ко всему, и знаю я только одно: встань и иди.

Въ Салоникахъ старый еврей въ фескѣ, похожій на турка, угощаетъ меня чернымъ кофе, бесѣдуетъ со мной на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ и разспрашиваетъ о погромахъ. Онъ когда-то дав-

но слышал слово «Кишиневъ» и запомнилъ его. И еще спрашивается: слышали-ли мы, живущіе въ Россіи, о томъ, что творилось у нихъ, какъ разрушали ихъ жилища и вѣрять-ли русскіе евреи въ приходъ для свободы и объединенія. Я отвѣтилъ ему:

— Да, когда бьютъ еврея въ Салоникахъ — плачутъ еврей въ Гомелѣ.

Я плохо говорю по — нѣмецки, онъ еще хуже.

Передъ нами шумная улица, снуютъ греки, турки, арабы, мелькаютъ котелки, чалмы, закутанныя женщины, горланятъ люди, кричатъ ослики, хлопаютъ бичи, — и подъ гулъ и шумъ два еврея стараются другъ друга понять и не могутъ, а небо надъ ними голубое.

Да, бьютъ въ Салоникахъ одного, а другой за тысяча верстъ идетъ въ церковь и говоритъ своей возлюбленной: ты нѣжна, какъ мимоза, ибо нѣсть эллина и іудея.

Подъ вечеръ я взялъ лодочника и выѣхалъ въ море. На пароходахъ горѣли огни, играла музыка. Я вспомнилъ, какъ два года тому назадъ я былъ съ женой на озерѣ Свѣтояръ и какъ она рассказывала мнѣ о градѣ невидимомъ и о томъ, что придетъ часъ и зазвонятъ его колокола, неся миръ и свѣтъ ясный.

Пусть звонятъ — я все равно не услышу, все ложь. И вдругъ въ отраженіи пароходныхъ огней на водѣ я увидѣлъ бобринкѣ товарища Михаила. Я крикнулъ лодочнику:

— Назадъ.

Онъ не понялъ меня. Я вырвалъ весло и ударилъ по водѣ.

Опять я въ пути, въ безконечномъ пути.

Но не насмѣшка-ли надъ всѣми законами слово: еврей-бродяга?

Въ Мессинѣ я пью какое то странное вино, а улицы полумертвыя и чудится: все еще бродятъ безумные, оглашая развалины дикими криками.

Словно *мой* городъ, но я не кричу, я тихо — тихо сижу въ недостроенномъ кафѣ и гляжу на городъ тѣней и на тѣни — людей.

Знаю: ночью буду думать о Россіи; знаю: ночью я буду бродить по русскимъ полямъ.

Я кладу кирпичъ за кирпичомъ, но стѣна медленно растетъ, а вѣдь мѣсяцы бѣгутъ. Я плохой строитель и, когда я карабкаюсь вверхъ съ кирпичомъ, меня легко снизу схватить за пятку.

Я боюсь за свою пятку, я ей не довѣряю — надо быстрѣе, быстрѣе перебирать ногами.

Шумить, гудить Парижъ — нѣжный и вызывающій, чуткій и

злой, веселый и пасмурный, каждый часъ другой, каждый мигъ мѣняющійся, но всегда, всегда невѣрный и прекрасный.

Парижъ — моя узловая станція.

Первый звонокъ... Куда?...

На St. Michel покупаю русскія газеты, въ нихъ безотрадная грусть, словно въ дождливый день попасть въ затерявшуюся рошу, а за рошей кричить куликъ на болотѣ.

Деньги приходятъ къ концу — тѣмъ лучше.

Хочу вспомнить и не могу: что захватили мои предки, уходя изъ Египта?

Въ библиотекѣ св. Женевьевы тепло и тихо — можно спокойно, не торопясь перелистывать книгу и читать о томъ, какъ много лѣтъ тому назадъ огромныя толпы шли изъ страны въ страну. Тогда не было желѣзныхъ дорогъ, но зато была вѣра.

Кто дастъ мнѣ ее? — пикто. И къ чему она? — это предметъ излишней роскоши.

«И строили они Пивомъ и Рамсесъ»...

IV

Въ понедѣльникъ утромъ въ булочной мосе Бориче мнѣ отказали въ кредитѣ.

Надъ Парижемъ небо виситъ мокрой тряпкой и даже на большихъ бульварахъ пусто и глухо, точно въ деревнѣ въ зимнюю вьюжную ночь.

У единственной моей знакомой изъ русскихъ, у Ривочки Менагидъ, кошелекъ скучно валяется на этажеркѣ, сморщенный, какъ губка, изъ которой только что выжали послѣднюю каплю воды.

— Мы будемъ надѣяться и ждать, — говоритъ Ривочка.

— Чего?

— Чуда.

Она еще вѣрить въ чудеса — худенькая, тоненькая Ривочка, та самая, что такъ любитъ Толстого и такъ путаетъ буквы «ш» и «с».

Кромѣ Толстого Ривочка еще любитъ «Кнута Гамсуна» и меня, — ей холодно въ Парижѣ, онъ давитъ ее, пугаетъ, огромный и непонятный ей — и я вижу, какъ она тянется ко мнѣ и какъ ждетъ отвѣта.

Когда я пью абсентъ — она блѣднѣетъ и проситъ:

— Не надо, — а потомъ ведетъ меня, слегка шатающагося, по темнымъ заснувшимъ улицамъ и все спрашиваетъ:

— Ну, Яковъ, куда теперь: направо или налево?

Я отвѣчаю:

— Никуда.

Но Ривочка знаетъ: никуда — это нельзя, такъ отвѣчаютъ только подвыпившіе — и ведетъ меня на угадъ, а Парижъ разстилается все шире и шире.

— Ну, Яковъ, а теперь куда? — безнадежно допытывается Ривочка, а мимо проносятся автомобили, огнеглазые, безшумные въ ночи и въ ночи же пропадаютъ таинственно.

Четвертый день, какъ я уже не бываю у Ривочки, а голова кружится отъ голода, невольно поднимаешь ее вверхъ и прочитываешь всѣ вывѣски. Позже рѣзъ въ желудкѣ — тогда уже глаза впадаютъ въ витрины магазиновъ, но почему-то всегда въ витрины гастрономическихъ лавокъ, булочныхъ и мясныхъ.

На rue Rivoli я останавливаюсь. Какъ всегда эта улица сверкаетъ огнями, точно коготка поддѣльными драгоценностями отъ Тэта.

Еще минуту — и я упаду и знаю: тогда уже кончено, тогда уже не подняться и нѣтъ Ривочки, которая могла бы сказать:

— Ну, Яковъ, я прошу васъ, встаньте.

Усиліе, другое — и я иду дальше. Я на rue des Ecauffes, гдѣ всѣ лавченки и ресторанички еврейскіе, гдѣ всѣ вывѣски на еврейскомъ языкѣ и гдѣ за стойками, обычными французскими стойками, стоятъ тарелки съ рубленой печенкой, плаваютъ въ желтомъ соусѣ куски фаршированной рыбы.

Уличка эта темная, узенькая, освѣщенная рѣдкими фонарями, словно осколокъ Минска или Гомеля, какимъ-то чудомъ перенесенный и брошенный въ каменную гущу Парижа. Она говорливая, шумная, заполненная дѣтвoroй, обклеенная еврейскими афишами, заставленная прилавками съ еврейскими газетами и такъ часто мелькають на ея скользкой мостовой старухи въ платкахъ и старини въ старомодныхъ картузахъ.

И на этой улицѣ произошла моя встрѣча съ господиномъ Перельманомъ — директоромъ еврейской труппы изъ Филадельфій, онъ же бывшій приказчикъ чайного магазина на Тронской улицѣ въ Вильнѣ.

Я сидѣлъ на тротуарѣ у порога какого-то рестораничка, а въ это время господинъ Перельманъ выходилъ изъ ресторана; ему въ догонку кричали по еврейски.

— Господинъ Перельманъ, вы еще пожалѣете! а господинъ Перельманъ отвѣчалъ:

— Э, это мы увидимъ.

Глядѣлъ онъ въ сторону, ногой задѣлъ меня и пошатнулся.

Я медленно приподнимался на локтѣ. Онъ нагнулся ко мнѣ:

— Гдѣ вы такъ здорово напились? А еще еврей.

Тогда я просто сказалъ:

— Я четыре дня ничего не ѣлъ.

Минуты черезъ двѣ онъ ужъ велъ меня въ ресторанъ. Я шелъ покорно, я ни о чемъ не думалъ: я былъ голодень, а близко пахло мясомъ и хлѣбомъ — и этимъ все сказано.

Уже на порогѣ господинъ Перельманъ кричалъ сильнымъ басомъ:

— Мадамъ Фихтманъ, порцію лапши и печенки! — а ему навстрѣчу изъ-за столика поднимался маленькій худенькій еврей въ желтой шляпѣ и шепелявилъ:

— Вы все-таки вернулись, господинъ Перельманъ, я вамъ говорилъ что вы еще пожалѣете.

— Не къ вамъ, Мерчикъ, успокойтесь! — отрѣзалъ господинъ Перельманъ.

Дымилась лапша, чудесно пахла печенка, а рядомъ со мной господинъ Перельманъ отчитывалъ Мерчика, Мерчикъ жалобно оправдывался, и оба говорили о какихъ-то удивительныхъ непонятныхъ вещахъ:

— Господинъ Перельманъ... Я вамъ говорю, дайте мнѣ Грузенберга, и я оправдаю ваши надежды. Господинъ Перельманъ... Я и мой цилиндръ... Живой Грузенбергъ будетъ передъ вами...

— Мерчикъ! — тянулъ Генри Перельманъ. — Вѣдь вы двухъ словъ не можете связать, вы шепелявите, а вашъ цилиндръ въ Пьетѣ. Тоже адвокатъ! Во первыхъ, Грузенбергъ человѣкъ съ фигурой, а вы грибъ. Берете Пранайтиса? Такъ ужъ быть Пранайтиса я вамъ дамъ...

Я доѣлъ лапшу, поднялъ голову, взглянулъ на Генри Перельмана, мигъ — и вдругъ Генри Перельманъ подскочилъ и со всего размаха ударилъ меня по плечу, крича:

— Живой Пранайтисъ, честное слово, только бороду долой. Это я понимаю, это находка.

Я недоумѣвалъ, но черезъ нѣсколько минутъ у меня въ карманѣ лежалъ пятифранковинъ въ видѣ аванса, а до аванса былъ краткій діалогъ.

— Не надуете?
— Я не мошенникъ.
— Вашъ адресъ.
— Бульваръ Санъ-Жакъ, номеръ...
— Хорошо, будьте здоровы. Эй-эй, постойте. Балцанъ мнѣ не нравится. Ваша фамилія будетъ... будетъ... Оппенгеймеръ. Недурно, а?

А часа два спустя Ривочка ѣла свой любимый шукрутъ, запиная его гренадиномъ и все спрашивала:

— Ну, вы работу нашли? Ну, не можетъ быть?

Я отдыхалъ. Какъ всегда, вышли вмѣстѣ. Я проводилъ ее до дому, а у дверей остановился. Я зналъ: только протянуть руку — и близко, совсѣмъ близко подойду дѣвичьи глаза, согрѣютъ, придетъ тропинка... Пойдешь прямо... пойдешь влѣво... Я снялъ шляпу и отошелъ. Было холодно, холодно.

Парижъ мокъ подъ дождемъ. Запоздавшая проститутка окликнула меня. Я ей сказала, что завтра я снимаю бороду и поступаю въ монастырь. Она попросила франкъ. У меня было всего 50 сантимовъ. Мы подѣлились и пожелали другъ другу спокойной ночи.

Помню: на ней было бѣлое платье. У фонаря я замѣтилъ, что оно все промокло и, какъ трико, липнетъ къ тѣлу. Я ускорилъ шагъ. Подъ мостомъ на какой-то баржѣ мигалъ огонекъ.

V

Въ зданіи кинематографа «L'oiseau d'or» рабочіе перестраиваютъ эстраду. Надъ входомъ два француза прибиваютъ кусокъ полотна съ аршинными буквами: «гастроли еврейской труппы изъ Филадельфіи.» На наружныхъ стѣнахъ треплются подъ вѣтромъ разноцвѣтныя афиши съ жирными строками «Мендель Бейлисъ, пьеса въ пяти дѣйствіяхъ, всюду колоссальный успѣхъ.»

Генри Перельманъ подводитъ меня къ угрюмому въ прыщахъ актеру:

— Будьте знакомы, мой главный — Мендель Бейлисъ.

Тотъ кланяется:

— Джоржъ Зиссеръ.

И я кланяюсь:

— Шарль Оппенгеймеръ.

На репетиціи онъ училъ меня. Генри Перельманъ потираетъ ладони:

— Великолѣпно! Вылитый Пранайтисъ.

Я получаю отъ Генри Перельмана еще 15 франковъ, а отъ Джоржа Зиссера наставленіе:

— Учитесь у меня, слѣдите за моей походкой, прислушивайтесь къ моей интонаціи, и вы будете актеромъ.

Къ вечеру оказывается, что Джоржъ Зиссеръ любитъ иногда выпить, но онъ быстро пьянѣетъ и плачетъ:

— Я погибаю. Когда-то я любилъ театръ, а теперь я его ненавижу, но я ѣсть хочу. Шарль, я погибаю. Въ Бердичевѣ у меня жена и дѣти, а тутъ мнѣ не даетъ покою — вотъ эта! — И онъ указываетъ на г-жу Эльзу Шрубъ, она же Вѣра Чебырякъ. У Эльзы Шрубъ тройной подбородокъ и плоскіе ногти, но чудесные черные глаза съ поволокой.

Въ трезвомъ видѣ онъ бубнить:

— Я и еврейскій театръ.. Я и Адлеръ... Я и Зонненталь.

Эльза Шрубъ кричитъ:

— Михель, опять за вино!

Два дня спустя къ намъ присоединяется Аронъ Фарберъ — Грузенбергъ, курчавый веселый актеръ, бывшій педлеръ, знающій анекдоты всего міра и пѣсенки и прибаутки на всѣхъ языкахъ. За день до генеральной репетиціи Джоржъ Зиссеръ ушелъ тайкомъ отъ Эльзы Шрубъ — и мы втроемъ засѣли въ кафѣ до разсвѣта. Послѣ первой бутылки Джоржъ Зиссеръ началъ по обыкновенію:

— Я погибаю...

Я крикнулъ, не вытерпѣвъ:

— Бросьте ломаться.

А Фарберъ пересталъ смѣяться, скомкалъ начатый анекдотъ и еле слышно сказалъ:

— Онъ не ломается. Онъ хорошій человекъ. Его изломали.

Стало тихо. На разсвѣтѣ Джоржъ Зиссеръ привязался къ Фарберу:

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, кто мы. Нѣтъ, ты мнѣ объясни, почему я не продаю сунна, а ты не покупаешь муки? Объясни и дай мнѣ десять франковъ взаймы. А, жалѣешь! Грузенбергу жалко дать Бейлису десять франковъ? Педлеръ, въ Америкѣ я бы съ тобой не раскланивался.

На генеральной репетиціи я не во время перебилъ председателя суда, нечаянно наступилъ на платье г-жи Эльзы Шрубъ и раньше, чѣмъ слѣдовало, обернулся къ присяжнымъ засѣдателямъ.

Странно: вѣдь роль-то я знаю на зубокъ. Когда-то играла одну роль, гдѣ дѣйствіе происходило въ церкви, и гдѣ росла мимоза, почему же теперь я путаю реплики?

Noli me tangere... Господа судьи, я могу сказать съ спокойной совѣстью, что всё сврен, начиная съ подсудимаго, лгутъ, когда говорятъ, что... (дѣйствіе II, явл. 5-ое)...

VI

Сейчасъ поднимется занавѣсъ. Я въ гримѣ, гляжу въ зеркало — дѣйствительно, я вылитый Пранайтисъ. Рядомъ со мной м-ме Мэри Штернъ, по пьесѣ подруга Вѣры Чебырякъ. Она рассказываетъ мнѣ, какъ въ прошломъ году ей объяснился въ любви румынъ изъ Бухареста и предложилъ ей руку и сердце, но она до сихъ поръ не знаетъ, какъ ей быть.

Она совѣтуется со мной. О, конечно, конечно, принять, надо обѣими руками ухватиться, тѣмъ болѣе, когда руки красныя и пахнутъ яичнымъ мыломъ.

Звонокъ, я бѣгу на сцену и опять наступаю на подолъ юбки Эльзы Шрубъ. Игра начинается, я въ ударѣ, я это чувствую, уроки Джоржа Зиссера не пропали даромъ, но почему, почему такъ тревожно на душѣ, словно наканунѣ вѣсти неожиданной и жуткой?

Молодежь, заполнившая заднія скамьи, свиститъ при каждомъ моемъ выходѣ.

— Э, это политика? — улыбается Генри Перельманъ во всю ширину лица и хлопаетъ меня по плечу. — Пусть это васъ не огорчаетъ.

Меня? Помилуйте, развѣ я не знаю, что такое «политика» и развѣ я не стоялъ когда-то на общей платформѣ.

Когда судъ кончился — захохотали скамьи, и кто-то изъ публики пустилъ въ меня гнилымъ яйцомъ. Яйцо попало въ щеку, и вонючая жидкость поползла по шеѣ.

Отвратительная гниль на моемъ лицѣ, на моихъ рукахъ, я задыхаюсь. Такъ вотъ она вѣсть неожиданная — теперь и я пахну.

Точно мимоза. Точно мимоза молодая.

Я бѣгу въ угловое крошечное кафэ, гдѣ меня обычно ждетъ Ривочка. Завидѣвъ меня издали, она встаетъ, обрадованная, осчастливленная моимъ приходомъ.

Я схватываю ее за руку:

— Ривочка!

— Ну? — пугается Ривочка.

— Ривочка, я домой хочу, домой!

Она загоразивает меня отъ посѣтителей, нагибается ко мнѣ:

— Ну, идемъ! Ну, тише. Яшенька! Ну, идемте домой!

— А гдѣ домъ мой, гдѣ домъ мой? — спрашиваю я и хочу и жду отвѣта, словно чуда, словно великаго благостнаго чуда.

— Гдѣ? На Санъ-Жакъ, — торопливо, тревожно отвѣчаетъ Ривочка и тянетъ меня за рукавъ.

*

*

*

Довольно, надо сознаться: я усталъ. И надо еще въ одномъ сознаться: довольно игры, иначе крышка, какъ моей покойной бородѣ, погибшей во имя святаго искусства. Довольно, я хочу отдохнуть, я просто, животнo хочу солнца, зелени и... ни одного еврея.

Я нажимаю всѣ кнопки, дѣлаю героическія усилія — и вотъ я въ Италиі. Радостно горитъ солнце. Въ моей странѣ солнце никогда не радовалось. Я подсчиталъ свои капиталы и увидалъ, что могу начать новую жизнь разумно: я нашелъ удивительную шляпу, не менѣе удивительный голубой галстухъ, а въ придачу прекрасную бархатную куртку съ неимовѣрнымъ количествомъ кармановъ. Я могу теперь смѣло разсовать по карманамъ мою прошлую глупую и смѣшную вѣру. Я переодѣлся. Я очень живописень.

Телѣжка куплена, шарманка тоже, — дѣло за осликомъ. Какъ же безъ осла?

Я продаю свой старый костюмъ прибавляю послѣднія лиры — и осликъ есть. Я вывелъ его на берегъ моря, окатилъ его морской водой и назвалъ его «товарищемъ Михаиломъ».

Каюсь, но это послѣдняя дань прошлому. Когда-то было сказано умное слово: въ каретѣ прошлаго далеко не уѣдешь. Но на ослѣ прошлаго?

Итакъ, мой осель, въ путь!

ОГЛАВЛЕНІЕ

Х. Н. Бяликъ	Стр. 9
Галаха и Агада	
С. Черниковскій	
Завѣтъ Авраама	35
Вареники	49
Х. Гринбергъ	
Борьба за національную индивидуальность	59
Х. Н. Бяликъ	
Передъ книжнымъ шкафомъ .	93
С. Ан—скій	
Встрѣча	99
Осмѣяніе .	103
И. Бунинъ	
Благовѣстіе	113
Г. Шофманъ	
Ганя . .	117
На посту	120
У дороги .	122
В. Брюсовъ	
Библия	133
Х. Н. Бяликъ	
Подъ оболочкой языка	137
Л. Яффе	
Егез Israel	147
Въ омаровой мечети	149
Въ долину Сарона	150
С. Дубновъ	
Воспоминанія объ Абрамовичѣ	153
С. Маршакъ	
Иерусалимъ	175
Х. Тадиръ	
Мессія .	179
Андрей Соболевъ	
Встань и иди .	195

